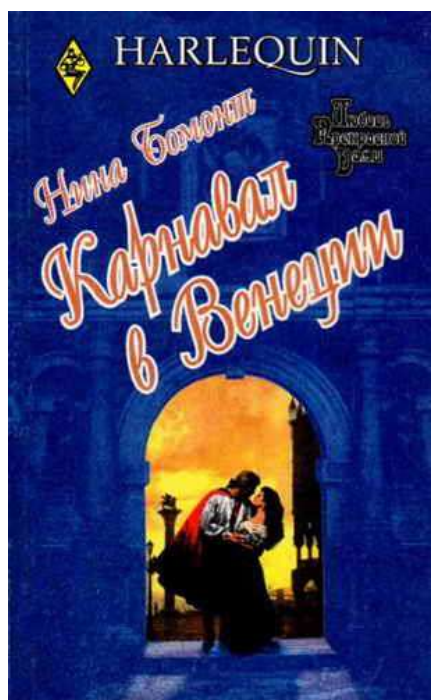

Нина Бомонт Карнавал в Венеции

<http://megabook.do.am>

«Карнавал в Венеции»: Радуга; М.; 2001
ISBN 0-373-29022-5, 5-05-005116-9

Аннотация

Она узнала его. Лицо этого человека невозможно забыть. Кьяра поклялась, что отомстит за сестру. Негодяй получит свое. Вот только... Сердце подсказывает, что душа его чиста. А сердце никогда ее не обманывало...

Нина Бомонт Карнавал в Венеции

Глава первая

Венеция, октябрь 1767 года, первый день карнавала

Кьяра украдкой нащупала тонкий кинжал, спрятанный за поясом широкой юбки. Острие слегка поцарапало ладонь, но ей стало не так страшно, когда человек, словно клещами сжимавший ее руку, свернул с ярко освещенной площади Сан-Марко на темную и узкую улочку, где едва могли бы разойтись двое прохожих.

Человек явно торопился и оставил без внимания ее едва заметный жест. Вскоре они остановились перед потрескавшейся от влажности почти неприметной дверью, и он дважды стукнул по ней кулаком.

– Пришли, – сказал он, мельком взглянув на Кьяру.

– Ты сказал, что отведешь меня в дом богатой и знатной синьоры. – Кьяра вырвала руку и приготовилась либо бежать, либо пустить в ход свой кинжал – смотря по обстоятельствам. – Знатная синьора даже близко не подойдет к такому убогому дому.

Незнакомец обернулся и взглянул на девушку. В свете тусклого фонаря, висевшего над входом, ее кожа казалась землистой. Но он видел девушку днем и знал, что ее щечки похожи на

золотистый абрикос. Взгляд ее ярко-синих глаз был настороженным, однако страх отсутствовал.

А девчонка с характером, подумал он. Он оставит ее себе и заработает на ней неплохие деньги. А когда она станет ему не нужна, сутенеры, обитающие в темных закоулках Венеции, с радостью помогут от нее избавиться. Правда, он вдруг почувствовал что-то вроде угрызений совести, но быстро их подавил, как только представил свою дочь, неподвижно лежащую в постели, несмотря на дорогие снадобья, которые ей прописывают доктора.

– Я привел тебя куда нужно. Это казино синьоры Джульетты Бальдини, вдовы синьора Луиджи Бальдини. – Поскольку он говорил правду, то без особого труда придал уверенность своему голосу. – Будь ты венецианкой, – продолжал он, – то знала бы, что синьор Бальдини был очень богат. И знала бы, что знатные дамы принимают гостей в своем дворце лишь по официальным поводам. А с друзьями они встречаются вот в таких небольших домах, как этот, где гости могут вести себя непринужденно и развлекаться в более интимной обстановке. – Его губы сложились в усмешку. – Разве тебе это неизвестно? Или ты врешь и не обладаешь никаким даром ясновидения.

– Я вижу то, что мне дано увидеть. Иногда я вижу много, а иногда – почти ничего. Если я – ясновидящая, это еще не значит, что мне известно все.

– А тебе, крошка, и не обязательно знать все. – Незнакомец рассмеялся, и его смех гулко отозвался в пустынном проулке.

Ей и на самом деле лучше знать поменьше, подумал он и снова схватил Кьяру за локоть.

– Все, что от тебя требуется, – это предсказать кое-кому судьбу. Точно так, как ты это делала сегодня днем на площади. – Плечи Кьяры были закутаны в старую черную шаль, но шея и верхняя часть груди над вырезом блузки оставались открытыми, и незнакомец не мог скрыть своего оценивающего взгляда. – И будь полюбезней с гостями синьоры Джульетты.

Дверь со скрипом отворилась, на пороге появился дворецкий в дорогой, зеленой с золотом ливрее и с канделябром в руках.

– Опаздываешь, Манелли. Синьора Джульетта уже начала терять терпение. – Дворецкий повернулся и стал подниматься по узкой лестнице.

Кьяра, все еще не выпуская из рук кинжала, позволила втолкнуть себя в небольшую прихожую.

Обстановка – круглый стол на гнутых ножках, обитые красным бархатом стулья, дорогие свечи в золоченых канделябрах – свидетельствовала о том, что дом, скорее всего, действительно принадлежит знатной даме. Откуда-то сверху доносились смех и звуки мандолины. Пахло кофе, духами и растопленным воском.

Кьяра подумала о нескольких серебряных монетах, которые она сегодня заработала и спрятала в кошельке, привязанном к поясу. За сегодняшний вечер ей тоже пообещали вознаграждение. Так что она сможет оплатить пребывание своей сестры на небольшой ферме близ Падуи. А самое главное – это еще на один шаг приблизит ее к отцу, и месть, которая была смыслом ее жизни последние два года, наконец свершится.

– Отпусти руку, – тихо сказала она тому, кого дворецкий только что назвал Манелли.

Тот посмотрел на Кьяру и неожиданно увидел, как изменился взгляд девушки: он будто бы остекленел.

Жадность и жестокость – вот что увидела Кьяра, глядя на Манелли, но, присмотревшись пристальнее, поняла, что тот испытывает боль и беспокойство. Перед ее внутренним взором предстала молодая женщина, которая, сев в постели и протягивая руки, сказала: «Папочка».

Кьяра моргнула и сосредоточила взгляд на мужчине.

– Не беспокойся. Твоя дочь поправится. – Увидев, как глаза Манелли засветились отчаянной надеждой, она улыбнулась. – Поверь мне. Я это видела.

С этими словами Кьяра пошла наверх вслед за дворецким.

* * *

Глупая болтовня Джульетты страшно раздражала Луку Дзани. Он отвернулся и, перекинув одну ногу через подлокотник дивана, стал машинально пощипывать струны

мандолины. Из соседней комнаты доносилось позвякивание монет, и он уже подумывал, не присоединиться ли к игрокам. Может быть, партия в «фараона» с высокими ставками развеет его скуку и поможет ему избавиться от апатии, которая не покидала его с тех пор, как он приехал в Венецию.

Однако лень, которой, казалось, были заражены все венецианцы, взяла верх, и он так и остался сидеть. Из-под полуприкрытых век он лениво рассматривал золоченую лепнину на потолке, а перед его мысленным взором расстилалось безбрежное синее море.

Он скучал по свежему, чистому морскому воздуху, но у него не было сил оторваться от удовольствий этого праздного города, где никто ни о чем, кроме развлечений, не думает.

Соблазны и чувственные удовольствия подстерегают тебя здесь на каждом шагу, думал он, и кажутся нормой жизни, почти единственной реальностью. А ведь он приехал в Венецию с определенной целью – выступить перед Большим советом от имени адмирала Анджело Эмо и потребовать больше кораблей и людей для борьбы с пиратами. И тот человек в маске, который подошел к нему на площади и заговорил с ним о свободе и возрождении Венецианской республики, тоже был из реальной жизни.

Краем глаза Лука увидел, что Джульетта встала и собирается уходить; он вздохнул с облегчением. Она была красива, а в постели столь же искусна, как высокооплачиваемая куртизанка, но уж слишком утомительна. Изящное рубиновое с бриллиантами ожерелье, которое Лука намеревался преподнести Джульетте в качестве «отступного» подарка, уже несколько недель лежало у него дома, но он почему-то медлил, надеясь, что все разрешится как-нибудь само собой.

Кто-то тронул Луку за плечо, и тот в недоумении обернулся, но возле него никого не было.

Выпрямившись, Лука оглядел комнату. В дальнем углу дремал в кресле какой-то старец. Напротив него двое молодых людей в масках были заняты таким пылким флиртом, что, казалось, забыли, что они не одни.

В дверях Джульетта разговаривала с каким-то крупным мужчиной и высокой молодой девушкой в цветастой юбке. И снова Луке почудилось, что кто-то до него дотронулся, но на сей раз он мог бы поклясться, что это была женская рука и она прикоснулась к его груди чуть повыше сердца.

Он отложил в сторону мандолину и поймал взгляд девушки. Она смотрела на него с нескрываемой враждебностью. Удивившись этому, Лука встал и подошел к Джульетте.

– Что здесь происходит? – поинтересовался он, все еще глядя девушке прямо в глаза. Эти глаза были цвета воды в Адриатическом море, но они пылали такой ненавистью, с какой Лука еще ни разу в жизни не сталкивался.

– Эта цыганка – ясновидящая. Она предскажет судьбу нашим гостям, а потом... – усмехнулась Джульетта, – потом их развлечет. Не правда ли, дорогой, это что-то новенькое?

Но Лука пропустил слова Джульетты мимо ушей. За свои двадцать семь лет он нажил немало врагов, однако еще никогда не сталкивался с такой неприкрытой ненавистью, даже когда в ход шли мечи или шпаги.

В первый раз за много недель он почувствовал интерес к жизни. Эту загадку стоит разгадать, подумал он. Тем более что она связана с женщиной, внешность которой достойна кисти Тициана. Лука оглядел ее всю, и его приятно поразило полное отсутствие притворства.

Черные кудри, рассыпавшиеся по плечам, совершенно очевидно не были знакомы с притираниями, которыми пользовались венецианки, чтобы осветлять свои волосы, как того требовала мода. Губам цвета спелой клубники не нужна была помада, а золотистой коже – пудра. В довершение всего вместо мушки на щеке была явная грязь.

Лука снова взглянул в глаза девушки. Они были странно неподвижны и обращены куда-то мимо его лица. Это еще больше его озадачило.

Нет, он непременно должен разгадать эту загадку.

* * *

Это он. Трудно поверить, но она узнала светлые волосы цвета спелой пшеницы, хотя и не

завитые и не напудренные по моде, а схваченные на затылке черной лентой. И точеный, совершенный профиль.

Кьяра даже тряхнула головой, чтобы прийти в себя. Она, должно быть, ошибается. Неужели ей так повезло и судьба свела ее с человеком, которого она ненавидит? Ненавидит даже больше, чем своего отца.

Но тут он повернулся, и она поняла, что не ошиблась. В целом свете не могло быть других таких губ, изгиб которых обещал и блаженство, и страдания. Так, наверно, выглядит Люцифер, подумала она. Падший ангел, который предпочел править в аду, чем прислуживать в раю.

Кьяра смотрела, как он встает и идет к ней, и вопреки здравому смыслу не могла не восхититься его красотой. Кьяра снова нащупала рукоятку кинжала, спрятанного за поясом юбки. Однажды она уже пролила кровь этого человека. Кинжал поможет и еще раз. Но не сегодня.

Кьяра смотрела на него, и неожиданно будто чья-то рука отодвинула в сторону ненависть внутри нее, и она услышала голос. Внутренний голос, иногда призывавший ее погрузиться в призрачную область ощущений и образов и заглянуть в душу стоящего перед ней человека.

И она увидела свет. Чистый свет, подобный лучам восходящего солнца. Она думала, что увидит тьму и зло, но их не было. Видимо, это какая-то уловка, хитроумный трюк, чтобы ослепить ее, решила она. Но тут за спиной человека, внутри которого был свет, появились очертания темного силуэта. Она узнала его – те же совершенные черты лица, та же стать. Но этот силуэт окружала темная аура, такая явственная, что она могла бы потрогать ее руками.

Стало быть, он владеет секретами черной магии, решила она. Он хотел ослепить ее своим сиянием, чтобы она не увидела его темную душу. Но ему не удастся ее обмануть – она уже увидела зло.

Усилием воли она заставила себя вернуться в реальный мир. Мужчина все еще глядел на нее. В его взгляде было не простое любопытство. Он смотрел так, как мужчина смотрит на женщину.

Однако в ту ночь в цыганском таборе на окраине Тосканы она была свидетельницей того, как этот человек надругался над ее сестрой. Дьявольский огонь и похоть светились тогда в его взгляде.

Сейчас этот взгляд был другим. Угадывавшееся в нем вожеление было более утонченным, притягательным. И невидимыми щупальцами оно коснулось Кьяры прежде, чем та успела это понять и защититься.

– Что ж, начнем!

Визгливый голос Джульетты прервал размышления Луки. Он увидел, как необычный свет в глазах цыганки померк. Но за секунду до того, как она снова посмотрела на него с ненавистью, мужчина заметил, что ее взгляд смягчился, словно он каким-то образом тронул в ее душе струну, созвучную его собственным ощущениям.

– Сними свою ужасную шаль. – Капризный тон Джульетты вызвал у Луки раздражение. Вообще он заметил, что это чувство возрастало уже несколько недель. Видимо, настало время подарить Джульетте рубиновое ожерелье и расстаться с ней. – Тебе бы следовало ее отмыть, Манелли, – продолжала выговаривать Джульетта, размахивая перед носом Кьяры веером из слоновой кости и искусно расписанного пергамента. – Впрочем, кое-кому эта дикарка может и понравиться. Ты уж постарайся, Манелли, чтобы она понравилась моим гостям. Я полагаюсь на тебя.

Манелли сдернул шаль с плеч Кьяры и подтолкнул ее в комнату, где в ожидании чудес уже собралась большая компания гостей.

Джульетта, взяв Луку под руку, хотела отвести его в сторону, но он не сдвинулся с места.

– По-моему, ты слишком заинтересовался этой девчонкой, дорогой. – Джульетта надула накрашенные губы.

– А разве не этого ты хотела? – удивился Лука. – Разжечь любопытство своих гостей?

– Но ты же не гость, ты...

Лука приложил палец к губам Джульетты, призывая ее помолчать, и стал наблюдать за цыганкой. Окружившие ее гости протягивали к ней ладони и все разом просили предсказать

судьбу.

– Я не гадаю по ладони.

При звуке ее голоса Лука вздрогнул: для юной девушки он был низким и хриловатым, но как нельзя лучше подходил цыганке, которая привыкла проводить ночи в открытом поле у костра.

– Я не могу видеть всей вашей жизни. Вы можете задавать вопросы, и если мне будет позволено увидеть ответы, вы о них узнаете.

– Да она мошенница, – прошипела Джульетта. – Манелли и лиры от меня не получит.

Неожиданно от группы гостей отделился некто в длинном черном плаще и плотно прилегающей белой маске, закрывавшей две трети лица. Капюшон из черного кружева ниспадал на плечи, так что было невозможно определить, скрывается под этим нарядом мужчина или женщина.

Человек приподнял треуголку в знак приветствия и слегка поклонился.

– Скажи мне, покорится ли когда-нибудь женщина, которую я люблю? – Вопрос был задан скрипучим шепотом.

Лука увидел, что взгляд цыганки снова остекленел, а сама она застыла в полной неподвижности. Казалось даже, что она перестала дышать.

Прошло несколько минут. Девушка тяжело вздохнула, и отсутствующее выражение исчезло.

– Женщина, которую ты любишь, покорится тебе не один раз. Но она никогда не отдаст своего сердца.

– Почему?

– Потому что ее сердце принадлежит только ей одной.

Человек в плаще жестом показал, что он не верит.

Кьяра пристально посмотрела в глаза, сверкнувшие в разрезах маски.

– Ни один мужчина не будет любить вас так, как вы сами себя любите, синьора.

Манелли вцепился в плечо Кьяры и, наклонившись к ее уху, предупредил шепотом:

– В Венеции никто не смеет раскрывать тайну маски.

Кьяра сбросила руку Манелли и с отворачиванием отвернулась: от него противно пахло луком и дешевым вином.

– Тот, кто не хочет знать правду, пусть не задает вопросов.

– Оставьте бедную девушку, – промолвила маска, и на сей раз голос был явно женским. – Она сказала правду.

Женщина рассмеялась и, протянув Кьяре золотую монету, повернулась и направилась к выходу.

В комнате воцарилась тишина. Все узнали голос, но никто не решался открыто это объявить. Он принадлежал сказочно богатой и эксцентричной синьоре Лауре Парадини, которая постоянно нарушала все условности и без того весьма терпимого в вопросах морали венецианского общества. Лаура Парадини пережила трех мужей, тогда как половина аристократок Венеции была вынуждена уйти в монастырь из-за недостатка склонных к браку мужчин.

Одобрение синьоры Парадини послужило знаком для присутствующих, и они окружили цыганку, требуя немедленно ответить на их вопросы.

Однако Кьяра растолкала гостей. Ей необходимо поговорить с этой женщиной. Когда Кьяра проникла в сущность синьоры Парадини, она явственно почувствовала присутствие своего отца. Кьяра не увидела его, но он там был.

Ей во что бы то ни стало надо узнать, была ли эта женщина знакома с ее отцом. Возможно, это ключ к разгадке.

– Синьора, – окликнула Кьяра женщину в плаще, увидев, что та уже спускается по лестнице. – Пожалуйста, подождите.

– Возможно, мы с тобой еще встретимся, но сейчас я тороплюсь проверить, правильно ли твое предсказание. – Синьора махнула рукой и сбежала вниз.

– Что ты себе позволяешь? С ума сошла? – Манелли схватил Кьяру, видимо опасаясь, что она сбежит.

Кьяра вырвалась из рук Манелли и вернулась к гостям. Она разыщет эту женщину, поклялась себе девушка, а через нее найдет отца – после того, как осуществит свою месть.

Судьба оказалась к ней благосклонной. Кьяра отыскала взглядом в толпе гостей высокого светловолосого мужчину. Да, она отомстит, и гораздо раньше, чем надеялась.

Лука стоял, скрестив на груди руки и прислонившись к стене, обитой тончайшей кожей с золотым тиснением. Целый час он не спускал глаз с цыганки, наблюдая, как она, раз за разом, погружается в какие-то неведомые глубины и при этом взгляд ее останавливается, а тело застывает, словно у мертвой. И всякий раз после этого она изрекает нечто, что потрясает толпу, ибо это оказывается правдой.

Лука всегда считал себя просвещенным прагматиком, который не верит в сверхъестественные силы, и поэтому не сомневался, что здесь кроется какой-то обман.

Непонятно только, почему она смотрит на него с такой ненавистью? Может быть, ему удастся подобрать к ней ключик? Он признался себе, что цыганка волнует его, и ему это нравилось.

– Нет, ты говоришь неправду, – раздался истеричный голос. – Я передам тебя инквизиции.

Джульетта подбежала к бившемуся в истерике гостю и принялась его успокаивать:

– Мой дорогой Савини, не стоит так расстраиваться из-за слов глупой цыганки. – Джульетта взяла его за руку, одновременно указав Манелли глазами на Кьяру. – Не думаете же вы, что все ее прорицания – святая истина? У меня есть предложение, как нам решить эту проблему.

Лука смотрел, как искусно Джульетта справилась с неприятной ситуацией: Савини явно успокоился, а гости принялись пить кофе с бренди и сплетничать, будто ничего особенного не произошло. Тем временем Манелли увел Кьяру в соседнюю комнату.

Оторвавшись от стены, Лука последовал за ними.

Глава вторая

– Ты что, сошла с ума? – орал Манелли. – Как ты смеешь говорить о таких вещах, как алхимия!

Лука вошел и так тихо прикрыл за собой дверь, что ни Манелли, ни цыганка его не услышали.

– Что такое ал-алхимия? – Кьяра запнулась: слово было ей незнакомо. – Я сказала лишь о том, что видела. А я увидела человека, который опускает черный камень в сосуд с жидкостью и ждет, когда тот превратится в золото.

– Господи, помолчи! – Манелли прижал ладони к ушам. – Одно то, что я тебя слушаю, делает меня виновным в глазах инквизиции.

– Если ты не хотел, чтобы я говорила правду, зачем привел меня сюда? А теперь отдай мне деньги, которые обещал, – потребовала цыганка и протянула руку.

– Ты явно помешалась. – Манелли покрутил пальцем у виска. – Ты могла навлечь на мою голову инквизиторов. Даже самые храбрые робеют при одной мысли о темных подвалах Дворца дождей. И после этого ты... смеешь требовать деньги?

– Ты обещал мне заплатить за предсказание.

– Не получишь! И будь благодарна за то, что это единственная неприятность, которую я тебе доставлю.

Кьяра посмотрела на Манелли в упор. Ярость жила в ее душе с самого детства, с тех пор, как она поняла, что отец обращается с ее матерью хуже, чем со служанкой. Сейчас она вспыхнула, словно пламя, взметнувшееся из тлеющего костра от порыва ветра. Ее рука непроизвольно легла на рукоятку кинжала, но ей и в голову не пришло им воспользоваться. Против этой жабы у нее найдется другое оружие.

– Если ты меня надуешь, тебе это даром не пройдет. Знаешь, что делают цыгане с теми, кто их обманывает? – низким угрожающим голосом спросила Кьяра.

Побледнев, Манелли отступил и скрестил указательный и средний пальцы от сглаза и, запинаясь, пробормотал, отводя взгляд:

– Если ты сделаешь то, что обещала, я тебе заплачу.

Кьяра сдвинула брови. Если он вздумает провести ее, она...

– Оставь нас, Манелли. Я хочу поговорить с девушкой.

Кьяра и Манелли вздрогнули от неожиданности и, словно их потянули за веревочки, разом обернулись.

– Но, синьор! Синьора Джульетта...

– Предоставь синьору Джульетту мне. – Выражение лица Дзани, помимо его воли, стало холодным и жестким. – Пошел вон!

Манелли встретился с ледяным взглядом синьора Луки Дзани, и на лбу у него выступила испарина. Но все же он не сразу подчинился приказу, так как уже испытывал на себе жестокий нрав синьоры Джульетты.

Но тут Лука услышал, как дверь за его спиной распахнулась и вошла Джульетта под руку с Савини.

– Что ты здесь делаешь, Лука? – спросила она.

– Я мог бы задать тебе тот же вопрос, дорогая, – ответил Лука, но смотрел он на Савини. А тот не сводил с цыганки плотоядного взгляда. – Или ты привела сюда Савини, чтобы он мог расплатиться с этой девушкой за то, что она сказала правду?

Только сейчас Кьяра поняла, что происходит и зачем ее привели в эту комнату: старое пугало с выпученными глазами хочет овладеть ее телом. И все остальные намерены способствовать этому.

Она подавила крик возмущения и страха, готовый вырваться из груди. Словно дикий зверь, окруженный со всех сторон охотниками, она замерла. А потом бросилась бежать.

Лука, стоявший к ней спиной, каким-то шестым чувством понял ее намерение. Резко обернувшись, он преградил ей дорогу, схватил обеими руками и безжалостно стиснул в объятиях. Кьяра попыталась вырваться, но тот держал ее слишком крепко.

Однако Кьяра была полна решимости вырваться. Этот изнеженный франт, щеголь в шелку, парче и кружевах – воплощение зла и жестокости, но он трус. Однажды он сумел от нее улизнуть.

Она изо всей силы ударила Луку локтем в живот, но он лишь тихо чертыхнулся и еще крепче сжал ее. Кьяра продолжала биться и, неожиданно наклонившись, впилась зубами ему в руку.

Тут Лука отбросил все попытки сохранить самообладание и, схватив цыганку за волосы, дернул так, что у нее искры посыпались из глаз.

– Да успокойся же ты! – прорычал он. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

– Нет! – закричала она. Воспоминание о дьявольском блеске его глаз в ту ночь почти два года тому назад придало ей новые силы. – Отпусти меня! – Цыганка сумела вырваться и, прежде чем он успел увернуться, вонзила ногти ему в щеку.

Терпение Луки лопнуло. Как клещами он сдавил ее руки и так резко завел их назад, что она вскрикнула от боли. Одной рукой он сковал ее запястья, а другой обхватил за шею и прижал к себе.

Кьяра затихла. Силы разом покинули ее. Но тут она увидела свет. Не веря себе, девушка попыталась разглядеть темный силуэт. Напрасно.

Очнувшись, Кьяра встретилась с ним взглядом. Глаза Луки были черными, как ночное небо, в золотистых крапинках, похожих на крошечные огоньки. И взгляд, против ее ожидания, был не злобным, а вполне доброжелательным, даже веселым.

– Ну, – смеясь спросил он, – решила наконец сдаться?

Жизнь научила Кьяру хитрости: иногда лучше уступить, чтобы потом ударить с удвоенной силой. Поэтому она потупила глаза, притворившись, что покорилась.

– Я не сдалась, – тихо сказала она. – Просто подчиняюсь грубой силе.

– Мудрое решение. Если я тебя отпущу, ты попытаешься снова меня как-нибудь покалечить?

Кьяра кивнула.

– Посмотри на меня.

Он взял девушку за подбородок и обратил к себе ее лицо. Когда их взгляды встретились,

она почувствовала, что ненависть куда-то исчезает. Как ни старалась она удержать ее, свет, словно кокон, окутавший этого человека, ослеплял.

Лука заметил страх в ее глазах.

– Не бойся. Я не причиню тебе зла. – Он было немного ослабил тиски, но она тут же зашевелилась, и Лука снова крепко сжал ее руки. – Придется тебе потерпеть, пока я не удостоверюсь, что ты не убежишь, – несмотря на мягкость тона, в голосе звучал металл.

– Ты сказал, что отпустишь меня!

– Так и случится, – улыбнулся он, – но сделай одолжение, побудь со мной еще немного. – Он опустил руку и крепко прижал Кьяру к себе.

– Какая трогательная сцена! – В притворном восторге Джульетта захлопала в ладоши. – Я и не подозревала, дорогой, что тебе нравится насилие, а то бы давно оказала тебе такую услугу. Однако, – она ударила сложенным веером по ладони, – я полагаю, пришло время заняться делом.

– А я полагаю, что самое время синьору Савини удалиться, – отозвался Лука. – Я слышал, что Большой совет начинает работу рано утром.

– Но вы обещали... – запротестовал Савини.

– Уверен, вы неправильно поняли. – Улыбка, появившаяся на лице Луки, скорее напоминала волчий оскал. – Синьора Джульетта имела в виду, что все, происшедшее здесь сегодня вечером, останется в тайне.

– Сплетни все равно пойдут. Вы же знаете, как венецианцы любят позлословить, – возразил Савини. – Самое малое, что вы можете сделать, это...

– Доброй ночи, синьор, – прервал его Лука, почувствовав, как девушка замерла.

Бросив на Луку разъяренный взгляд, Савини выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

– Что ты натворил! – Джульетта была вне себя. – Что за игру ты затеял?

– Не терплю, когда действуют принуждением. Особенно по отношению к незащитным людям. – Неожиданно до Луки дошла ирония собственных слов, и он отпустил Кьяру.

Вот наглец, подумала Кьяра. Заявляет, что противник принуждения, а сам... Она слишком хорошо помнит, как он обошелся с ее сестрой, силой заставив покориться. И ей никогда не забыть страх, застывший в глазах Донаты. Ненависть снова вспыхнула в сердце Кьяры.

– Ты начитался философских трактатов из Франции, дорогой. И, похоже, поверил всему тому вздору, что в них написан: о душевной чистоте дикарей и правах человека. – Джульетта была не на шутку рассержена. – Пусть Манелли отведет ее туда, где нашел.

– Спасибо, синьора, синьор, – поняв намек, отозвался Манелли. Он так грубо схватил Кьяру за руку, что почти оторвал рукав блузки. – Пошли, пошли.

– Отпусти! – Кьяра попыталась вырваться, но мясистые пальцы Манелли впились ей в руку.

Все еще борясь с Манелли, Кьяра взглянула на Луку. Она его ненавидит. Придет день, и она его убьет. Но сегодня он был к ней добр. И девушка заглянула в его черные глаза, моля о помощи.

– Манелли, ты не слышишь, что она сказала? Сейчас же отпусти ее!

– Но, синьор, она принадлежит мне.

– Ты хочешь сказать, что она твоя рабыня?

– Нет! – воскликнула Кьяра в ужасе от одного этого слова. – Я не рабыня! Я никому не принадлежу!

Манелли взглянул на Джульетту, и та ему еле заметно кивнула.

– Да, синьор, она моя рабыня.

Кьяра билась в руках Манелли. Неужели это происходит с ней? – думала она. Нет, это просто страшный сон, сейчас она проснется.

– В таком случае, – сказал Лука, – я ее у тебя покупаю.

Не веря своим ушам, Кьяра в ужасе смотрела, как Лука опустил руку в карман своего парчового жилета.

– Этого будет, пожалуй, маловато за такую отличную рабыню, – сказал Лука деловым тоном, разглядывая монеты на своей ладони. – Ты ведь не откажешь мне в небольшой ссуде, дорогая?

– Ч-что? – прошипела Джульетта.

Лука, словно получив согласие, расстегнул на шее любовницы застежку ожерелья из крупных аметистов, обрамленных жемчугом, и без предупреждения бросил его Манелли.

Манелли отпустил Кьяру и на лету поймал ожерелье обеими руками. А потом, точно крыса, которую преследуют кошки, выбежал из комнаты.

Джульетта в бешенстве набросилась на Луку, а Кьяра отступила назад.

– Как ты смеешь меня оскорблять! – взвизгнула Джульетта. – Что ты себе позволяешь!

– Я никогда не буду твоей рабыней, – сказала Кьяра низким, чуть хрипловатым голосом, и Луке послышались в нем страстные нотки. Но он оставил ее слова без внимания и сосредоточился на своей любовнице.

– У тебя есть глаза и уши, моя дорогая. Разве не очевидно, что именно я себе позволяю? – Губы Луки изогнулись в самодовольной усмешке, свидетельствующей о том, что ему не раз приходилось утихомиривать строптивых женщин. – Я покупаю себе рабыню.

– Можешь делать все, что тебе взбредет в голову, но не в моем присутствии.

– Ничего особенного я не сделал, – пожал плечами Лука. – Умерь свой пыл, дорогая.

– Только не говори, что собираешься лечь с ней в постель. – У Джульетты задрожали губы. – Ты мой любовник! Как ты можешь так со мной поступать!

– Любовник, да, возможно, но не бессловесный обожатель, поклявшийся служить тебе вечно. – Лука уже не старался сдерживаться. – Ты с радостью согласилась стать моей любовницей без всяких условий или обещаний с моей стороны.

– Позже поговорим, – стиснув зубы, процедила Джульетта. – Мне надо вернуться к гостям.

– Лучше в другой раз, моя дорогая. – Определенно настало время расстаться с Джульеттой, подумал Лука. Он пошлет ей рубиновое ожерелье завтра же. – Сегодня я не в настроении разговаривать.

– Понимаю. – Джульетта перевела взгляд с Луки на цыганку. Спрятав сжатые кулаки в складках платья, она сказала как можно более непринужденно: – Желаю приятных утех, дорогой. Только не забудь смыть ее запах, перед тем как вернешься ко мне в постель.

Бросив презрительный взгляд на Кьяру, она гордо удалилась.

Наступила такая тишина, что Кьяра слышала собственное дыхание. Лука не сводил с нее глаз.

Кьяра сосредоточилась, пытаясь увидеть, что же происходит в его разуме. Почему она не только не видит там зла, но даже не чувствует его? Ведь оно должно там быть. Лишь неясная тень промелькнула и пропала в ярком свете.

– Подойди поближе.

– Нет. – Она вздернула подбородок. – Я не раба.

– Я сказал, подойди! – В мягком голосе снова появились стальные нотки. – Если бы ты знала меня лучше, то поняла бы, что я не из породы терпеливых.

Кьяра не увидела в нем зла, но почувствовала его силу. Все же она решила ей противостоять. Бросить ему вызов – вот ее единственный шанс.

– Я свободная женщина, и у меня нет желания лучше тебя узнать.

Выражение его лица почти неуловимо изменилось. Теперь он похож на Люцифера, подумала Кьяра, и недоволен тем, что происходит в его царстве. Внезапно девушку охватил страх, да такой сильный, что перехватило дыхание.

– Я свободна, – повторила она. – Ты не можешь меня заставить делать то, чего я не хочу. Разве что тыпустишь в ход свою сверхъестественную силу.

– Ошибаешься! Я перекупил тебя у Манелли. И да будет тебе известно, в Венеции рабство все еще вполне законно.

– Зато незаконна продажа того, что тебе не принадлежит, – смело парировала Кьяра, хотя внутри у нее все дрожало. – Я не собственность Манелли.

– Нет? А почему я должен тебе верить? – Говоря это, Лука дивился своему необъяснимому упрямству. Почему он мучает эту девушку? Ведь он купил ее для того, чтобы

отпустить на свободу. У него в жизни не было рабов. Сама мысль о рабстве была ему отвратительна. Но сейчас желание удержать цыганку напоминало, скорее, одержимость.

– Я не лгу.

Она была напугана. Лука видел, как сильно билась голубая жилка у нее на шее. Но она бросила ему вызов с решимостью, на которую не всякий мужчина способен. Он даже почувствовал к ней уважение. Но оно все сильнее вытеснялось внезапно вспыхнувшим вождением.

– Неужели? Разве ты не женщина?

– Да, я женщина, но ни одно лживое слово не срывалось с моих губ.

Он стал медленно к ней приближаться, и сердце Кьяры забилося отчаяннее. Она отступила на шаг, но сзади оказалась стена. Бежать было некуда, и она взглянула на него в упор.

Цыганка была красива. Но привлекали в ней не только прелестное лицо и соблазнительное тело, а еще какая-то необузданная страстность. Лука испытывал не просто влечение, но мощное непреодолимое притяжение.

Лука остановился в шаге от Кьяры, ему вдруг страшно захотелось к ней прикоснуться. Однако он прекрасно знал, как опасно поддаваться неожиданным порывам.

– Так-так, – насмешливо произнес он, не в силах прекратить затеянную им самим игру, – значит, ты никогда не лжешь?

Цыганка кивнула.

– А как тебя зовут?

– Кьяра.

– Какое совпадение!

– Что это значит?

– Ты говоришь, что ты ясновидящая, а твое имя означает «ясная, светлая». Стало быть, идеально тебе подходит.

– Что поделаешь. Не могу же я тебе в угоду лгать. – Она тряхнула головой. – Этим именем назвала меня мать.

– Значит, Кьяра... Что же мне теперь с тобой делать? – Не в силах сдерживаться, Лука протянул к девушке руку.

– Не трогай меня. – Она плотнее прижалась к стене, как будто хотела пройти сквозь нее и исчезнуть. Одна лишь мысль о том, что он может к ней прикоснуться, приводила ее в ужас.

– Я не сделаю тебе больно.

Кьяра пыталась подавить страх, черным, ядовитым облаком поднимавшийся в ней, но он все нарастал, так что она стала задыхаться.

Этот страх не ускользнул от внимания Луки, и он дотронулся ладонью до ее щеки, чтобы успокоить.

Кьяра вскрикнула и увернулась.

Что-то в душе Луки надломилось. Он вызывает у нее такое отвращение, словно заражен черной оспой. Темные силы – жесточечность и склонность к насилию, – которые он всю жизнь так упорно старался держать под контролем, неожиданно прорвались и захлестнули его.

Позабыв, что он не хотел ни напугать цыганку, ни причинить ей боль, забыв все, кроме того, что он желает ее, Лука уперся ладонями в стену по обе стороны ее головы, не давая ей двинуться с места.

Глава третья

На секунду у Кьяры остановилось сердце. Она чуть было не поддавалась желанию закрыть глаза и, соскользнув на пол, притвориться мертвой, как какой-нибудь зверек. Боже, не допусти, чтобы он дотронулся до меня, взмолилась она, только не допусти.

Но прежде, чем она успела сдаться, давние друзья – ненависть и гордость, сопровождавшие ее всю жизнь, – пришли на подмогу, и страх отступил. Она вскинула голову и встретила взглядом с Лукой.

Однако вместо усыпанной звездами бархатной ночи, которую она видела в его глазах

прежде, Кьяра заметила непроницаемую темноту грозового неба. Бушевавшее в этом взгляде неистовство заставило собраться, и страх исчез совсем.

Лука тоже заметил перемену во взгляде Кьяры. Страх снова уступил место ненависти, запылавшей с еще большей силой.

– Почему ты меня так ненавидишь? – спросил он, скорее удивленно, чем зло.

– Сам знаешь, – огрызнулась она. – Во всяком случае, должен был бы.

Озадаченный таким ответом, Лука попытался вспомнить, встречались ли они раньше. Что он мог натворить, чтобы вызвать такую ненависть? Однако ему ничего не приходило в голову, кроме одного: он вряд ли забыл бы эту женщину.

– Для ясновидящей ты поразительно легкомысленна.

Она ничего не ответила, только сверкнула удивительными синими глазами.

– Манелли продал бы тебя первому встречному. Неужели ты этого не понимаешь?

Девушка сознавала, что рискует. Но ей казалось, что она сумеет себя защитить. И ей очень нужны были деньги, чтобы заплатить семье, которая заботилась о сестре.

– И он действительно продал меня первому встречному, – ответила она без всякого выражения и закрыла глаза.

– Я заплатил Манелли и намеревался тебя отпустить, – сказал он, и у него возникло неприятное чувство, будто он извиняется. – У меня в жизни не было рабов.

– А теперь есть. И ты уже не хочешь меня отпускать, ведь так?

В ее низком голосе снова появилась хрипотца, признак страсти, которая распалила Луку, и у него не осталось сил сдерживаться. Мужчина сделал шаг вперед и прижался к девушке всем телом.

Кьяра попыталась отодвинуться, но сзади по-прежнему была стена, и некуда было деваться. А их тела были так близко, словно слились воедино. Ей хотелось кричать, но она знала, что никто не придет ей на помощь, а она не привыкла растрачивать энергию по пустякам.

Сейчас он начнет дергаться, подумала она, ощутив, как твердая плоть упирается ей в живот. Сейчас он задерет ей юбку. Сейчас он проникнет в ее тело.

Но он ничего такого не сделал. Наоборот. Он замер, не спуская с нее глаз, будто хотел проникнуть в ее тайны.

Кинжал! Как она могла про него забыть? Но если она поднимет руку, он насторожится. Мысли вихрем проносились в голове. Если он захочет ее изнасиловать, ему придется немного отступить. Вот тогда-то она выхватит кинжал и убьет его.

Ей даже стало чуточку жаль, что месть будет такой скорой и насильник не успеет узнать, почему она его убивает. Но, может, это и к лучшему. У нее не будет времени подумать о том, что она видела свет, когда заглянула в его душу. Она не успеет спросить, почему она увидела свет там, где его, скорее всего, не было.

Приняв решение, Кьяра немного успокоилась.

Почувствовав, что она слегка расслабилась, Лука улыбнулся. Ее, наверное, обидел какой-нибудь негодяй, подумал он. Но он покажет ей, как все должно быть.

Он наклонил голову и прижался к девушке губами. Вопреки ее ожиданиям поцелуй был легким, нежным. А когда он обвел языком ее губы, Кьяра замерла, боясь шевельнуться.

С бесконечной нежностью Лука снова и снова проводил языком по ее губам, а когда они раскрылись, шепнул:

– Да, милая, так.

Желание кипело в его крови, он проник языком внутрь ее рта.

А Кьяра увидела своим внутренним взором их обоих как бы со стороны. Они лежат на широком диване, кругом разбросаны разноцветные подушки. Ее обнаженные плечи белеют на фоне ярко-красного шелкового покрывала. Где-то неподалеку вода плещется о деревянную стену. В комнате витает дурманящий аромат благовоний, смешиваясь с запахом их разгоряченных тел. Он смотрит на нее сверху и улыбается.

– Нет, – сказала она своему внезапному видению.

– Нет? – Лука отодвинулся настолько, чтобы заглянуть ей в лицо. – А я был уверен, что это больше похоже на «да». – И, не дав ей ответить, он снова приник к ее устам.

Кьяра попыталась сопротивляться, но почему-то обмякла, внезапно обессилив.

Его язык снова дразнил ее. Девушку сжигал огонь. В отчаянии она пыталась уверить себя, что это ненависть, но пламя разгоралось все ярче, пока совершенно не ослепило ее так, будто она стояла в ярком солнечном луче.

Непроизвольно, робко она коснулась его языка своим. Это прикосновение пронзило Луку, как удар молнии. Схватив ее обеими руками за голову, он стал целовать ее со всей страстью, на которую способен зрелый мужчина. Кьяра вздрогнула, будто пробуждаясь от глубокого сна. До нее вдруг дошло, кто этот человек. Она стала биться, пытаясь освободиться от его настойчивого рта и от незнакомого, мучительного ощущения, захватившего ее тело.

Лука не сразу понял, что вовсе не страсть владеет Кьярой.

Но как только он отстранился, с трудом подавив в себе желание, цыганка затихла.

– Я не хотел причинить тебе боль, – сказал он.

Тщетно пыталась Кьяра уловить во взгляде Луки хотя бы отголоски недоброжелательности, которые она ожидала увидеть еще час назад, впервые встретившись с его взглядом. Как долго он сможет притворяться? Откуда черпает силу? Почему ей не удастся разглядеть скрывающуюся в нем злобу? Последнее обстоятельство пугало ее больше всего.

– Я тебя напугал? Я был груб? – спросил он, глядя ее обнаженные плечи.

– Меня не так-то легко напугать, – вызывающе ответила она, но не смогла, как ни старалась, подавить в себе невольное удовольствие от этой ласки.

– Верю. – Он улыбнулся, заметив ее реакцию на его прикосновения. – Ты когда-нибудь спала с мужчиной?

Его слова напомнили ей, кто он и что ей предстоит сделать.

– А тебе какое до этого дело? – Ее рука скользнула к поясу юбки. Обхватив пальцами рукоятку кинжала, она незаметно вытащила его из ножен.

Ну, ударь! Ударь! – мысленно приказала она себе, однако рука не послушалась.

– В общем-то, никакого, – усмехнулся он, пальцы продолжали ласкать ее кожу. – Просто я хочу тебя, вот и все.

Тихий, издевательский смешок всколыхнул память, и, выхватив кинжал, она нанесла удар, целясь прямо в сердце Луки.

Лука не сразу понял, что случилось. А когда до него дошло, что она держит в руках оружие, то он поднял руку, чтобы отвести удар. Но было уже поздно: удар был нанесен слишком быстро и слишком сильно.

Острые кинжала ткнулось в ребро рядом с сердцем, прежде чем Лука, не обращая внимания на боль, стукнул Кьяру по руке. Кинжал упал на пол.

Лука был взбешен. Он с такой силой толкнул Кьяру, что та ударилась головой о стену.

– Черт бы тебя побрал! Я убивал и не за такое!

– Я не боюсь умереть.

– Почему ты хотела меня убить? – потребовал он ответа. – Неужели спать со мной такое уж страшное наказание? Некоторые женщины даже позавидовали бы тебе.

Кьяра вспомнила пустые глаза сестры. Вспомнила, как Доната всхлипывает во сне.

– Я тебя ненавижу. И презираю.

– Но почему?

– Я уже сказала. Тебе следовало бы знать, почему.

– Мне надоели твои загадки. Говори.

Может, и правда сказать ему, кто она? Нет, ни за что. Он найдет способ обернуть все в свою пользу. Чем меньше он о ней знает, тем лучше. Она затаится, но настанет день, и, прежде чем убить, она ему откроется.

Кьяра покачала головой.

– Говори! – приказал он и крепче сжал ее руку.

– Нет, – прошептала она.

– А ты знаешь, как легко заставить человека говорить? – Злость бушевала в душе Луки, словно шторм на море. Он пытался успокоиться, но ничего не получалось. – Стоит мне чуть-чуть повернуть твою руку, и она сломается.

– А какой толк от рабыни со сломанной рукой?

– Для того, как я собираюсь тобой воспользоваться, руки не нужны. – Его губы

изогнулись в злобной усмешке.

– И что бы я ни говорила или делала, ты свое возьмешь, не так ли?

– Не исключено. И все же попробуй!

Кьяра поняла, что исчерпала все свои возможности.

– Ты венецианский патриций – вот почему я тебя ненавижу.

Лука был поражен.

– Не понимаю.

Кьяра решила, что скажет лишь часть правды.

– Мой отец патриций.

– Твой отец? – удивился Лука. – А как его зовут?

– Не знаю. Я для того и приехала в Венецию, чтобы это выяснить.

По блеску ее глаз Лука догадался, что она лжет, но не подал виду.

– И попутно решила заколоть всех венецианских дворян?

– Только тех, кто попытается меня изнасиловать, – презрительно бросила она.

– Я не собираюсь тебя насиловать.

Цыганка не ответила, но по мрачному блеску ее глаз он понял, что она осталась безучастной к его признанию.

– Вижу, ты мне не веришь. – Не отпуская ее рук, он отступил на шаг. – У меня нет причины лгать.

– А у меня нет причины тебе верить.

Лука внимательно посмотрел на Кьяру и рассмеялся.

– Жаль, что ты не мужчина. С таким храбрецом мы бы в два счета разгромили пиратов. – Помолчав, он добавил, глядя на ее грудь: – Но, с другой стороны, я рад, что ты не мужчина.

– Если правда то, что ты не собираешься меня изнасиловать, может, ты меня отпустишь? – с надеждой в голосе спросила она.

– Нет.

– Почему?

– Я хочу тебя. Но ведь я уже тебе об этом говорил, помнишь?

– Ну так насилуй! – взорвалась она, негодуя.

– Я не стану тебя насиловать. Я уверен, что смогу убедить тебя, что близость со мной – не такой уж страшный удел.

– Убедить рабыню? – презрительно усмехнулась она. – Неужели ты думаешь, что я этому поверю?

– Хочешь верь, а хочешь – нет. Но мне всегда претила мысль о насилии. Я предпочитаю убеждение.

Кьяра была уверена, что он лжет, но все же немного расслабилась.

– А после того, как ты меня убедишь, ты меня отпустишь?

– Отпущу? – Он пожал плечами. – Не знаю. На этот вопрос я смогу ответить лишь на следующий день.

Кьяра привыкла рисковать. Она давно жила кочевой жизнью и почти перестала загадывать, что принесет не только следующий день, но даже час. Может, стоит отдаться ему, а когда в пылу страсти он потеряет бдительность, она...

– Пошли. – Лука крепко взял ее за руку и потащил к двери.

– Куда ты меня ведешь?

– Домой.

Это слово всколыхнуло какие-то давно забытые воспоминания, и глаза Кьяры наполнились слезами. Когда-то, очень давно, ей казалось, что и у нее есть дом.

Глотая слезы и спотыкаясь, Кьяра пошла за Лукой.

Глава четвертая

Ярость, ужас, отвращение – все эти чувства бурлили в душе Луки, словно стремительный горный поток. Как случилось, что он чуть не надругался над этой девушкой?

Он всегда ненавидел насилие в отличие от своего брата. Лука подметил эту сторону

характера брата, когда они были еще мальчишками. Маттео издевался над слугами и мучал сверстников. Лука всякий раз старался утихомирить брата, и не только потому, что любил его, но и потому, что чувствовал и в себе склонность к насилию. Но Лука умел себя контролировать, а Маттео – нет.

Во всяком случае, до сих пор Лука думал, что умел. Но сегодня понял, что потребовался лишь подходящий момент и подходящая женщина, чтобы зло вырвалось на свободу, словно дикий зверь из клетки.

Неужели при взгляде на цыганку им овладело то же безумие, которое заставило Маттео изнасиловать и убить Антонию? Неужели он оказался всего в шаге от того же, что совершил Маттео? О Боже, подумал Лука, неужели он такой же, как его брат-близнец?

Лука вспомнил, как застал Маттео над истерзанным бездыханным телом Антонии. Именно тогда он поклялся, что никогда не даст воли дремлющим в нем демонам. Даже для того, чтобы отомстить за девушку, которую нежно любил. А сегодня зло взяло над ним верх, и Луке стало стыдно.

Ведь он так сжал руки цыганки, что она вскрикнула от боли. Лука был на волосок от того, чтобы грубо овладеть ею прямо на месте. Надо ее отпустить, решил он. Нельзя принуждать женщину к близости только потому, что тобою овладело желание.

Что это с ним? Безумие, вызванное всплеском ярости, которое пройдет, или проклятие ведьмы, которое останется с ним навсегда?

И хотя Лука стал понемногу успокаиваться, он все еще ощущал, как что-то дурное расплзается в его душе, будто ядовитая плесень. Он понял, что не в состоянии побороть в себе злобу, прислушаться к голосу совести и отпустить Кьяру.

Девушка наблюдала за ним. Он отпустил ее руку и, казалось, забыл о ее существовании. Может быть, подумала Кьяра, он потерял к ней интерес? Может, уже жалеет, что вообще с ней связался?

Она украдкой глянула на дверь. Ключа в замке не было, и засов был отодвинут. Попробовать быстро выскочить? Или подождать, пока они окажутся в темном проулке?

Кьяра сделала осторожный шаг. Он по-прежнему смотрел на пламя свечи в золоченом канделябре на противоположной стороне и, по-видимому, не заметил ее движения. Она стала медленно, не сводя взгляда с его хмурого лица, двигаться по направлению к двери.

Ее остановил звук шагов. Дворецкий! Глазами она определила расстояние: три или четыре шага. Сделав глубокий вдох, цыганка приготовилась бежать.

Внимание Луки привлек уже ее первый шаг. Он ее отпустит. Возможно, после этого он сможет снова себя уважать. Если она сейчас останется, загадал мужчина, значит, он будет считать это ее свободным выбором. А если побежит, он не станет ее удерживать.

Когда она метнулась к двери, он обернулся и загородил ей дорогу, нарушив данное самому себе обещание.

– Куда это ты собралась?

Почти со стоном она остановилась. Теперь он ни за что ее не отпустит, подумала она.

– Я собирался позволить тебе убежать, но понял, что не могу.

– Не хочешь.

– Не могу, – пожал он плечами. – И не хочу.

– Ваш плащ, дон Лука.

Не отрывая взгляда от Кьяры, Лука позволил дворецкому накинуть ему на плечи длинный черный плащ, потом надел черную треуголку. Взяв в одну руку белую маску, Лука другой взял Кьяру за локоть и вышел с нею на улицу.

Даже в столь поздний час площадь Сан-Марко была полна народу. Трактиры и некоторые лавки были ярко освещены. Отовсюду неслась музыка, влюбленные парочки кружились в танце, не замечая никого вокруг. Люди, группами стоявшие на площади, были преимущественно в экзотических маскарадных костюмах – мавры, арлекины, китайцы. Многие просто закутались в длинные черные плащи и закрыли лица масками.

Погода была довольно ветреной, и Кьяра дрожала в легкой, к тому же разорванной одежде. Беззаботный смех доносился со всех сторон, и девушка остро почувствовала, как она

одинок.

Они прошли мимо собора, византийский фасад которого мерцал даже ночью, мимо Дворца дождей к набережной, где на темных, посеребренных луной волнах канала покачивались гондолы.

– Привет, Томмазо, – окликнул Лука одного из гондольеров, скучившихся у основания египетской колонны.

– Вы что-то сегодня рано, синьор, – приветствовал гондольер Луку. – Хотите, чтобы я отвез вас... – Томмазо мельком глянул на стоящую рядом с Лукой девушку.

– Домой, Томмазо.

Гондольер удивленно поднял брови, но кивнул. Он провел их вокруг колонн, потому что проходить между ними считалось плохой приметой, так как там иногда устанавливали виселицы и эшафоты.

Лука ступил в гондолу и подставил руки Кьяре.

– Давай я тебя перенесу.

Кьяра, все еще не терявшая надежды сбежать, отступила, но за спиной у нее стоял гондольер.

– Не пугайся, – шепнул ей тот. – Он очень щедрый и к тому же весьма искусный любовник. – И подтолкнул девушку.

Она споткнулась, но не упала, потому что сильные руки подхватили ее и поставили на дно гондолы.

– Боже, да у тебя руки ледяные!

Ему захотелось обнять ее и согреть. Повинуясь этому желанию, он прижал ее крепче, но, увидев испуг в глазах, оттолкнул с такой силой, что она упала на обитую подушками скамью.

Сняв с себя плащ, он бросил его Кьяре. Черт бы ее побрал! – подумал он. Когда она смотрит на него своими огромными глазами, полными презрения, он чувствует себя мерзким животным. Еще раз чертыхнувшись, он сел рядом с ней.

Она дрожала от холода, но не дотронулась до плаща. Лука поднял его и быстрым движением, так, чтобы не коснуться ее, накинул на плечи. А потом устроился поудобнее и закрыл глаза.

Вскоре Кьяра согрелась. Почему этот злой, жестокий человек иногда вдруг становится благородным, великодушным? – думала она. Эти проявления доброты приводили ее в замешательство. Да правда ли то, что видят ее глаза?

Собравшись с силами, она решила сделать еще одну попытку проникнуть в его внутренний мир с помощью своего дара. Напрасно. Будто опустился черный занавес и загородил ее видение. Наверное, она устала и душой и телом, исчерпала за сегодняшний вечер свои силы. Проницательность вернется после того, как она отдохнет.

Кьяра искоса взглянула на Луку. Ошибки быть не могло – тот же горделивый профиль. Волосы немного длиннее, и выражение глаз мягче, но лицо то же самое. Отвращение и ужас снова овладели Кьярой.

Почувствовав на себе ее взгляд, Лука открыл глаза и спросил:

– Ты смотришь на меня так, словно я дьявол. Почему? – Ему было непонятно, как ей удалось взять над ним такую власть – она то причиняла ему боль, то будила в нем дикого зверя. – Ах, да. Ты же считаешь, что я должен это знать, – грустно сказал он. – Может, со временем и узнаю.

Гондола мягко ударилась о деревянные ворота и остановилась.

– Вот мы и приехали.

Кьяра услышала скрежет поворачиваемого в замке ключа и скрип ржавых петель, и гондола вплыла в темный канал со сводчатой крышей наподобие крытой галереи. Пространство было освещено одним-единственным факелом. Запах горячей смолы смешивался с запахом сырости и гниения.

В мгновение ока Кьяра очутилась на скользких камнях. Слуга запер ворота, и лязг металла о металл прозвучал как окончательный приговор.

Сквозь чугунную решетку ворот Кьяра бросила последний взгляд на канал и подумала: все кончено.

Стараясь побороть отчаяние, она попыталась уверить себя, что это судьба и что не зря именно этот человек оказался на ее пути. Судьба давала ей шанс осуществить свою месть.

– Добро пожаловать в палаццо Дзани!

Насмешка в голосе Луки заставила Кьяру вздрогнуть. Но она промолчала и не проронила ни слова, пока он вел ее вверх по каменным ступеням лестницы.

– Дон Лука! – Старый слуга, прислуживавший Луке с детства и дремавший на стуле, вскочил и удивленно воскликнул: – Святая Мадонна! Что с вами случилось? На вас напали?

– Небольшая стычка. А теперь послушай.

Лука отдавал приказания старому слуге, дружески похлопывая его по плечу. Кьяра подумала, что Лука обращается со слугой с большим уважением, чем ее отец обращался с матерью.

– Синьор, разрешите промыть ваши раны.

– Это подождет, Рико. Делай, что я сказал.

Лука подошел к круглому столу, инкрустированному алебастром и серпентином, и налил в бокал вина.

– На, выпей, – сказал он и сунул бокал ей в руку.

Она машинально потянулась за бокалом, забыв, что секунду назад решила не поддаваться его доброте, но тут же отдернула руку и покачала головой.

– Как хочешь. – Не спуская с нее глаз, Лука залпом выпил вино. – Откуда ты родом?

– У цыган нет родины. Они живут везде... и нигде.

– Но ты ведь цыганка только наполовину.

– Я считаю себя чистокровной цыганкой.

Это была неправда. Она слишком хорошо помнила то короткое время, когда они кочевали с цыганским табором. Она была там чужой, так же, как люди со светлой кожей, приходившие в табор, чтобы им погадали.

– У тебя глаза не такие, как у цыганки. Они цвета морской воды, освещенной солнечным светом. – Он налил себе еще вина и сказал: – За твои глаза, Кьяра.

Неожиданная мягкость в его голосе тронула ее. Что-то шевельнулось у нее внутри, когда она смотрела, как он подносит к губам бокал, как пьет вино. Она никогда не испытывала подобного, но интуитивно чувствовала, что именно так происходит, когда женщину охватывает желание.

Что это со мной? – в ужасе подумала Кьяра.

Лука увидел, как сверкнули ее глаза, и ему захотелось коснуться ее лица. Но тут дверь открылась, и в комнату вошла целая вереница слуг с ведрами воды и постельным бельем.

– Рико проводит тебя в твою комнату. Рико, это Кьяра. Она моя...

Кьяра гордо вздернула подбородок, ожидая услышать ненавистное слово.

– Моя гостья.

Глаза Кьяры округлились от изумления, но Лука уже отвернулся. Молча она последовала за Рико.

А Лука между тем, стоя перед зеркалом в резной золоченой раме, висевшим над камином, ждал, пока Кьяра покинет комнату. Боже, подумал он, разглядывая свое лицо, ну и разукрасила же она меня. Он потрогал царапины на щеке и пятна крови на разорванном кружеве рубашки. Лука рассмеялся. Не стоит чувствовать себя виноватым. Она достойный противник.

– Я оставил женщину одну, – объявил появившийся в дверях Рико. – Могу я теперь заняться вашими ранами, синьор?

Лука молча кивнул и начал раздеваться.

В камине бледно-желтого мрамора горел яркий огонь, но в комнате все еще было прохладно. Кьяра сняла с кровати синее шелковое покрывало и, завернувшись в него, подошла к окну.

Внизу темной лентой змеился канал. Лунный свет и отблеск факелов на стенах некоторых домов отражались в воде серебряными и золотыми бликами. Кьяра открыла окно, оказавшееся незапертым, и высунулась наружу.

Канал подходил к самой стене дома. От дома шел небольшой деревянный пирс, вдоль которого были вбиты полосатые столбы для швартовки. Одинокая гондола, покрытая парусиной, покачивалась на волнах.

– Здесь очень высоко. Не советую тебе прыгать.

От неожиданности Кьяра вздрогнула. Обернувшись, она увидела, как вместе с Лукой в комнату вошел слуга, поставивший на стол поднос с едой.

Когда слуга ушел, Лука, глядя в упор на Кьяру, повернул у себя за спиной в замке ключ и положил его в карман темно-синего шелкового халата.

Нетрудно было понять намерения Луки. Кьяра внутренне съежилась, но Лука оставался стоять у двери.

– Ну? – не выдержала она. – Теперь я достаточно чистая? – Не получив ответа, она добавила с нескрываемым вызовом: – Вот уж не думала, что для такого человека, как ты, это имеет значение.

Все еще не говоря ни слова, Лука подошел к Кьяре.

– И что же я за человек?

Внешне он был спокоен. Казалось, ему лишь интересно узнать, что она скажет, но Кьяра почувствовала, как им начинает овладевать гнев.

– Такой, каким я его видела сегодня вечером.

– Как ясновидящая?

Что, если он каким-то образом догадался, что ее внутреннее видение не совпадает с тем, что видят ее глаза?

– Нет. Мне нужны только глаза, чтобы понять, что это за мужчина, который вот так метит женщину. – Она закатала рукава ночной рубашки и протянула руки.

При виде синяков на ее запястьях Лука почувствовал отвращение к самому себе. Может, он и не убийца, как Маттео, но в его жилах течет та же дурная кровь.

– Прости меня, – сказал он и, подняв ее руку, прижался губами к багровым отметинам.

– Прекрати, – прошептала она, чувствуя, что получает удовольствие от его прикосновений, и ненавидя себя за это. – Что ты делаешь?

– Стараюсь унять боль. Пытаюсь извиниться. Желая загладить вину. Приношу покаяние. Выбери, что тебе больше нравится. – Он поднес к губам другую руку.

– Не трогай меня.

– Этого не было в моем перечне, – улыбнулся Лука. Глядя ей в глаза, он провел языком по синяку.

– Не надо.

– Не надо чего? Трогать тебя? Целовать?

Его дыхание словно ласкало ее кожу. Как ей могут нравиться поцелуи этого человека, если сам он вызывает у нее ужас и отвращение?

– Ничего не надо. Отпусти меня.

– Я тебя не держу, а всего лишь к тебе прикасаюсь. – Он прижался губами к тому месту на запястье, где бился пульс, и был вознагражден, почувствовав, как учащается его биение. – Ты можешь отойти в сторону, только и всего.

Значит, она не пленница. Но она пленена. Ее пленили его прикосновения, его теплый взгляд, обещающий все земные наслаждения.

Он, верно, продал душу дьяволу, подумала Кьяра, а взамен овладел наукой соблазнения. Ведь она знает, что он способен на самые что ни на есть гнусные поступки.

Лука наблюдал за тем, как изменилось выражение ее лица. И хотя острое желание пронзало его так же, как час назад пронзил ее кинжал, он отступил. Это будет нелегко, подумал он. Но она того стоит.

– Рико принес еды. Иди сюда. Ты, должно быть, проголодалась. Я так просто умираю от голода.

Глава пятая

Как только запахи изысканных яств долетели до Кьяры, она едва удержалась, чтобы не

броситься к столу и не начать пригоршнями запихивать себе в рот еду. Если не считать куска хлеба с сыром, съеденного еще на барже, которая доставила ее в Венецию, и яблока, украденного с лотка уличного торговца, она уже три дня ничего не ела.

Девушка была просто зверски голодна, но заставила себя чинно сесть за стол и взять лишь кусок хлеба.

Лука наблюдал, как она отламывает маленькие кусочки, и понял, что такая размеренность свидетельствует либо о страшном голоде, либо об умении сдерживаться.

Он подошел к ней сзади и накинул на нее покрывало, на сей раз позволив своим рукам немного задержаться на ее плечах.

– Здесь все еще холодно. В этой комнате давно никто не жил.

Кьяра подтянула покрывало.

– То есть ты не каждую ночь приводишь сюда женщин? – бросила она через плечо.

– Нет. – Лука сел за стол и, чтобы чем-то занять руки, взял кусок сыра. – Будь ты и впрямь ясновидящей, ты бы меня об этом не спрашивала.

– Я не растрачиваю свой дар на то, что не имеет значения.

– Понятно. – Усмешка тронула его губы. – Стало быть, узнать о жизни нескольких праздных господ было для тебя важно.

– Мне нужны были деньги.

– Для чего?

Для моей сестры. Для Донаты, которую ты изнасиловал и лишил разума! Эти гневные слова чуть было не сорвались с языка Кьяры, но она лишь пожала плечами.

– Расскажи, что еще ты делаешь за деньги?

От Кьяры не ускользнули издевательские нотки в его тоне, и ее пальцы невольно крепче сжали кусочек хлеба. Если она сейчас поднимет глаза от стола и взглянет на него, то уже не сможет сдерживаться.

– Я никогда не ложилась в постель с мужчиной за деньги, – тихо сказала она.

– Когда-то надо начинать.

– Но не с тобой. – Она все же подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

Только она вымолвила эти слова, как в ужасе замерла, вспомнив видение, промелькнувшее перед ней, когда он ее поцеловал. Если видение было верным, она ляжет с ним в постель не за деньги. И не из мести.

Дьявол ее побери, подумал Лука, с ее гордостью, с ее умением напустить холодность! Ведь он знал, чувствовал, что она к нему равнодушна!

Лука плеснул вина в два бокала и тут же осушил свой.

– Ты будешь моей. За деньги или без них. Ты сама этого захочешь. – Голос был мягким, но настойчивым. – Давай выпьем за это.

– Нет, спасибо.

– Пей!

Что-то в голосе Луки насторожило Кьяру, а в его глазах мелькнула ярость, которую она уже видела раньше. Она почувствовала, что он изо всех сил старается обуздать свой гнев.

Она подняла бокал, сделала несколько глотков и поставила его обратно.

– Не нравится вино?

– Оно превосходно.

– Тогда почему ты не пьешь? Боишься, что потеряешь голову? – И, как бы бросая вызов, он залпом осушил свой бокал.

– Ты угадал, – осторожно ответила она и чуть отодвинула свой стул от Луки.

– Но почему? Надеешься удрать?

Она даже пытаться не станет, подумала Кьяра. Она здесь по воле судьбы. И она сможет отомстить. Какой бы высокой ни была цена.

– Я знаю, что не могу сбежать.

– Вот и умница. Тогда зачем же ты стараешься сохранить трезвую голову? Боишься, что от вина станешь более сговорчивой?

– Вино может сделать меня слабой, но оно никогда не сделает меня сговорчивой. Ничто не может сделать меня сговорчивой.

– Ошибаешься. Я могу, и мы оба это знаем.

Он придвинулся к ней, и она ощутила его дыхание на своих губах. Ее тело стало слабеть. Он и вправду может. Кьяра охватило отчаяние. Он может овладеть ее телом!

Но ее душой – никогда!

Как будто читая мысли цыганки, он улыбнулся:

– Вот видишь. С каким бы жаром ты это ни отрицала, я могу заставить тебя подчиниться. – Встав, он обмотал вокруг руки часть покрывала, так что и ей пришлось встать.

Когда их тела соприкоснулись, Кьяра испытала потрясение такой силы, что, казалось, на мгновение словно потеряла сознание. Но придя в себя, ощутила, как чувства Луки волнами накатывают на нее.

Зло все еще не покидало тело Луки, но Кьяра чувствовала, как оно постепенно уступает место желанию, сильному и жаркому, и еще чему-то глубокому и мощному. Тому, что возникает между мужчиной и женщиной, когда они становятся нужными друг другу.

Потрясенная, ошеломленная, Кьяра тряхнула головой. Как ему удастся так ловко скрывать таящееся в нем зло? Как может такой человек столь глубоко чувствовать?

А Лука наслаждался прикосновением ее груди, биением ее сердца. Он заметил эмоции, промелькнувшие в ее глазах. Потрясение, сменившееся смущением и удивлением.

Господи, как же он ее желал! Еще ни одна женщина не была ему нужна так, как эта. Не в силах совладать с собою, он опустил голову, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась, и поцелуй достался щечке.

Кьяра замерла, но он не попытался найти ее губы. Он лишь погладил большим пальцем лицо и стал целовать ее ухо.

На какую-то долю секунды Кьяра забыла, где находится и кто этот человек. Но мысли о Донате заставили ее прийти в себя.

– Отпусти меня.

Он так быстро ее отпустил, что она еле удержалась на ногах. Разноречивые чувства – облегчение, удивление, гнев – терзали ее. Она была сердита на Луку. Но еще больше сердилась на себя.

– Как пожелаешь, дорогая.

– Весьма благодарна вам за великодушие, – съязвила она.

– Принимается. Хотя, поверь, было бы очень легко оставить без внимания твою просьбу и сосредоточиться на твоих соблазнительных вздохах и столах.

Он насмешливо поднял брови. Кьяра не ответила, но почувствовала, как кровь прилила к лицу. Не только щеки – все ее тело горело от его тихого смеха, от его близости.

– Возможно, ты считаешь их слабостью. Возможно, мне не следует этого говорить, но на самом деле в них большая сила. Понимаешь ли ты, какую власть приобретаешь над мужчиной, когда реагируешь подобным образом? Даже если это происходит против твоей воли.

Он провел пальцем по ее шее.

– Да имеешь ли ты представление о том, как чувствует себя мужчина, если знает, что может заставить сильнее забиться сердце женщины? Пусть даже и оттого, что она собирается воткнуть в него нож?

При упоминании о ноже Кьяра невольно взглянула туда, где из-под расстегнутого ворота рубашки была видна нанесенная ею рана.

– Тебе следует сделать примочку, чтобы рана не воспалилась. – Слова вырвались у нее сами собой, и она тут же прикусила язык.

– Тронут твоей заботой.

Кьяра лишь передернула плечами. Мужчина погладил пальцем ямку у основания ее шеи, и она невольно вздрогнула от удовольствия.

Лука почувствовал это. Ему страшно захотелось прижать ее к себе, но именно поэтому он опустил руку и отступил на шаг.

– Ах, Кьяра! Что мне с тобой делать? У тебя есть какие-нибудь предложения? Просьбы?

– Никаких.

– Тогда я пожелаю тебе спокойной ночи. – Помолчав, он добавил: – Надеюсь, тебе не придет в голову соорудить лестницу из простыней? Твое окно охраняется.

– Не волнуйся. Я не собираюсь сбежать. По крайней мере, сегодня, – поспешила добавить она, заметив удивленный взгляд Луки.

– Какой хитрый план зреет в твоей цыганской головке? Посмотри на меня.

Она нехотя повиновалась, но не ответила.

– Я все равно выясню.

Конечно, выяснишь, подумала Кьяра. И за все заплатишь.

– Не в моем характере так грубо обращаться с женщинами, – сказал он, целуя синяки у нее на запястье. – Со временем ты сможешь в этом убедиться.

Лука вышел из комнаты, даже не обернувшись.

Должно быть, такое сверхъестественное самообладание – следствие союза с Высшим Злом, решила Кьяра. Кровь все еще стучала у нее в висках. Она опустила на колени и начала молиться с отчаянием и надеждой. Она просила Всевышнего послать ей силы, чтобы противостоять злу.

Кьяра проснулась от звона посуды и дразнящего запаха горячего шоколада. Вспомнив, где находится, она быстро села в постели.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – улынулась Кьяра в ответ на приветствие служанки.

– Вставайте. Завтрак накрыт. Через час придет белошвейка.

– Белошвейка? – удивилась Кьяра, подходя к столу. – Это еще зачем? – Она с жадностью отломала хрустящую корочку свежего хлеба.

– Дон Лука приказал, чтобы вам сшили новую одежду.

– Мне не нужна новая одежда, у меня есть своя. Кстати, где она?

– Дон Лука велел ее сжечь.

Кьяра вскочила, готовая разразиться гневной тирадой, но, увидев, как девушка в страхе отступила, поняла, что нет смысла обрушиваться на ни в чем не повинную служанку, да и горевать о том, чего уже не поправишь, тоже было глупо. Она снова села и принялась за еду.

– Вам еще что-нибудь нужно? – робко спросила служанка.

Кьяра покачала головой, а потом спросила:

– Как тебя зовут?

– Дзанетта.

– Сядь, Дзанетта, и расскажи мне о... доне Луке.

Девушка бросила взгляд на дверь, а потом присела на краешек стула.

– Разве вы его не знаете? Весь дом только о вас и говорит.

– Представляю себе.

Кьяра откусила кусок хлеба с маслом и медом и закрыла глаза от удовольствия.

– Рико сказал, что вы гостя синьора. Некоторые перешептываются, полагая, что вы его любовница. Дворецкий слышал, как дон Лука спорил с доном Алвизе и синьорой Эмилией, – единым духом выпалила Дзанетта.

– А они кто?

– Старший брат дона Луки и его жена. Он хороший хозяин, но очень строгий. – Подумав, служанка добавила: – Он сказал, что не потерпит присутствия в своем доме порочной женщины.

Именно с этими словами отец выгнал из дома ее мать, с болью подумала Кьяра.

– А ты, Дзанетта, что думаешь?

– Не знаю. – Служанка нервно теребила фартук. – Но если вы его любовница... – тут Дзанетта хитро улынулась, – то, по-моему, вы выбрали красавца. Не такого, как...

За дверью раздался шум шагов, и служанка вскочила.

– Мне нужно идти. – Поклонившись, Дзанетта шмыгнула в дверь, которую Кьяра вчера не заметила, но успела разглядеть за ней длинный коридор. Ей захотелось посмотреть, куда он ведет, но девушка уже захлопнула дверь, и Кьяра услышала, как в замке повернули ключ.

Значит, слугам отдано распоряжение ее запирать, поняла она.

Вскоре дверь снова отворилась, и вошла Дзанетта в сопровождении пожилой женщины в строгом коричневом платье. Следом шла вереница служанок с ворохами платьев и рулонами

разных материй.

– Снимите ночную рубашку. Я должна снять с вас мерку, – приказала старуха. – Наденьте это, да побыстрей. У меня мало времени.

Кьяра начала было протестовать, но передумала. Ей же надо во что-то одеться, раз ее собственное платье сожгли. Она сняла ночную рубашку и надела тонкий чехол. Служанки между тем суетились вокруг нее, снимая мерки.

– Наденьте вот это желтое, – приказала Кьяре белошвейка.

Кьяра взглянула на кринолин из желтого шелка и жесткий корсет и замотала головой.

– Вы правы, – одобрительно кивнула белошвейка. – От желтого тускнеют ваши краски.

Попробуем голубое.

– Нет, – снова возразила Кьяра.

– Это почему? Вам очень идет голубой цвет.

– Я не стану вырядаться в это.

– Мне некогда с вами препираться. Меня ждут. Я обшиваю половину Венеции. Эти платья сшиты по последней моде и из самых дорогих тканей. Чего вы еще хотите? – Белошвейка бросила платье одной из служанок и, отвернувшись, пробормотала: – Цыганское отродье!

– Повторите, что вы сказали! – Кьяра схватила женщину за руку.

Та в испуге выдернула руку и произнесла заикаясь:

– Что? Я... я ничего не говорила.

Дзанетта хихикнула, и уже старуха повернулась, чтобы отчитать ее, но тут из двери, ведущей в соседнюю комнату, появился Лука.

Глава шестая

Все разом ахнули и присели в поклоне. Все, кроме Кьяры.

– Что здесь происходит? – грозно спросил Лука, но его глаза светились улыбкой. Кьяра стояла перед ним с гордо поднятой головой, ее фантастического цвета глаза смотрели на него с презрением, почти с ненавистью – совсем как вчера. И если вчера он просто горел от желания обладать ею, сейчас это чувство граничило с нестерпимой болью.

Он устыдился ее взгляда и обратил свой взор на служанок.

– Что вы стоите? – набросился он на них. – Дайте синьорине чем-нибудь прикрыться!

Одна из девушек схватила с кровати шелковое покрывало и набросила его на плечи Кьяры.

Кьяра была немного обескуражена его заботой, но ее неприятно поразил его враждебный тон.

– По всему видно, что вы давно не принимали в своем доме гостей, синьор, – сказала Кьяра с такой явно наигранной вежливостью, что от Луки не могло ускользнуть ее желание его оскорбить. – Иначе вы наверняка припомнили бы, что, прежде чем войти в спальню дамы, следует постучаться.

Уже вчера Лука отметил в речи Кьяры едва уловимый выговор, характерный для венецианцев. Поэтому у него не было причины не верить, что отец Кьяры действительно был родом из Венеции, хотя то, что он дворянин, вызывало сомнение. Но этот тон, это еле ощутимое сочетание вежливости и высокомерия навели его на мысль, что, возможно, Кьяра говорила правду.

– Примите мои извинения, синьорина. – Лука еле заметно поклонился. – Но что ожидать от человека, который три четверти своей жизни провел в море? Мы всего лишь неотесанные моряки, мало чем отличающиеся от пиратов, с которыми воюем.

Он моряк? – недоуменно нахмурилась Кьяра. Если это так, то что он делал год назад в горах Тосканы? И если он действительно сражался с пиратами, то почему вскрикнул и не защитился от ее кинжала, а, как трус, закрыл свое красивое лицо руками?

Сомнения снова закрались в душу Кьяры, но она их отмела. Это он, она не может ошибаться. Во всем христианском мире не может быть другого такого лица.

Лука следил за тем, как меняется выражение ее глаз. Оно то было холодным, как вчера, а то вдруг во взгляде мелькала нерешительность, которая, впрочем, очень скоро снова сменялась

ненавистью.

– Тебя что-то беспокоит?

– Я не стану носить такие платья, – вызывающе бросила Кьяра.

– Какие именно? – вежливо осведомился он, но, судя по тому, как напряглись уголки его губ, это стоило ему больших усилий.

– Вот эти! Они больше похожи на орудия пытки, чем на платья.

Ее слова заставили Луку улыбнуться.

– А какие туалеты ты бы надела? – поинтересовался он, невольно окидывая взглядом ее фигуру.

– Простую цыганскую юбку и блузку, как те, в которых ты меня сюда привел. – Кьяра почувствовала, что начинает злиться.

– Склоняюсь перед твоим выбором, моя дорогая. Сшейте синьорине то, что она просит, – обратился он к белошвейке.

– Я обшиваю самых знатных дам Венеции, – ответила та, презрительно фыркнув. – Мое доброе имя может пострадать, если я стану шить какие-то цыганские тряпки.

– Для начала вы сошьете, скажем, пять или шесть туалетов. – Тон Луки был мягким, но глаза так сверкнули, что старуха в испуге отступила.

– Мне не надо...

Перебив Кьяру, Лука продолжил:

– Вы сошьете для нее полный гардероб: нижнее белье, ночные рубашки, шали, плащи – все, что необходимо. – Лучезарная улыбка неожиданно осветила его лицо, словно минуту назад в его взгляде не было и намек на гнев. – Надеюсь, мы поняли друг друга?

– К-конечно, дон Лука. – Белошвейка склонилась в глубоком реверансе, а потом дала знак служанкам выйти из комнаты. – Работа будет выполнена в кратчайшие сроки.

– Я на это рассчитываю. Между прочим, один туалет понадобится уже сегодня.

– Слушаюсь, синьор.

– Я не нуждаюсь в твоих щедротах, – возмутилась Кьяра, как только за белошвейкой закрылась дверь.

– Щедротах? – изумился Лука. – Ничего подобного! Взгляни лучше на это!

Он достал из кармана венецианское ожерелье, сделанное из бусин голубого стекла с нанесенными на них крошечными цветочками.

Лука надел ожерелье на шею Кьяры. Оно еще хранило тепло его тела, которое грозило вероломно проникнуть ей под кожу, словно яд. Она хотела сбросить ожерелье, но Лука уже защелкнул замочек.

– Вот так! Можешь считать милостыней наряды и даже еду, но не это.

– Что же это? Плата? Ты уже заплатил за меня.

Ему тоже была знакома гордость, поэтому он вспылил:

– Это подарок.

– Подарки мне тоже не нужны!

– Возможно. Но мне непременно нужно сделать этот подарок.

– Зачем дарить подарки рабыне?

– Не знаю. Может, это доставляет мне удовольствие.

Кьяра внимательно посмотрела на Луку. Что-то в нем неуловимо изменилось со вчерашнего вечера.

– Если тебе непременно надо сделать мне подарок, отпусти меня.

– Мне казалось, что в этом вопросе у нас уже появилось согласие. – Протянув руку, он стал играть бахромой накинутого на ее плечи покрывала.

– Никакого согласия нет.

– Разве? – Не спуская с нее глаз, Лука стал медленно наматывать на палец бахрому. Он все ближе и ближе притягивал Кьяру к себе, пока они не оказались лицом к лицу. – Ты в этом уверена?

Ненависть все еще клокотала в душе Кьяры, но когда его дыхание коснулось ее рта, она почувствовала, что тает, подобно тому, как тает от огня воск свечи. Это искушение. Именно так сатана искушает свои жертвы.

– Да, уверена, – ответила она и призвала на помощь свой дар. Ей необходимо узнать сейчас, при свете дня, что собой представляет этот человек. Собираясь с силами, она вся дрожала. Впервые в жизни она боялась того, что увидит.

Глядя Луке прямо в лицо, она напрягла всю свою волю, чтобы убедиться в том, что он – воплощение зла.

Но она снова увидела свет, а не тьму. Свет, который стремился ей навстречу, окутывал ее, как объятие. Этот свет, распускаясь в ее сердце подобно волшебному цветку, заставлял ее подчиниться, уступить этому совершенному телу.

Лука видел, как глаза Кьяры затуманились, а потом остекленели.

А потом произошло нечто подобное тому, что с ним было вчера: будто она проникла к нему внутрь и прикоснулась к тому месту в его груди, которого никто никогда не касался. Ему даже показалось, что она держит в ладонях его сердце.

Когда она вышла из транса, он прочел на ее лице недоумение и... страх.

– Не бойся. – Он был так тронут, что придал своему голосу мягкость, которой сам от себя не ожидал. – Не бойся меня.

Да, призналась она себе, она и вправду его боится. Она ужаснулась тому, что он вдруг стал ей по-настоящему необходим. Еще больше ее напугала собственная слабость: у нее не было сил сдвинуться с места.

– Все хорошо, – прошептал он, привлекая ее к себе, и провел губами по ее рту. Он желал ее так страстно, что был на грани того, чтобы овладеть ею прямо здесь и сию же минуту.

Ее губы раскрылись навстречу, и это движение заставило его содрогнуться. Но он сумел удержаться и не ответить на этот безыскусный призыв.

Он докажет, что ей нечего бояться. Что вчерашнее проявление жестокости было всего лишь помрачением ума и больше не повторится. Он стал нежно покусывать ее губки, сначала только губами, а потом очень медленно и осторожно – зубами. Кровь так кипела, что у него закружилась голова.

Кьяра собрала всю свою волю, пытаясь отступить, но оказалась не в силах лишить себя удовольствия ощущать на своих губах его губы и лишь слегка постанывала.

Эти стоны и едва уловимые движения ее тела привели к тому, что Лука потерял контроль, и его язык проскользнул внутрь ее рта.

Накал страстей все возрастал. Они не слышали, как открылась дверь.

– Какая трогательная сцена, – раздался капризный голос Джульетты.

Их губы все еще не разомкнулись, но Лука увидел, как страсть в глазах Кьяры сменилась ледяным холодом.

– Думаю, ты в достаточной мере удовлетворил свое любопытство? – Джульетта поджала губы и, покачивая пышными юбками, вошла в комнату.

– Я в восторге оттого, что ты заботаешься о моем благополучии, – саркастически отозвался Лука.

– Ну так как, дорогой, ты излечился или намерен оставить ее себе? – Джульетта сняла черную полумаску. – Хочу тебя предупредить, что я никогда не любила делиться, – кокетливо улыбнулась она.

– А я тебя и не прошу. И ее тоже.

– Как это понимать? – Губы Джульетты дрогнули.

Обернувшись к Кьяре, Лука увидел, что она опять смотрит на него как на исчадие ада. Чертыхнувшись про себя, Лука подошел к Джульетте.

– Если ты согласишься уделить мне минутку времени, я тебе все объясню. – Открыв дверь, Лука вывел Джульетту в соседнюю комнату.

Ошеломленная Кьяра еще долго не могла сдвинуться с места после того, как за Лукой и Джульеттой закрылась дверь. Неужели дар ясновидения подвел ее и она увидела свет там, где должна была быть тьма? Как она могла так бурно реагировать на его поцелуй? В довершение всего, почему она почувствовала такую ревность к Джульетте?

Ее вдруг охватила паника. Как бы поскорее отсюда выбраться? Он околдовал ее. Если она останется, он пустит в ход чары, несомненно дарованные ему самим дьяволом, и соблазнит ее.

И как она будет себя чувствовать, если уступит негодяю, который изнасиловал ее сестру и лишил ее разума?

Еще вчера Кьяра была уверена, что вступит с ним в игру: останется и пожертвует своим телом ради мести.

Но сегодня она поняла, что он может овладеть не только ее телом, но и ее сердцем, ее душою.

Она ему отомстит, но найдет другой способ. А здесь оставаться ей нельзя.

Но как убежишь в одном прозрачном чехле, даже если закутаться в покрывало? Все равно, подумала она. Надо бежать.

Схватив туфли, счастливо избежавшие участи другой одежды, и свой потертый кошелек, она открыла дверь, оказавшуюся незапертой, и выглянула в коридор.

Он был пуст, но из соседних покоев доносились рассерженные голоса. Только Кьяра собралась сделать первый шаг, как услышала звук открывшейся двери. С бьющимся сердцем она шмыгнула обратно.

– Ты мне за это заплатишь, – услышала она дрожащий голос Джульетты.

– Я уже заплатил. – Нетерпение слышалось в тоне Луки. – Разве не об этом свидетельствует ожерелье, которое у тебя на шее?

Зашуршали юбки, и Кьяра услышала стук каблучков по каменному полу.

– И не пытайся сделать это снова. Я не из тех, кто готов подставлять другую щеку. – Лука был явно взбешен. – Постарайся вести себя как дама высшего света, к которому ты, по-твоему, принадлежишь. Всего наилучшего, моя дорогая.

Через мгновение Лука вошел к Кьяре, увидел, что дверь распахнута, и спросил:

– Ты хотела убежать?

Кьяра покачала головой.

– Разве нет? – Раздраженный стычкой с Джульеттой, Лука чувствовал, как в нем растет гнев, который он не в силах побороть. – Ты лжешь! – Подскочив к ней, он схватил ее за плечи с такой силой, что она выронила туфли и кошелек.

– Так же, как и ты! – Она смело встретила его грозный взгляд.

– Что?

– Ты сказал, что мне нечего тебя бояться. Что ты не причинишь мне боли. – Помолчав, она закончила: – Ты лгал.

Лука отпустил ее плечи и взглянул на свои руки с отвращением.

– Извини. Как-то так получается, что ты пробуждаешь во мне все самое дурное.

– Очень удобно иметь рабыню, на которую можно свалить свои грехи. – Теперь, когда Лука к ней не прикасался, к Кьяре вернулась смелость.

– Знаешь, – сказал он, пристально глядя на девушку, – я начинаю верить, что твой отец действительно венецианский дворянин. Уж очень ты надменна и смела.

– Моя смелость не от отца.

– Помнится, ты говорила, что не знаешь, кто твой отец.

– Я сказала, что не знаю его имени. Я сужу о нем по его поступкам. – Кьяра невольно сжала кулаки.

– Ладно. Не собираюсь с тобой спорить. Мне нет никакого дела до того, кто твой отец и как его зовут.

– Тогда отпусти меня, чтобы я могла его найти.

– Не могу, я уже говорил.

– Тогда изнасилуй меня и успокойся. – Ей вдруг стало страшно от брошенного ею вызова, но она скинула на пол покрывало, оставшись в тонком, полупрозрачном чехле.

Если он насильно овладеет ею сейчас, ее душа будет спасена, решила девушка. А когда он, ослепленный страстью, потеряет бдительность, она его убьет.

– Я не отрицаю, что хочу тебя, Кьяра, но уже говорил, что насилие – это не мой удел.

Лука видел, как она смутилась.

– Я знаю, что склонен к насилию – видимо, это у меня в крови, – но поверь, я изо всех сил стараюсь его обуздать. Я буду обладать тобою, Кьяра, но только когда ты сама этого захочешь.

– Этого никогда не будет.

– «Никогда» – опасное слово. У меня теперь нет любовницы, и я посвящу все свое время тому, чтобы соблазнить тебя.

– Так вот почему Джульетта расстроилась. Как, однако, легко мужчина отделяется от надоевшей ему женщины!

– Именно так случилось с твоей матерью? Поэтому ты так ненавидишь отца?

Лука поражался тому, с какой легкостью Кьяре удавалось будоражить его эмоции. С тех пор как бедняжка Антония заплатила своей жизнью за их любовь только потому, что с самого раннего детства его брату Маттео всегда было нужно именно то, что принадлежало Луке, ни одна женщина не возбуждала в нем тех чувств, которые вызывала Кьяра.

Кьяра лишь пожала плечами, не желая рассказывать Луке о своей матери. Но ее тронул его мягкий голос. Давно никто не испытывал к ней такого сочувствия.

– Помочь тебе найти его?

– Мне ничего от тебя не нужно.

– Как хочешь. Больше не стану предлагать свою помощь.

– Я просто хочу, чтобы ты меня отпустил.

– Ты же вчера сказала, что не убежишь.

– Я передумала.

– В таком случае я оставляю тебя. А ты поразмышляй о женском непостоянстве.

Смеясь, он закрыл за собой дверь и запер ее.

Глава седьмая

Кьяра сидела взаперти уже три дня. Молчаливые слуги приносили еду и убирали посуду, развешивали и раскладывали по шкафам новую одежду. Все, что ей оставалось делать, так это перебирать синие бусы и смотреть в окно на канал и снующие по нему лодки, завидуя их свободе. Если это его способ сделать ее более сговорчивой, она...

Ход ее мыслей был прерван появлением Дзанетты с большим подносом в руках.

– Рада тебя видеть, Дзанетта.

Кьяра подошла к двери, чтобы закрыть ее за служанкой. Внимание девушки привлек ключ, торчавший с наружной стороны. Сейчас она вряд ли сможет им воспользоваться, подумала Кьяра, невольно разжав пальцы. И тут бусы выпали у нее из рук.

Наклонившись, чтобы их поднять, она обнаружила, что те свободно проходят под дверью. Ее взгляд снова упал на ключ. Виновато оглянувшись на Дзанетту, занятую подносом, Кьяра присела и просунула в щель пальцы. Ее сердце бешено забилося: места достаточно. Только бы Дзанетта забыла ключ в замке.

– Где ты пропадала все это время? – стараясь скрыть волнение, спросила Кьяра.

– Помогала синьоре Эмилии развешивать для сушки лекарственных трав. Мы это делаем каждую осень.

– Не могла бы ты немного посидеть со мной? – попросила Кьяра, но не только потому, что хотела отвлечь внимание Дзанетты, но и чтобы немного поболтать. – Передай синьоре Эмилии мою просьбу: пусть мне дадут какое-нибудь рукоделие, а то я изнемогаю от скуки.

– Хорошо, – ответила служанка и присела на краешек стула.

Кьяра сняла крышку с блюда и, положив себе в тарелку внушительную порцию равиолей, пододвинула блюдо Дзанетте.

– Угощайся.

– Нет, мне нельзя, – сказала девушка, боязливо оглянувшись на дверь.

– Не беспокойся. Никто тебя не увидит и не накажет. Расскажи, как давно ты служишь в этом доме? – Кьяра еще ближе пододвинула блюдо к Дзанетте.

– С десятилетнего возраста. Уже почти семь лет. – Она все же решила взять ложку. – Хозяева ко мне добры. Они меня не выгнали даже тогда, когда я заболела лихорадкой прошлым летом.

– Твои хозяева дон Алвизе и синьора Эмилия?

Дзанетта кивнула.

– А дон Лука?

– Он редко здесь бывает. Он помощник адмирала Анджело Эмо и почти все время в плавании.

– В плавании? – Кьяра на секунду задумалась. – А в Тоскане он не бывает?

– Не знаю. – Дзанетта заерзала на стуле. – Мне пора на кухню.

– погоди. Скажи, дон Алвизе и синьора Эмилия все еще думают, что я любовница дона Луки?

– Не знаю. А разве нет?

– Нет.

– Тогда зачем он вас здесь держит? И покупает вам вещи?

– Затем, что он хочет сделать меня своей любовницей. – У Кьяры неожиданно пропал аппетит, и она отодвинула тарелку.

– А вы этого не хотите? – недоверчиво спросила Дзанетта.

– Я не буду ничьей любовницей!

– Но он ведь такой красивый! И добрый.

– Добрый?

– Не то что его брат.

– Ты же только что сказала, что его брат был к тебе добр.

Дзанетта прикусила язык, вспомнив, что ей запрещено говорить о доне Маттео.

– Мне надо идти. Когда прийти за посудой?

– Можешь забрать ее прямо сейчас. – Кьяра старалась не смотреть на служанку, боясь выдать себя.

Дзанетта собрала со стола посуду, а потом поставила поднос на пол, чтобы открыть дверь. Потом она ногою выдвинула поднос в коридор и собралась закрыть за собой дверь. Кьяра, надеясь, что девушка забудет взять с собой ключ, если ее чем-нибудь отвлечь, окликнула:

– Дзанетта!

– Да?

– Я передумала. Оставь что-нибудь, может быть, я попозже поем. – Кьяра взяла первую попавшуюся тарелку и вилку. – Надеюсь, что завтрак принесешь мне ты и мы снова сможем поболтать. Спокойной ночи. – Улыбнувшись, Кьяра закрыла дверь.

Затаив дыхание, она слушала, что будет дальше. Дзанетта повернула в замке ключ. Когда ее шаги замерли в конце коридора, Кьяра чуть было не заплакала от радости: ключ остался в замке! У нее появилась надежда!

Он оставил ее одну на целых три дня, и еще неизвестно, кто из них страдает больше. Чего он хочет этим достичь? Вряд ли заточение ее испугает, но все же она, возможно, станет более сговорчивой.

Сколько раз за эти три дня он был на грани того, чтобы ворваться к ней в комнату. Но всякий раз его останавливала мысль: а что дальше? Потребовать, чтобы она ему подчинилась, потому что у него больше нет сил ждать? Потому что он ее кормит и одевает? Потому что купил ее? В таком случае грош цена его заявлению, что он не станет брать ее силой.

Лука смотрел на свое отражение в зеркале над камином и не понимал, что с ним происходит. Много лет он жил так, как предписывали ему его призвание, его долг – перед семьей, перед страной. В его жизни не было ничего, кроме мимолетных увлечений, но это не может служить оправданием глупостей, совершенных им в юности, и враждебности, которая была в крови всех Дзани.

И вот теперь, в течение всего нескольких дней, все круто изменилось. Абсолютно все.

Кьяра. Она пробудила в нем чувства, которые были ему неподвластны. Она стала для него наваждением, мысли о ней не оставляли его ни днем, ни ночью.

Интересно, размышлял он, не ее ли сверхъестественная сила и влияние на него толкнули к участию в этом заговоре? Если бы она не вырвала его из привычной размеренной жизни, выслушал бы он того человека в маске, который уже во второй раз разыскал его? Стал бы увлеченно внимать его настойчивому шепоту, его словам о свободе, о величии Венеции, о славе?

Сегодня он оделся попроще. Потом, как ему посоветовали, надел длинный плащ и

треуголку, закрыв лицо белой маской. Такой наряд гарантировал, что его не узнают. К тому же маске не задают вопросов. Тысячи мужчин и женщин будут сегодня одеты так же, как он, и никто не обратит на него внимания.

Лука спустился к поджидавшей его у дома гондоле. Канал уже был окутан ночным туманом.

Кьяра стояла у окна. Он увидел ее и усилием воли заставил себя не оборачиваться.

Она узнала его. И ей не надо было прибегать к своему дару ясновидения, чтобы понять: его что-то беспокоит.

Его терзают сомнения и угрызения совести, мучают тоска и одиночество. Непонятно только, как можно так страдать из-за пустяков, недоумевала она.

Ее взгляд затуманился. Она сосредоточилась, но, как и прежде, увидела свет вместо тьмы. Только на сей раз свет обрамляли, словно копошившиеся змеи, темные полосы.

Впереди его ждут опасность и обман, поняла она. Но он сбит с толку, охвачен смятением и этого не видит. Желание притупило все другие инстинкты.

Когда она очнулась, руки ее были ледяными. Ей хотелось не думать о том, что она увидела. Это не имеет к ней никакого отношения, напомнила она себе. Он обеспокоен? Его подстерегает опасность? Ей-то что до этого?

Гондола все еще была в поле зрения. Над нею белыми языками тянулся туман; картина была полной противоположностью ее видения: белый туман, окутывающий темь, в которой исчезал Лука, и темные змеящиеся ленты, обрамляющие его светлую ауру.

Но как только гондола скрылась из виду, ее внезапно озарило новое видение: ожидающие его беды могут стоять ему жизни. Если она его не предупредит, он погибнет.

Прижав пальцы к вискам, Кьяра вглядывалась в темноту. Что с ней такое? Неужели он так ее околдовал, что она поддалась желанию спасти его?

Но если его сила так велика, почему у него так тяжело на душе? Да и есть ли вообще у него душа, разве он не продал ее дьяволу? Все эти вопросы потрясли ее, но она не находила на них ответов.

Кьяра закрыла глаза и постаралась найти в своей душе тот уголок, всегда готовый приютить ее, где бы она могла найти отдохновение и утешение. Но у нее ничего не получилось. Видения продолжали терзать ее.

Надо бежать, пока она не сошла с ума, пока он действительно ее не поработил. Если она не убежит, то сбудется то, что ей привиделось о самой себе, – он овладеет и ее телом, и душой!

Она быстро накинула плащ и покрыла голову кружевным шарфом. Потом стала ждать, пока все в доме утихнет.

– Отвези меня к палаццо Фоскари, Томмазо, – приказал Лука гондольеру.

– Я думал, вы собрались в казино испытать свое счастье в картах?

– Возможно, потом я так и сделаю.

Равномерный плеск воды под веслом гондольера немного успокоил Луку.

– Остановись у моста.

Томмазо причалил лодку к гранитному парапету, и Лука ловко выпрыгнул из нее на набережную.

– Сегодня ты мне больше не понадобишься, Томмазо.

– Вы уверены, что вам не нужно осветить дорогу? – озабоченно спросил гондольер. Лука всегда хорошо ему платил и относился по-дружески. – Площадь Сан-Барнаба совсем недалеко отсюда, и вы не успеете оглянуться, как оборванцы стащат у вас кошелек. – Томмазо сплюнул в воду, выражая этим свое презрение к неимущим патрициям, обитавшим в этом квартале в домах, предоставленных им Республикой¹.

Лука рассмеялся. Теперь, сделав первый шаг, он почувствовал, что стоит на пороге чего-то важного, хотя и граничащего – признался он себе – с авантюрой.

¹ Имеется в виду Венецианская республика (13–18 вв.). – Здесь и далее примечания переводчика.

– Не беспокойся, Томмазо. Возвращайся к своей толстушке жене.

– Но...

Лука жестом остановил его и скрылся в лабиринте темных переулков, которые должны были вывести его к месту встречи.

Маттео Дзани наблюдал за прибывающими из своего укрытия. Они появлялись, крадучись, один за другим – все в черных плащах и масках. Некоторые поминутно оглядывались, другие старались не слишком стучать каблуками по каменным плитам.

Заслышав шум быстрых шагов, Маттео прильнул к щели в двери. Несмотря на то, что вошедший был одет так же, как остальные, он понял, что это его брат. Тот шел размашистым шагом, и черный плащ развевался у него за спиной.

Ненависть, так долго разъедавшая его сердце, сейчас прорвалась, словно гной из застарелой раны. Он вспомнил, что все обожали Луку – отец, друзья и, конечно же, хорошенькая Антония. Вспомнил он и то, как Лука вечно запрещал Маттео делать то, что доставляло ему особое удовольствие. Только однажды Лука не успел вмешаться.

Скрывая под маской зловещую улыбку, Маттео вышел из своего убежища и направился к собравшимся.

Время мщения настало.

Глава восьмая

Лука обернулся на звук шагов и увидел человека в таком же, как у него, черном плаще, но маска скрывала почти все его лицо. Отверстия для глаз и рта были окаймлены черным и золотым, и это придавало маске экзотический вид.

– Мы собрались здесь во имя льва², – тихо произнес человек первую половину пароля.

Каждый из пришедших по очереди подходил к нему и так же тихо шептал отзыв.

Лука решил, что все эти люди были в подчинении у человека в черно-золотой маске, судя по тому, как они опускали головы и подобострастно склонялись перед ним в раболепном поклоне. И хотя Лука привык подчиняться командам, нельзя сказать, чтобы он делал это охотно.

Когда настала очередь Луки, он встретился взглядом с человеком в маске. Его глаза были такими же темными, как у Луки, и горели, как черные угольки. По спине Луки пробежал холодок. Что-то в этих черных глазах заставило Луку содрогнуться.

Может быть, он видел эти глаза раньше? – подумалось ему. Вряд ли. Просто его поразила горевшая в них страсть. А он так давно не испытывал сильных эмоций!

– Лев поднимется снова. – Лука произнес отзыв, не приближаясь к человеку в маске и гордо поднимая голову.

– Я рад, что вы с нами. – Голос под тяжелой маской звучал глухо. – С такими людьми, как вы, лев Венеции действительно поднимется.

– Откуда вам известно, кто я? И что я за человек? – потребовал ответа Лука.

– Я вас хорошо знаю.

Луку поразило не столько оттенком иронии в голосе незнакомца, сколько то, что ему снова померещилось нечто неуловимо знакомое.

– Начнем. – Человек в маске подошел к группе людей, сбившихся, словно небольшое стадо. – Все мы, собравшиеся здесь, любим Венецию, и нам ненавистен этот упадок. Жемчужина Средиземноморья превратилась в нищенку, заслуживающую роскошного существования. – Голос говорившего задрожал. – Доки встали, склады пустеют, Венеция настолько ослабла, что не может справиться со своими врагами, и позволяет горстке пиратов контролировать нашу Светлейшую³.

² Лев – символ Венеции.

³ Так называли Венецианскую республику в пору ее расцвета.

Человек в маске не обращался непосредственно к Луке, но его слова больно задевали Луку, будто это он был во всем виноват.

Что им оставалось? Вести с пиратами игру в кошки-мышки – ведь у республики не хватало ни кораблей, ни людей. Именно поэтому адмирал Эмо послал Луку в Венецию – заставить Сенат снарядить несколько судов.

– Если бы в Венеции нашелся человек, который взял бы на себя смелость объявить, что богатства республики вместо расточения на праздные удовольствия надо употребить на возрождение величия Венеции!.. Даже богатые синьоры объединились бы вокруг этого человека.

– Вы хотите сказать, – прервал говорящего Лука, – что мы, те, кто здесь собрался, должны свергнуть дожа и правительство? – Сама идея показалась Луке безумной, но, как ни странно, понравилась ему. Именно такой дерзкий план может спасти Венецию от медленной и мучительной смерти.

– Вы прямолинейны, так? Мне всегда это нравилось, – ответил человек в черно-золотой маске и тихо засмеялся. – Будьте уверены, когда настанет время, каждый из нас приведет с собой нескольких надежных людей, владеющих шпагой.

Было что-то до боли знакомое в его смешке, и Лука на мгновение задумался. Но тут человек в маске снова заговорил, и момент был упущен.

– Тысячи докеров и оружейников остались без работы, потому что напудренные парики, шелка и бархат стали нужнее оружия и кораблей. Ремесленники пойдут за нами и будут воевать лучше любой армии. Я вам докажу, что хитрость и правильно выбранный момент могут быть сильнее оружия.

– И кто же станет этим новым вождем? Дож? Или, может быть, вы?

– Вполне возможно, я. Или вы. Мы сами выберем вождя, когда настанет время.

Амбиции этого человека громадны, подумал Лука, но его речи завораживали.

– А если вы окажетесь недостаточно хитры, не встретимся ли мы на эшафоте между египетскими колоннами?

– Вы не всегда были так осторожны.

– Откуда вы знаете, каким я был?

– Если вы так боитесь за свою жизнь, друг мой, вам не стоило сюда приходить.

В голове Луки промелькнули какие-то смутные воспоминания.

– Иногда страх бывает полезным. Он удерживает нас от неверных шагов и глупого риска.

Как знать, может, один из нас, тех, кто сейчас скрывается под маской, шпион Совета десяти? – Лука помолчал, чтобы до всех дошел смысл его предположения.

– Маска гарантирует безопасность.

– Безопасность? Разве это не вы только что презрительно отозвались о страхе?

– Я имел в виду безопасность нашего дела.

– Возможно. Но если уж я должен рисковать своей шкурой, я бы предпочел знать в лицо тех, кому вверяю свою судьбу. Я хотел бы знать их имена.

Лука развязал тесемки маски и открыл лицо.

– Я – Лука Дзани.

Маттео ко многому приготовился, но такого не ожидал. Он не рассчитывал на то, что кто-то из присутствующих решится раскрыть свое инкогнито.

Ему не следовало забывать «привычку» брата всегда говорить правду, ведь он не раз от этого страдал. Он не ожидал, что брат-близнец расстроит его тщательно продуманный план. Но разве когда-нибудь было иначе?

Надо взять себя в руки, подумал Маттео. Если он не отомстит, то сойдет с ума.

Пока собравшиеся один за другим снимали маски и называли себя, он лихорадочно думал, какие выдвинуть доводы, чтобы избежать разоблачения.

– Если мы хотим добиться успеха, – начал он медленно, стараясь не выдать своего волнения, – мое имя должно оставаться в секрете. Я должен иметь возможность появляться там,

где это необходимо, говорить с нужными нам людьми, не опасаясь того, что буду узнан. – Помолчав, он добавил: – Если кто-нибудь из вас предаст меня, то погубит всех остальных и дело, которому мы поклялись служить.

– Правильно.

– Он прав.

Услышав, что многие согласились с доводами Маттео, Лука не удержался от вопроса:

– Откуда нам знать, что вы работаете на наши цели, а не на дожа, что наши имена не станут известны Совету десяти и мы не попадем в пасть льва?

Эти слова вызвали у заговорщиков легкий шок.

– Я вас не предаю. Клянусь. – Он протянул вперед руку ладонью вниз, словно давая клятву на святых мощах. – Клянусь могилой своих родителей. Клянусь жизнью своих братьев.

Но Лука все еще был настроен скептически.

– Что же, Лука Дзани? – спросил вожак. – Ты доволен? Тебе достаточно моей клятвы или ты все еще колеблешься?

От Луки не ускользнули насмешливые нотки, и они больно его задели. Если у него и оставались еще сомнения, он их отбросил. Он не уподобится той Венеции, которую хотел изменить, – колеблющейся, неуверенной в себе, неспособной рисковать.

– Достаточно.

Маттео вздохнул с облегчением.

– Встретимся снова, когда у меня будут для вас новости, – сказал он.

– А как мы узнаем, что под маской скрываетесь именно вы, а не кто-то другой? – отважился спросить кто-то из толпы.

– Вы узнаете меня по этому. – Сняв перчатку с левой руки, он поднял ее вверх, так что слабый свет единственного фонаря упал на его ладонь.

Лука вздрогнул. Шрам, пересекавший ладонь, был точно таким, как у него самого, и тоже на левой руке. Этот след остался у него после того, как несколько лет назад он разнимал дерущихся матросов.

Может, это предзнаменование? – подумал Лука. И притом хорошее?

Люди стали расходиться, и скоро на площади остались лишь Лука и человек в маске.

– Ну так как, Лука Дзани? Вы на самом деле с нами или наши люди предстанут перед инквизицией?

– Как вы смеете меня об этом спрашивать? – Голос Луки стал угрожающим. – У меня много недостатков, но вероломство не в их числе.

– Может, и так, но только если вы не считаете вероломством наказывать того, кто, по вашему мнению, этого заслуживает. Я не прав?

Снова по спине Луки пробежал холодок. Почему этот человек вызывает в его памяти события, о которых ему хотелось бы забыть? А он никогда не забудет, что с ним было, когда он увидел мертвой свою возлюбленную Антонию на руках у Маттео. Или когда передал своего брата-близнеца в руки правосудия. А потом ликовал, когда тому удалось бежать из казематов Дворца дождей. И горевал, узнав, что брат был убит грабителем в каком-то захолустье.

– Кто вы? – прошептал он, и страшное подозрение закралось ему в душу. Возможно ли, что Маттео жив? Этот человек и фигурой, и голосом похож на Маттео, но он наверняка почувствовал бы родство с ним.

– Я тот, кто сделает вас знаменитым. Ваше имя будет вписано в анналы венецианской истории. – Рот Маттео исказила злобная улыбка, но от Луки она была скрыта маской. – Идемте, друг мой. Я отвезу вас домой.

Кьяра не знала, сколько прошло времени, но ей показалось – целая вечность. В доме не слышалось ни единого звука.

Не в силах больше ждать, она сжала зубцы вилки и стала осторожно засовывать ее в замочную скважину. Вскоре она услышала, как ключ выпал из замка. Звук от удара ключа о каменный пол показался ей не менее оглушительным, чем ружейный выстрел. Опустившись на колени, она просунула вилку под дверь, но ключа не было.

Она стала продвигать вилку вперед до тех пор, пока могла держать ее самыми кончиками

пальцев. Наконец она услышала, как звякнул металл о металл. Она могла бы поклясться, что еще никогда в своей жизни не слышала более мелодичного звука.

Она стала двигать ключ вилкой, и наконец ей удалось просунуть его под дверь. К тому времени, как Кьяра отперла дверь и вышла в коридор, она взмокла от напряжения.

Она заперла дверь, оставив ключ в замке. Если кто-то захочет ее проверить, то, увидев ключ, ничего не заподозрит.

Взяв в руки туфли, она побежала к лестнице.

Очутившись на первом этаже, она узнала прихожую, куда ее привел Лука в первый вечер. В тусклом свете она увидела в дальнем углу дверь, за которой находились ворота, ведущие к воде. Но по воде ей не выбраться. Значит, надо искать другую дверь, решила она, припомнив слова отца, что все дома в Венеции имеют выход и на улицу.

Она обнаружила такую дверь под лестницей. Стараясь не дышать, открыла дверь и очутилась в большой темной комнате, где пахло корицей и гвоздикой. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела очертания еще одной двери.

Не слишком надеясь на удачу, она повернула дверную ручку. Дверь открылась, и порыв сырого, холодного ветра ворвался в помещение. От радости Кьяра чуть было не расплакалась.

Сунув ноги в туфли, Кьяра вышла во двор, окруженный глухой стеной и освещенный лишь луною. В поисках выхода она стала красться вдоль стены, стараясь не обращать внимания на зловещие тени, отбрасываемые кустами. Вздрагивая от малейшего шума, она наконец нащупала дверь в дальнем углу двора. Но ее постигло разочарование: она была заперта. Кьяра стала шарить по стенам и даже по земле, убеждая себя, что ключ должен быть где-то здесь. Неужели ей придется вернуться после стольких усилий?

Но ключа не было.

В полном отчаянии она схватилась обеими руками за ручку двери и стала ее трясти, но дверь не поддавалась.

– Ты слышал?

– Тише!

Шепот заставил Кьяру прижаться к стене. Страх парализовал ее. Она так долго боялась пошевелиться, что стала замерзать. Потом услышала тихий смехок.

– Видишь, никого нет. – Снова раздался приглушенный смех и какой-то шорох.

Чуть не плача от досады, Кьяра поплелась обратно к дому.

Кьяра вернулась к воротам, ведущим к воде. Придется придумать, как выбраться по воде. Даже если для того, чтобы обрести свободу, ей придется плыть. Только бы избавиться от Луки. А еще, напомнила она себе, надо отыскать отца.

Ей удалось без шума открыть дверцу, ведущую к воде, и проникнуть в крытый коридор. Если бы не могучий храп, в кромешной темноте она бы не заметила слугу, спавшего на набитом соломой тюфяке.

Медленно, шаг за шагом, она кралась вдоль стены, подальше от спящего слуги и ступенек, поднимавшихся из воды, пока не добралась до самого дальнего уголка.

Закрыв лицо кружевным шарфом, она прислонилась к сырой стене и приготовилась ждать.

Холод уже пробрал Кьяру до самых костей.

Она закрыла глаза и попыталась снова вернуться в ту гавань своей души, где тепло, покойно и безопасно. Но, как и в прошлый раз, попытка оказалась безуспешной.

Но зато она снова увидела озаренного светом Луку, вокруг которого по-прежнему вились темные змеи: они все время приближались и опутывали его, словно веревки.

Какой-то шум привел ее в чувство. Она стала вглядываться в темноту, но сквозь кружева ей были видны лишь силуэты. Ворота распахнулись, и к ступенькам подплыла гондола. В ее центре стояли две высокие фигуры.

Слуга снял со стены факел и спустился по ступенькам. В этот момент она увидела, как один из мужчин схватил другого за руку.

Внезапно ясновидение вернулось к Кьяре: темнота уже почти полностью поглотила свет, окружающий Луку. Скоро будет поздно. Слишком поздно.

А потом она увидела узкую женскую руку, проникшую сквозь тьму, которая стала таять. Но внезапно рука исчезла, и тьма снова начала наступать.

Кьяра так явственно – почти физически – ощутила на себе силу зла, что чуть было не закричала. Но тут Лука поднялся по ступеням, а гондола скользнула обратно в воды канала, унося с собой зло.

Однако видение Луки, окруженного светом, и страшных, присосавшихся к нему, подобно пиявкам, темных извивающихся лент не покидало Кьяру. Она даже прижала глаза ладонями, пытаясь избавиться от него, но оно не исчезало.

Неужели он снова хочет ее околдовать? Может, это он вызвал в ее воображении видения, чтобы лишить покоя? Может, дар покинул ее и стал орудием в его руках?

Но зло ушло, растворилось, как только гондола миновала ворота. Впервые ей пришла в голову мысль, что, возможно, Лука вовсе не тот человек, которого она ищет. Существует же легенда, что у каждого человека на земле есть двойник – призрачная копия, похожая и лицом и фигурой. Но не призрак же изнасиловал Донату!

– Иди спать, Альдо. Я запру ворота.

– Доброй ночи, дон Лука. – Старый слуга прошаркал в дом.

В который раз Кьяра слышала звук запираемого замка. Но теперь она уже не пленница. Теперь она войдет в воду и нырнет под ворота. И станет свободной. Свободной от его колдовства и тех чувств, которые он в ней пробуждает.

Лука снял маску и обернулся назад.

Она вдруг почувствовала, что его душа пуста и что она единственная, кто может эту пустоту заполнить.

Она вдруг забыла, кто он и что сделал два года назад. Забыла о своей ненависти. Она даже забыла о своих видениях.

Сейчас существовала только одна реальность – этот человек. Человек, покоривший ее сердце. Она поняла, что сегодня никуда не уйдет.

Откинув с лица кружево, она выступила из темноты в круг света, отбрасываемого факелом.

Глава девятая

Лука молча смотрел на нее. На бледном лице выделялись ее огромные глаза. В них не было ни страха, ни ненависти, скорее что-то похожее на отчаяние.

Ему страшно захотелось прикоснуться к ней, но он боялся, что она отшатнется, как это уже бывало.

– Я знал, что ты там прячешься. Я тебя не видел, но чувствовал твое присутствие. Как будто ты до меня дотронулась. Вот так. – И, поддавшись желанию прикоснуться к ней, он слегка тронул ее пальцами за плечо.

Да, подумала Кьяра. Я до него дотронулась. Но и он сделал то же самое, хотя в известном смысле это не было физическим контактом.

Что с ней происходит? Что вынудило ее остаться в этой клетке? Вопросы вихрем пронеслись в ее голове, но она уже знала ответы, как ни тяжело ей было в этом признаться.

Ее толкает на безрассудство нечто большее, чем ненависть, сжигающая до черных угольков ее сердце. Кьяра нужна этому человеку, он взывает к ее сердцу и находит в нем отклик. К тому же сейчас он в опасности.

Она и осталась только для того, чтобы спасти его от грозящей беды, уверяла себя девушка. Спасет, чтобы затем осуществить свою месть.

«Разве ты не видела свет? – шептал ей внутренний голос. – Зачем тебе мстить Луке, если ты знаешь, что он не виноват? Посмотри на него и поверь в это».

Но Кьяра не хотела прислушиваться к внутреннему голосу. Если она поверит ему, то лишится единственной опоры, единственного оружия против Луки, против собственных желаний. Несмотря на то что в глубине души она верила в его невиновность.

– Но ты бы меня отпустил? – Она проверяла его. – Пошел бы в дом и оставил бы меня здесь, зная, что я убегу?

– Я бы мог сказать «да», – Лука пожал плечами. – Лгать всегда легче, чем говорить правду. Но я не стану оскорблять тебя ложью. – Он надолго замолчал. – Нет, Кьяра, – наконец сказал он, прямо глядя ей в глаза, – я бы не дал тебе уйти.

– Редко встретишь правдолюбивого мужчину. – Кьяра саркастически улыбнулась, не удержавшись от издевки.

– Скажи, почему ты не осталась в тени? – спросил Лука.

– Не знаю.

– Ну и кто сейчас лжет?

– Я не лгу.

– Почему тебе так трудно признаться, Кьяра? Разве ты не чувствуешь, что между нами что-то происходит?

– Да, происходит. Я тебя ненавижу!

Она сжала кулаки, чтобы унять дрожь. А еще чтобы удержать ускользающую ненависть. Она напрягла всю свою волю, чтобы вернуть ее.

– Это правда?

– Да, я тебя ненавижу... презираю! – Ее голос сорвался, и она закрыла лицо руками.

– Кьяра, ты дрожишь. – Не удержавшись, он погладил ее руки. Потом отвел их от лица, так что ей ничего не оставалось, как посмотреть на него. – Ты боишься?

– Нет, – не совсем честно ответила она, – мне холодно.

Он поднял ее на руки и понес в дом.

Лука усадил Кьяру рядом с кроватью и заявил:

– Твоя одежда отсырела. Раздевайся.

Повернувшись к ней спиной, он отпер дверь, ведущую в соседнюю комнату, и позвал слугу.

– Приготовь вино со специями, Рико, да погорячей, – приказал он, сбросив на руки слуге плащ, накидку и треуголку.

Обернувшись, он обнаружил, что Кьяра не сдвинулась с места.

– Неужели ты думаешь, что я стану заниматься любовью с женщиной, которая дрожит как лист на ветру? Ты меня за чудовище принимаешь, что ли? – Ему хотелось хорошенько ее встряхнуть. – Если не снимешь с себя одежду и не согреешься, то заболеешь.

Здесь, вдали от ворот, суливших свободу, где чувства одержали верх над волей, она поняла, насколько абсурдным был ее поступок. А может статься, это очередное проявление его колдовства?

Но неукротимая натура оказалась непобедима. Кьяра съязвила:

– А какой толк от рабыни, если она больна, верно?

Лука подскочил к ней и, дернув за плащ, развернул ее лицом к себе.

– Будь ты рабыней, то лежала бы со мной в этой постели уже три дня назад. – Ему захотелось прижать девушку к себе и не отпускать, но он сдержался и отстранил ее, а Кьяра от неожиданности оступилась и упала на кровать.

– А теперь делай, что я сказал. – Не доверяя самому себе, он сунул руки в карманы и отвернулся.

Кьяра поняла, что выбора у нее нет, и начала раздеваться.

Нервы Луки были напряжены до предела. Он вздохнул с облегчением только тогда, когда понял, что Кьяра легла под одеяло.

В этот момент, постучавшись, вошел Рико с графином горячего пряного вина и двумя оловянными кружками.

– Спасибо, Рико. Можешь идти, ты мне больше не понадобишься. – Лука заметил, что слуга бросил мимолетный взгляд на постель.

– Желаю приятной ночи, дон Лука, – пробормотал он и закрыл за собой дверь.

Лука молча разлил по кружкам вино и так же молча наблюдал, как Кьяра залпом выпила его.

Когда она подняла глаза, их взгляды встретились. Все так же не говоря ни слова, Лука поднял графин, предлагая снова наполнить ее кружку, но она покачала головой.

– Теперь тебе лучше?

– Теплее.

– Тонкое замечание. – Лука поднес к губам свою кружку, чтобы скрыть улыбку. – Значит, ты думаешь, что отсрочка закончилась? Ты поэтому выпила вино? Чтобы слегка притупить боль? Но не слишком, чтобы в случае необходимости оказать мне сопротивление?

Он заметил, как сверкнули ее глаза, хотя она тут же их отвела, и понял, что попал в точку.

– Я прав?

– Да. – Она уже не скрывала своего гнева. – Ты овладеешь мною хотя бы для того, чтобы наказать меня за попытку к бегству.

– Это твой третий глаз разглядел?

– Мне вполне достаточно и двух, чтобы найти подтверждение моим собственным мыслям и ощущениям.

– Тогда посмотри на меня, – потребовал он, – и скажи, что ты видишь.

Кьяра упрямо молчала.

– Посмотри, Кьяра, и ты увидишь человека, который хочет вкусить с тобой наслаждения. Хочет так сильно, что просто теряет разум. Так голодный мечтает о куске хлеба. Так человек, умирающий от жажды, грезит о глотке воды. – Он говорил тихо, но настойчиво. – Тебе ведь знакомы и голод, и жажда, не так ли? Так почему же ты не чувствуешь, как велико мое желание?

Сказав это, Лука вдруг усомнился, стоило ли давать ей в руки такое оружие. Может ли мужчина таким способом обольстить женщину? Особенно дикарку вроде Кьяры. Она останется равнодушной и к лстивым речам, и, конечно же, к безделушкам, на которые так падки другие женщины.

А когда он нашел ответ на свой вопрос, то чуть не расхохотался.

Такую женщину не обольщают. Сначала надо ее приручить, подобно тому, как объезжают норовистую кобылку, никогда не знавшую ни поводьев, ни седока.

Для него это будет тяжким испытанием, если учесть, что вождление уже завладело им, но он постарается получить от этой игры удовольствие.

Неожиданно для Кьяры он стал раздеваться: снял камзол и скинул туфли с пряжками. Интуиция подсказывала ей, что надо либо защищаться, либо бежать. Но так как бежать было некуда, она замерла и только следила глазами за каждым его движением.

Когда он отцепил от пояса кинжал в ножнах, Кьяра насторожилась. Если он положит кинжал под подушку или на стоящий рядом комод, у нее может появиться шанс. Но Лука бросил кинжал на пол и даже ногой отшвырнул его в дальний угол.

– Я еще не забыл, как ты ловко управляешься с этой игрушкой, – сказал он с улыбкой и с размаху бросился на кровать рядом с Кьярой. – Ну что, Кьяра, будешь драться?

Она покачала головой, онемев оттого, что ее надежда так быстро рухнула.

– Вот и хорошо, – сказал он, просунув руку ей под плечи.

Обуздывая свое влечение, Лука лежал неподвижно, ожидая, когда она расслабится. Когда его терпение было вознаграждено, он повернулся к ней и чуть-чуть придвинул к себе. Она снова напряглась.

– Разве я давал повод не доверять мне?

– Пусть я и молода... но повидала достаточно, чтобы иметь тысячи причин не доверять мужчинам.

– Можешь не рассказывать. – Приподнявшись, Лука отвел с ее лица несколько вьющихся прядей. – К тому же, Бог свидетель, у тебя достаточно причин не доверять и мне, ведь еще не прошли синяки на твоих руках.

Что-то она его не понимает. Он подобен хамелеону – то груб, то ласков. Как она устала!

Может быть, вовсе не его она оттащила от неподвижного тела сестры? Может, воспоминания обманывают ее? Она уже почти верила в это.

Человек, изнасиловавший Донату, был чудовищем. Так что если Лука тот самый человек, то, стало быть, и она не лучше, если позволяет ему обнимать себя, получает удовольствие от

того, как он гладит ее волосы, как прикасается к ней. От этой мысли у нее мурашки пробежали по телу.

А Лука, лежа рядом, гадал, о чем она думает, что чувствует. Но почему ему так важно это знать? – спрашивал он себя.

Женщины, за редким исключением, нужны были ему для того, чтобы утолить физический голод. В лучшем случае они доставляли ему удовольствие, в худшем – неудобство. В юности он любил Антонию, но она никогда так не занимала его мысли, как эта девушка. Может быть, Кьяра околдовала его, ведь она цыганка.

Он не заметил, что произнес эти слова вслух.

Кьяра в испуге открыла глаза, и он почувствовал, как напряглось ее тело.

– Не бойся, – шепнул он ей на ухо.

Она отвернулась, но он взял ее за подбородок и повернул к себе.

– Сегодня ночью тебе нечего бояться. Ни меня, ни, – он улыбнулся, – себя.

Кьяра хотела вспылить, но Лука приложил палец к ее губам.

– Ш-ш! Придет день, и ты все мне расскажешь, и мы оба над этим посмеемся. А теперь спи. – И он положил ее голову себе на грудь.

Кьяра уже приготовилась устроиться поудобнее, но тут ее взгляд упал на его ладонь. Она села и оттолкнула его.

– Откуда у тебя этот шрам на руке? – Девушка очень хорошо помнила, как крик того мерзавца прорезал тишину ночи, когда она полоснула его ножом по ладони.

– Я пытался разнять двух пьяных матросов. Мне, видимо, следует держаться подальше от тех, у кого есть нож. – Он потрогал то место на груди, куда она воткнула свой кинжал.

А Кьяра вдруг ясно увидела, как он встает между дерущимися матросами, как сверкает лезвие ножа, как на ладони выступает алая кровь.

Если видение ее не обманывает, подумала она, значит, он и вправду не виноват в надругательстве над Донатой.

А что если ей послано испытание? Проверить, действительно ли она обладает даром ясновидения?

Сейчас она слишком устала, чтобы об этом думать. Девушка пристально посмотрела в глаза Луки и встретилась с его потеплевшим взглядом. Она придвинулась ближе и не стала сопротивляться, когда тот прижал ее к себе. Тепло его тела проникало даже через одеяло, в которое она была завернута. Ровное биение его сердца убаюкивало.

И, позабыв думать о нем как о враге, Кьяра уснула.

Лука наблюдал за тем, как Кьяра просыпается, и думал о том, как в один прекрасный день он будет следить за ее пробуждением после ночи любви. В предвкушении этого дня он слегка коснулся ее губ.

Она проснулась не сразу. Сначала пришло сознание того, что она лежит в мягкой постели, в тепле. Но потом к ней вернулись прежние страхи. Открыв глаза, она увидела над собой его лицо, а на губах почувствовала его губы.

– Доброе утро. – Он смотрел на нее сверху вниз и улыбался. – Хорошо спалось?

Она кивнула в нерешительности, стараясь припомнить, что случилось ночью.

Лука понял ее немой вопрос. В ее глазах был такой ужас, что ему почудилось, будто она ударила его кулаком в живот.

– Успокойся. Ничего не произошло, – сказал он и откинулся на подушки. – Даже такие порочные существа, как я, никогда не посмеют овладеть женщиной, пока она спит. – Он встал и пошел за кинжалом. – Желаю хорошо провести день. – С этими словами он взял свои вещи и направился к двери. Но прежде чем его лицо приняло холодное выражение, она заметила боль, промелькнувшую в его глазах.

– погоди!

– В чем дело? – нетерпеливо бросил он, обернувшись.

– Спасибо.

– За что? – Видно было, что он еле сдерживается. – За то, что спас тебя от простуды? Не избил кнутом за попытку убежать? Не изнасиловал тебя во сне?

– Нет. За то, что был добр ко мне. Что...

– Я бы с удовольствием тебя выслушал, но у меня назначена встреча.

Лука хлопнул дверью. Надо держаться от нее подальше. Она так на него действует, что становится страшно.

Он ее отпустит. Днем, когда вернется, непременно ее отпустит.

Глава десятая

Выходя из дома, Лука бросил мимолетный взгляд на свое отражение в зеркале и увидел незнакомца в завитом напудренном парике и с перевязанной черным шелковым бантом косичкой. Парик был немного тесноват, но все же это было лучше, чем помадить и обсыпать пудрой собственные волосы. Поверх бледно-голубого шелкового камзола, вышитого парчового жилета, жабо из кружев и бриджей цвета слоновой кости была накинута длинная черная мантия, отороченная мехом, какую носили венецианские патриции, не занятые на государственной службе.

И только глаза он признал в незнакомце. Глаза человека, решительно настроенного исполнить свой долг. Правда, сейчас он был не так уж уверен, что это действительно его долг.

На секунду он задержался возле двери Кьяры. Искушение было велико: он даже потрогал в кармане ключ. А как же обещание отпустить ее, которое он дал себе всего час назад?

Пустой звук?

Все же какое-то чувство связывает его с цыганкой. Их захлестывает море эмоций – бушующее море, полное невероятных опасностей. И он осознавал, что не отпустит ее, пока не доберется до самых глубин этого моря.

Возле ворот, ведущих к воде, он увидел Томмазо, разговаривающего со слугой.

– Подожди меня у площади Сан-Марко, Томмазо. Я пройду пешком.

Может, прогулка успокоит его нервы, прояснит голову. После того как вчера он встретил здесь Кьяру и провел ночь, держа ее в объятиях, он чувствовал себя так, будто идет по раскаленным углям.

Открыв дверь в глубине двора, он вышел на узкую улочку и не заметил, что кто-то наблюдает за ним из соседнего подъезда.

* * *

Маттео был доволен. Всю свою жизнь он только и делал, что пытался предугадать реакцию Луки, и редко ошибался. Правда, одна ошибка ему стоила слишком дорого. Маттео никак не предполагал, что Лука его предаст и он окажется в руках правосудия. Маттео, конечно, знал о чувствах Луки к малютке Антонии. Поэтому-то и сделал то, что сделал. Но уж никак не ожидал, что мстительное желание брата засадить его в тюрьму окажется сильнее братских уз. И Лука за это поплатится.

Маттео позабавило открытие, что Лука так же предсказуем, как в юности. Ему всегда удавалось вовлечь брата в какую-нибудь проделку, стоило только подвергнуть сомнению его готовность к непослушанию, а пару раз – совершить и настоящее преступление. Вот и сейчас он был уверен, что Лука не воспользуется гондолой, потому что после вчерашней ночи ему надо будет пройти пешком и поразмыслить.

Когда шаги Луки затихли, Маттео довольно легко подобрал ключ к двери во двор и вошел, никем не замеченный.

Прикрыв маску плащом, он прошел мимо слуги, менявшего факелы. На лестнице ему уступила дорогу служанка, присевшая в поклоне и призывно стрельнувшая глазками.

Минуя зал, в котором устраивались балы и всяческие увеселения, Маттео поднялся в жилые покои. Коридор был точно таким, каким он его запомнил: портреты предков на стенах и горшки с олеандрами, за которыми ухаживала Эмилия.

Он скучал по этому дому. Хотя здесь его ругали за шалости, хотя доброжелательный Лука всегда затмевал его своей мягкостью, это был его дом, принадлежащий ему по праву рождения. Теперь у него больше нет дома. Но и у Луки его не будет, злобно усмехнувшись, подумал

Маттео.

А сейчас нужно уходить. Он убедился, что проникнуть в дом не составляет труда и что в случае чего слуги его не опознают. Только старый Рико мог в былые времена различить близнецов.

Все же что-то подсказало ему, что уходить рано. Убедившись, что все тихо, Маттео вошел в спальню Луки.

Стол был завален картами и книгами. На спинке стула висела небрежно брошенная рубашка. В эмалированной чаше лежало массивное золотое кольцо, точно такое же, как на пальце Маттео, которое, правда, только с виду было такое. На самом деле это лишь искусная подделка, изготовленная ювелиром во Флоренции. Настоящим кольцом Маттео купил себе свободу семь лет назад, бежав из подвалов Дворца дождей.

Черная злоба, сжигавшая его с тех пор, как он себя помнил, всколыхнулась в душе Маттео. Он был этому рад, потому что именно ненависть была смыслом его жизни все эти годы. Но сейчас это чувство почему-то не придавало ему сил, а просто росло и росло, вытесняя все остальные.

Как будто черная пелена опустилась перед глазами Маттео, ослепляя его. Он пошатнулся и наткнулся на стол. Потная ладонь, скользнув по гладкой поверхности, наткнулась на какой-то твердый предмет. Он схватил его и в безумной ярости швырнул на пол. Из его груди вырвался хриплый стон и проклятье.

Он очнулся от собственного крика. На полу лежал искореженный подсвечник со сломанными свечами.

Шум в соседней комнате заставил его насторожиться. Быстро и бесшумно подойдя к двери, он вытащил кинжал и замер, готовый к нападению. Кто бы ни вошел, ему стоит лишь немного откинуть голову, сделать всего одно движение – и кровь хлынет потоком. Маттео даже улыбнулся в предвкушении.

– Что случилось?

Голос по ту сторону двери был женским, и Маттео почувствовал, как его тело напряглось от этого немного хриповатого звука.

Его взгляд упал на ручку двери. Ощущение, испытываемое диким зверем, готовым наброситься на свою жертву, вдруг исчезло, и Маттео в изнеможении прислонился лбом к двери.

Как он ждал этого! Было что-то невыразимо приятное в том, как ты перерезаешь горло человека. Наверно, это как-то связано с его восприятием прекрасного – эта восхитительно алая кровь!

– Лука? Что-нибудь случилось?

Голос заинтриговал Маттео. Кого это Лука держит взаперти? Конечно же не любовницу. Степенный и добропорядочный Алвизе никогда бы не позволил, чтобы Лука поселил в их доме – этом святилище Дзани – порочную женщину. Маттео наверняка бы узнал, если бы Алвизе позволил Луке жениться. Эмилия оказалась бесплодной, и роду Дзани грозило вымирание.

Маттео сунул кинжал обратно в ножны. Любопытство взяло верх, и он повернул ключ.

Перед ним стояла девушка с глазами невероятной синевы. Что-то в ее облике показалось ему знакомым. Не видел ли он ее раньше, мелькнуло в голове Маттео. Вожделение горячей волной захлестнуло его.

– Что могло случиться, скажи, пожалуйста? – Его красивый рот искривила мерзкая улыбка.

Услышав шум за дверью и почти звериный крик, Кьяра вскочила со своего места у окна и подошла к двери.

Потом в соседней комнате наступила тишина, и никто не ответил на ее вопрос. Она решила, что у нее просто разыгралось воображение и никакого шума не было.

Ей нет никакого дела до того, что происходит в комнате Луки. Она ничем ему не обязана. Но тут она вспомнила, как он держал ее в объятиях всю ночь, и в ее душе зашевелилось беспокойство.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

Снова никто не ответил.

Но только она отступила на шаг от двери, как та распахнулась, и девушка увидела улыбающееся лицо Луки.

Не прошло и секунды, как ее окутало зло. Она попыталась пошевелиться, но не смогла. Было такое ощущение, будто она стоит в зыбучем песке над пропастью, которая вот-вот ее поглотит.

Она видела, как шевелятся его губы, но у нее так шумело в ушах, что она не разобрала ни слова.

Наконец-то, подумала она. Наконец-то она видит сущность этого человека. Ее разум ликовал, но сердце переполняла боль.

Он сделал шаг к ней навстречу, и ее охватил ужас. Он что-то сказал – она все еще ничего не слышала – и протянул к ней руку. На среднем пальце сверкнуло золотое кольцо. Только бы он до нее не дотронулся! Если прикосновение будет таким же нежным, как ночью, она не сможет воспротивиться злу.

Кьяра тряхнула головой. Как она могла забыть? Зло окружает ее, словно ядовитый запах, а она думает неизвестно о чем. Что с ней? Не сходит ли она с ума?

Она сосредоточилась, воззвав к своему внутреннему голосу, и услышала: «Смотри и верь».

Человек был черным, и тьма окутывала его как саван. Но далеко позади него мерцал свет – белый и чистый, окаймленный золотом, как будто освещенный солнцем.

Видение было зеркальным отражением того, что она видела при первой встрече.

Выйдя из транса, Кьяра увидела перед собой его прекрасное лицо, но оно было искажено яростью и страхом. Из его груди вырвался крик, похожий на тот, который она только что слышала. Мужчина грубо оттолкнул ее, и она упала, больно стукнувшись головой.

Она хотела закричать, но он уже отвернулся, направляясь к двери. Черный плащ, развевавшийся у него за спиной, был похож на хищную птицу.

Кьяра еще долго смотрела ему вслед. Потом ее взор помутился, и она потеряла сознание.

Она смотрела на него широко раскрытыми испуганными глазами. Почему она уставилась на него так, словно он сам дьявол? Вопрос его прозвучал вполне дружески. Больше того, он ей улыбался. И даже злоба в его душе немного утихла.

Потом до него дошло, что она боится вовсе не его. Она боится Луки.

Ну и ну, подумал Маттео. Интересно, что сделал с этой девушкой его правильный, честный и благородный братец, раз она так напугана?

– Не бойся, радость моя, я не Лука. – Он провел рукой по ее роскошным черным кудрям.

Но она по-прежнему смотрела на него глазами затравленного дикого зверька.

– Иди ко мне, малышка. Ты такая хорошенькая. Позволь мне показать тебе, как я тобой восхищаюсь. – Маттео играл ее волосами.

Кьяра замотала головой, и хотя его губы все еще улыбались, взгляд стал жестким. Придется преподать ей урок, решил он. Всю жизнь он только и занимался тем, что учил женщин повиноваться. Иногда он поступал с ними жестоко. Но другого обращения они не понимают.

Он уже почти схватил ее за горло, когда увидел, что ее взгляд затуманился, а глаза остекленели. Что это с ней? Его руки упали ей на плечи, пальцы впились в упругую молодую плоть.

– Будь ты проклята! – вскрикнул он. – Что с тобой происходит?

Но она лишь смотрела на него невидящими глазами.

– Отвечай! – Он так яростно тряс обмякшее тело, что ее голова моталась из стороны в сторону.

Но она смотрела все так же и молчала. Злоба и страх боролись в душе Маттео, но страх победил. Он разжал пальцы и оттолкнул ее.

А потом повернулся и выбежал из комнаты.

Первое, что почувствовала Кьяра очнувшись, была боль. Затылок разламывало от тупой

боли, плечи и руки ныли так, будто ее избили.

Где-то на краю сознания маячило воспоминание о том, что случилось, но девушке не хотелось в этом разбираться. Она просто лежала, пытаясь собраться с силами. Наконец ей удалось пошевелиться, хотя все в ней противилось движению. Медленно и осторожно она села.

Сильная пульсирующая боль в висках заставила ее застонать. Кьяра попыталась встать, но от страха и боли у нее подкосились ноги, и она упала на колени. Боль в голове усилилась, и ее стошнило. Она была так слаба, что упала, не в силах даже сидеть.

Она лежала долго, не шевелясь. Сколько прошло времени? Несколько минут? Или часов? Все это время мозг лихорадочно работал, терзая ее воспоминанием о черной злобе, которую она почувствовала, и тьме, которую увидела.

Ее глаза наполнились слезами, и Кьяра расплакалась. Она не понимала, почему плачет. Наверно, потому что боится. Потому что слишком слаба, чтобы спастись. Потому что находится во власти сатаны.

Но как ему удавалось скрывать свою сущность? Как он сумел притвориться таким нежным, если на самом деле злобен и похотлив? Почему это видение раньше оставалось сокрытым от ее глаз?

Она же видела его образ, окруженный светом. Но этот образ затмил другой – искаженное злобой и страхом лицо двойника в ореоле тьмы.

Она вспомнила, как он целовал синяки на ее запястьях и как у нее при этом билось сердце. Как он нежно целовал ее губы, как будто пробуя на вкус экзотический плод. И она ответила на его поцелуй, а ее тело отозвалось на его нежность.

Сколько же зла в ней самой? – думала она в отчаянии. Сколько зла, если она хоть и на мгновение, но все же потянулась к нему? Что-то сильнее ненависти, что-то, кроме физического чувства, влекло ее к нему.

Что ж, это справедливое наказание за то, что она не сбежала. Придется ей и дальше оставаться у него в доме, пока у нее не появятся силы и возможность убить его. Не «пока», а «если» – с издевкой подсказал ее внутренний голос.

Нет. Ей нельзя оставаться. Надо бежать. Может быть, уже никто ее не сторожит. Надо спешить, он может вернуться. И прикоснуться к ней. Ее сердце сильно забилося, а в голове невыносимо громко застучали сотни молоточков, и ей показалось, что ее снова стошнит.

Открыв глаза, она осторожно повернула голову.

Дверь в соседнюю комнату была открыта.

Надежда была слабой, но все же Кьяра, собрав остатки сил, подползла к двери. А при виде другой открытой двери – в коридор – она, поборов слабость, встала на ноги.

Спотыкаясь, она дошла до середины комнаты и, тяжело дыша, упала на стул.

Она немного отдохнет, решила Кьяра. Но тут увидела висевшую на спинке рубашку Луки, и вскочила, словно ее ужалил скорпион. Опираясь на стол, она начала медленно, шаг за шагом, двигаться к ведущей в коридор двери.

Внезапно она вспомнила заговор, которому ее научила мать. Кьяра не очень-то верила в эти заговоры. Они не принесли ей ни любви, ни уважения, о которых она мечтала. Но надо попытаться.

Надо взять какую-нибудь вещь, принадлежащую Луке. Лучше всего подошла бы прядь волос, но придется поискать что-нибудь другое.

И тут Кьяра увидела золотое кольцо. Она схватила его и вызвала в воображении образ Луки, почти веря, что он физически присутствует. Но, даже приказав себе увидеть тьму, она видела лишь свет. Потом видение исчезло.

Дрожащими руками она развязала кошелек и положила в него кольцо. Потом тихо, на цыпочках, вышла в коридор и на лестницу.

Девушка не чувствовала, что лицо ее мокро от слез.

Глава одиннадцатая

С высоты кафедры Лука оглядел зал. Сенаторы, облаченные в коричневые мантии, сидели на широких деревянных скамьях по обе стороны палаты. Большинство из них, как и подобало

венецианским патрициям, внимательно слушали Луку. Лишь некоторые, более пожилые, клевали носом.

– Когда-то Венецианская республика была могущественным государством. Когда-то. – Лука увидел, как кое-кто из сенаторов заерзал на своих местах. Другие обменялись взглядами и жестами, значения которых Лука пока не мог понять. – Когда-то турки трепетали при одном только виде флага с изображением льва на наших судах. А теперь? А теперь пираты Алжира, Туниса и Триполи злорадно потирают руки в ожидании еще одной делегации, которая привозит им венецианское золото в уплату за то, чтобы венецианским судам было разрешено проследовать в их водах. Мало того, вопреки своим же обещаниям они требуют с нас выкуп.

– Республика подписала с ними договоры, – высоким, пронзительным голосом возразил дож.

Лука выдержал усталый взгляд старого дожа и постарался не поддаваться жалости.

– Прежде мы постыдились бы даже рассматривать эти договоры.

Ропот прокатился по залу, но дож жестом длинной худой руки потребовал тишины.

– Сейчас Республика, бывшая когда-то королевой морей, вынуждена ежегодно платить шестьдесят тысяч дукатов только за то, чтобы ее суда могли беспрепятственно плавать по этим самым морям. И при этом ее корабли подвергаются риску нападения и ограбления. Они перевозят и ваши товары, синьоры, так что вам ли не знать об этом. Почему же венецианский флот этому не противостоит, спросите вы. Тот самый флот, что побеждал при Мореа, и Константинополе, и Лепанто. Я вам скажу почему. Все, что осталось от этого флота, – несколько устаревших и изрядно потрепанных судов. Я приехал в Венецию в качестве эмиссара адмирала Анджело Эмо, которого вы все знаете как честного человека и опытного флотоводца. Он просит дать ему несколько кораблей и десять тысяч матросов. Тогда у Венеции появится шанс вернуть себе былое могущество. Девиз благородного Анджело Эмо – «Если я и паду, то не на колени». Не мешало бы и Венеции считать этот девиз своим.

Лука склонил голову в знак того, что его речь окончена.

Недолгая тишина была взорвана бурей негодования.

– Прошу тишины. – Голос дожа дрожал, но его положение требовало уважения к его словам, и зал утих. – Лука Дзани, мы благодарим вас за ваше красноречие. Мы обсудим то, о чем вы нам рассказали, и дадим вам знать о нашем решении.

– Когда, ваше превосходительство?

– В свое время.

– Со всем уважением к вам, ваше превосходительство, позвольте заметить, что время – это товар, которого у нас уже нет.

– В моем возрасте это действительно так. У вас же его более чем достаточно.

– Я имею в виду Венецию, ваше превосходительство. – Сделав паузу, Лука добавил: – Мне бы не хотелось нести гроб на похоронах Республики.

– Вы слишком далеко заходите, – сухо сказал дож и жестом приказал стоявшим у входа в палату стражникам открыть двери. – Можете идти.

Лука сошел с кафедры и направился к выходу, взглядыываясь по пути в лица тех, кто только что со вниманием слушал его. Им предстояло принять решение, но по их лицам нельзя было понять, солидарны ли они с Лукой.

Но одно он по крайней мере понял. То, что предлагал сделать человек в черно-золотой маске, будет не предательством, не государственной изменой, а лишь последней возможностью спасти Венецию от неминуемой гибели.

Выйдя из здания Сената на площадь, Лука с удовольствием вдохнул свежий, солоноватый воздух лагуны.

Атмосфера Сената всегда казалась Луке гнетущей. Особенно потому, что он знал, что скрывается за величественным залом с его расписным потолком, позолоченной лепниной и обшитыми деревом стенами: за ними начинались темные коридоры, ведущие в камеры пыток. Под свинцовой крышей находились камеры, в которых заключенные зимой замерзали от холода, а летом задыхались от жары. На уровне канала располагались темные и сырые узилища, в которых заключенные тонули во время приливов.

Октябрьское солнце пригревало, утренний туман над каналом уже рассеялся. Лука бодро шагал к пристани, где его поджидал Томмазо. Неожиданно ему почудилось, будто кто-то прикоснулся к его груди чуть повыше сердца.

Кьяра. Он оглянулся, будучи совершенно уверен, что увидит ее где-то рядом. Но ее не было. И в то же мгновение место, к которому только что, как ему показалось, прикоснулась рука Кьяры, стало холодным как лед. Лука сорвался с места и опрометью бросился к пристани, спотыкаясь и пугаясь в полах плаща.

– Скорей, Томмазо, – крикнул он, с размаху прыгнув в гондолу, так что она опасно накренилась. – Домой, Томмазо, и побыстрей.

Едва гондола причалила ко дворцу, Лука выпрыгнул на мокрые камни, на ходу срывая с себя плащ и парик.

У Кьяры подкосились ноги, и она упала на верхней ступеньке лестницы, еле удержавшись, чтобы не скатиться вниз. Она отдохнет всего минутку, подумала Кьяра, а потом встанет. Девушка легла на бок и прислонилась щекой к прохладному мрамору.

Шум шагов застал ее врасплох. Она с трудом встала, но он уже был рядом. Он так крепко схватил ее за плечи, что она закричала и попыталась вырваться.

– Что случилось? Куда ты собралась?

– Отпусти меня!

На крик сбежались слуги. Горничные, лакеи в ливреях, экономка как зачарованные смотрели на них со всех сторон.

– Кьяра! – Она смотрела на Луку испуганными глазами, и он понял: случилось что-то ужасное. Она в панике. У нее самая настоящая истерика. – Послушай меня!

– Нет! – закричала она, закрывая глаза. Но, даже крепко зажмурившись, она видела его в ореоле света. Ее отчаянный крик предназначался не только видению, но и стоявшему перед ней человеку.

Ей удалось наконец освободиться. Какое-то мгновение она балансировала на краю ступеньки, а потом покатила вниз по лестнице.

Лука сидел на краю постели и держал безжизненную руку Кьяры. Она выглядела так, словно просто спит. Но вот уже почти неделю она лежала неподвижно, с закрытыми глазами.

Врачи только качали головами, не зная, что с ней. У нее были лишь незначительные ушибы и царапины. Кости были целы. Ее грудь вздымалась так незаметно, как будто она вовсе не дышала.

Она где-то далеко, спасается в каком-то укромном месте, думал Лука. Ее полная неподвижность была укором ему. Он так остро чувствовал свою вину, что ему больно было смотреть на девушку. Но он заставлял себя снова и снова открывать глаза.

Почему? – повторял он про себя, как молитву. Почему она боролась с ним из последних сил? Откуда этот испуг в ее глазах?

Лука всегда был человеком действия. Нынешнее чувство беспомощности угнетало его. Сидеть и ждать было невыносимой мукой.

Он был неправ, удерживая ее силой. Все равно что запереть в клетку вольную птицу. Может, сидя взаперти, она немного тронулась умом? Поэтому так отчаянно пыталась вырваться?

Если это так, значит, получается, что он сам столкнул ее с этой проклятой лестницы. Значит, он виноват во сто крат больше. Он не раз испытывал страсть к женщинам. Но сейчас это было не просто вожеление. Кьяра нужна ему, как никакая другая женщина не была нужна до сих пор. И если он ее отпустит, в душе образуется пустота, которую ни одна женщина не сможет заполнить.

Но все же он ее отпустит. Крепко сжав ее руку, он поклялся себе, что, как только она поправится, он ее отпустит.

– Лука, мне надо с тобой поговорить.

Лука подавил в себе чувство нетерпения, которое всегда возникало у него, когда он слышал мрачный голос своего старшего брата Алвизе.

– Слушаю тебя.

– Мы должны поговорить наедине.

– Мы и так одни. Она нас не слышит.

Алвизе поджал губы.

– Как пожелаешь. Я хочу поговорить с тобой об этой... об этой женщине. – Кисло улыбнувшись, Алвизе подумал, как это похоже на Луку – вечно нарушать приличия.

– Ее зовут Кьяра.

– Она не может здесь оставаться.

– Что ты предлагаешь? Выбросить ее вместе с мусором в канал? – Лука в негодовании вскочил.

– Ты всегда отличался тем, что не выбирал слов.

– Так что же ты все-таки предлагаешь? – Лука не скрывал своего нетерпения.

– Я просто говорю, что она не должна здесь оставаться. Уже вся Венеция судачит о тебе.

Лука промолчал.

– Я требую, чтобы ее просто перевезли отсюда. Мы же не варвары. В Венеции полно мест, где о ней смогут позаботиться. Например, городская больница или какой-нибудь монастырь.

– Только через мой труп, Алвизе. А если ты перевезешь ее, когда меня не будет дома, тогда я уж точно дам венецианцам повод позлословить. – Лука отвернулся от брата и снова сел около Кьяры.

– Ты не смеешь не повиноваться мне, – вдруг ошетинился Алвизе. – Наш отец сделал меня главой семьи Дзани, и мое право и мой долг принимать решения. Особенно если дело касается фамильной чести.

– Что правда, то правда – в вопросах чести семьи Дзани наши мнения никогда не совпадали.

У Алвизе хватило совести отвести взгляд: он слишком хорошо помнил, как отговаривал Луку отдать Маттео в руки правосудия. Все равно он был тогда прав, упрямо подумал Алвизе. Что стоила жизнь дочери какого-то богатого торговца против пятна, которое навеки останется на фамилии Дзани.

– Я позабочусь о том, чтобы ее перевезли.

Лука был готов взорваться. Усилием воли он заставил себя успокоиться. Осторожно положив руку Кьяры на постель, он встал.

– Только посмей, – пригрозил он, – и ты узнаешь, на что я способен в гневе, и тебе не придется больше сравнивать меня с Маттео.

Алвизе хотел что-то возразить, но Лука покачал головой.

– Уходи.

Увидев сжатые кулаки Луки, Алвизе судорожно сглотнул застрявший в горле ком и почел за лучшее ретироваться.

Боже, подумал Лука, еще секунда, и он схватил бы брата за горло. Еще шаг, и он оказался бы на краю бездны. Струйки пота катились у него по спине.

Всю жизнь он считал, что держит под контролем свою горячность. Но появилась Кьяра, и совершенно неожиданно он обнаружил, что все время лгал самому себе. Где-то в глубине в нем жил тот же порок, та же жестокость, которая заставляла Маттео совершать неслыханные злодеяния.

Ему следует покинуть город и уйти в море, решил Лука. Но разве это возможно? Он же дал клятву человеку в черно-золотой маске! Кроме того, он должен сдержать данное себе обещание отпустить Кьяру.

Прикосновение было легким, мимолетным – просто его кожи коснулось дуновение ветра. Потом теплой лаской оно остановилось на его сердце. Боясь пошевелиться, затаив дыхание, Лука ждал, когда оно станет ледяным.

– Ты правда меня отпустишь?

Тихий, шелестящий шепот поразил его как удар молнии. Он чуть было не обернулся, чтобы удостовериться, что слух его не обманул, но тело его не слушалось.

Прошло еще несколько секунд. Она молчала. Значит, ему показалось, подумал он, и его

сердце сжалось от горя.

Но тут он встретился с ней взглядом.

Глава двенадцатая

Они долго смотрели друг на друга.

Кьяра застыла в ожидании того, что на нее нападет страх, что зло задушит ее своим смрадом, что его красивое лицо исказится злобой, что его руки потянутся к ней, чтобы причинить боль.

Но душа ее оставалась спокойной, как незамутненная поверхность чистого горного озера. И выражение лица Луки было не злым, а обеспокоенным и изумленным.

– Я слышала, что ты обещал, – сказала она охрипшим после долгого молчания голосом.

Так как он не ответил, она вызвала в своем воображении его образ. Окружавший его свет был ярким и чистым, и Кьяра, облегченно вздохнув, закрыла глаза.

Почему же раньше так явственно была видна тьма? – спрашивала она себя. Не иначе как он снова ее испытывает. Она найдет этому объяснение, но не сейчас. Сейчас у нее нет сил даже думать об этом.

Все, что она чувствовала, было облегчение, и она не смогла сдержать слезы.

Увидев ее слезы, Лука понял, насколько уязвима эта девушка.

Прежде он знал только, что она сильная и непокорная. Даже когда отвечала на его поцелуи, в ней было больше страсти, чем смирения. Впервые в жизни у Луки возникло желание защищать, заботиться. Он даст Кьяре то, чего не давал еще ни одной женщине.

Ему захотелось сесть поближе, обнять ее, но он боялся напугать девушку и поэтому только слегка погладил ей руку.

– Я видел, как ты использовала свой дар ясновидения, чтобы сказать людям правду о них самих. Почему же ты не можешь увидеть, кто я? – Не получив ответа, он тихо сказал: – Нет, я не лгал.

Он отпустит ее, подумал он, но печаль разлилась в его душе, словно кровавое пятно на белой скатерти. Ему будет невыносимо больно, однако он сдержит свое обещание.

Кьяра не отвечала, и он подумал, что она снова ушла в свой мир, но потом ощутил, как ее рука пошевелилась под его ладонью.

Может быть, она увидела правду? Действительно заглянула ему в душу и прочла его мысли? Ему хотелось в это поверить, но его рациональный ум, привыкший к точности, подсказывал ему, что это в лучшем случае не более чем совпадение.

– Почему ты спросила, отпущу ли я тебя?

– Я тебя спросила? – удивилась она, открыв глаза.

– Ну да.

– Это твой голос меня разбудил.

– Значит, все-таки ты ясновидящая. – Ему вдруг стало легко оттого, что он признал ее дар. – Я ничего не говорил вслух. Только подумал.

– Не говорил?

– Нет. – Он нахмурился. – Почему же ты тогда сомневаешься? В первый вечер у тебя сомнений не было.

– Сомнение есть всегда, – уклончиво сказала она, опустив взор.

Она избегает его взгляда, подумал он. Лука чувствовал, как она старается отстраниться, и окликнул про себя ее по имени.

Кьяра явственно слышала его голос, точно так же, как только что слышала его обещание, и посмотрела ему прямо в глаза.

Оба замерли от удивления и глядели друг на друга, пока не почувствовали, что расстояние между ними сократилось и установилась какая-то связь.

– Ты можешь мне объяснить, почему хотела сбежать? Почему так отчаянно сопротивлялась, когда я хотел тебя удержать?

– Ты меня напугал. Ты смотрел на меня, а я чувствовала исходящее от тебя зло, твою жестокость и... – Страх неожиданно снова охватил ее, и хрупкая связь между ними оборвалась.

– Успокойся. Тебе не обязательно сейчас все объяснять.

Но ей было необходимо разобраться. Видимо, она ошибалась – это было единственным объяснением. Глаза обманывали ее. Воспоминание, отложившееся в ее голове, – обман. Не может он быть тем человеком, которого она оттащила от Донаты.

Кьяра так пристально смотрела на Луку, что ему стало не по себе. Сейчас ее взгляд снова станет отсутствующим и она погрузится в свой воображаемый мир. Но ее взгляд оставался ясным, как море в солнечный полдень.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросил он.

– Я пытаюсь понять.

– Понять что?

Но она покачала головой. Больше она ничего не скажет. Сможет ли она когда-нибудь поверить ему до конца? А самой себе – сможет?

– Ну и ладно, – не стал настаивать Лука. – Я не буду на тебя давить.

Лука встал, намереваясь незамедлительно выполнить свое обещание. Но у него все еще оставались вопросы. А желание прикоснуться к ней было настолько велико, что он уже почти ощущал пальцами гладкость ее кожи.

– Я пришло к тебе Дзанетту. Она принесет все, что нужно.

– Спасибо. И благодарю тебя, что ты защитил меня от своего брата.

– Прости, что тебе пришлось все это выслушать.

– Мне приходилось слышать вещи и похуже. – Она вспомнила последние слова, которые сказал ей отец. – Много хуже.

– Мне жаль. А теперь отдыхай. – Дабы не поддаваться искушению обнять ее, Лука повернулся и направился к двери.

Силы покинули Кьяру. Даже закрыть глаза стоило ей труда.

Когда он собрался уходить, ей показалось, что он борется с желанием прикоснуться к ней. Видит Бог, она и сама этого хочет. Ей надо убедиться, что она и правда жива.

Неожиданно Лука обернулся и посмотрел на Кьяру.

– Эта дверь останется незапертой, и ты свободна. Можешь уходить и возвращаться, когда захочешь.

– Возвращаться?

– Не мне напоминать тебе, что мир жесток и что он полон людей, способных тебя обидеть. В этом доме ты под моей защитой. А если захочешь куда-нибудь пойти, у тебя будет телохранитель.

А кто защитит меня от тебя? – подумала она.

– Любое твоё желание будет выполнено, Кьяра, стоит только попросить. Но взамен ты должна кое-что мне обещать. Я не хочу, чтобы в один прекрасный день ты просто исчезла. Скажешь мне, когда решишь уйти?

– Зачем? Чтобы ты смог меня остановить?

– Нет. Я и так причинил тебе много боли. Даже заставлял силой.

– Кроме силы, есть и другие способы, – сорвалось у нее с языка, прежде чем она успела подумать.

Кровь закипела в жилах Луки, и он сделал шаг навстречу Кьяре, проклиная себя за дикие порывы.

– Кьяра, о чем ты?..

– Пожалуйста. – Она подняла руку, но тут же уронила ее на постель. – Не надо.

Этот жест подействовал на Луку больше, чем ее отчаянный шепот.

Он еще долго стоял на пороге, ожидая, пока она уснет.

Потом он тихо прикрыл за собой дверь и, хотя это стоило ему усилий, не запер ее.

Лука не появлялся в комнате Кьяры до тех пор, пока не узнал от слуг, что она достаточно окрепла, чтобы встать с постели.

Когда он вошел, она сидела за столом.

– Мне сказали, что тебе лучше. Рад это слышать.

От неожиданности она вздрогнула и поспешно прикрыла ладонью фигурки, которые

слепила из хлебного мякиша. Одна фигурка упала на пол и, покотившись, остановилась у самых ног Луки.

Лука поднял фигурку и стал ее рассматривать.

– Сдается мне, что это шахматная фигура.

Кьяра сгребла фигурки на середину стола и вызывающе заявила:

– Ты не ошибся. Хотя я все еще не поправилась, мне надо чем-то заняться, если я не хочу окончательно сойти с ума.

– Могла бы о чем-нибудь попросить.

– Чтобы ты вот так, как сейчас, поднял меня на смех?

– Ничего не могу с собой поделаться, не смог удержаться. У тебя столько талантов, что я не перестану удивляться. – Лука улыбнулся и дернул плечом.

Усилием воли Кьяра постаралась не поддаваться обаянию его улыбки. Он сел напротив нее и потребовал:

– Так скажи, Кьяра, что мне принести, чтобы ты могла развлечься?

– Тебе нравится надо мною насмеяться? – Кьяра откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

– Я вовсе не насмехаюсь. В жизни не был так серьезен, как сейчас.

– Ладно. Если ты не шутишь, то распорядись принести шахматы, карты и книги.

– Книги? – Лука не смог скрыть удивления.

– Ну, конечно. Раз я цыганка, то должна быть неграмотной, что ли? – саркастически парировала Кьяра. – Если я умею читать, то это не вяжется с картиной кочевой цыганской жизни, ты так считаешь.

– Я этого не говорил.

– А этого и не нужно. У тебя все на лице написано.

Лука не мог удержаться от смеха.

От ярости и унижения кровь прилила к все еще бледному лицу Кьяры. Она оттолкнула от себя стол и хотела встать, но Лука ее опередил и схватил за руку.

– Не уходи, пожалуйста.

– Чтобы ты продолжал надо мной смеяться?

– Да я не над тобой смеялся. – (Кьяра взглянула на Луку с недоверием). – А над собой.

На лице Кьяры отразилось такое высокомерие, что Лука уже не сомневался: ее отец был венецианским патрицием. Придется провести кое-какое расследование, решил он, и узнать, от кого родилось это великолепное создание.

– Знаешь, почему я рассмеялся? Я был рад, что ты поправилась и уже можешь шипеть и царапаться, как рассерженная кошка. А теперь сядь. – Когда она опустилась на стул, он сказал: – Я сейчас вернусь, – и вышел из комнаты.

Лука вернулся через несколько минут с тяжелой шахматной доской, инкрустированной слоновой костью и черным деревом. Из ящичка внизу он достал изящно вырезанные фигуры из белого алебаstra и темно-зеленого нефрита и расставил их так, что белыми должна была начинать Кьяра.

– Не желаешь ли сделать первый ход? – предложил он.

– Хочешь проверить, умею ли я играть?

– Просто предлагаю тебе сыграть партию со мной и проверить, умею ли играть я, – усмехнулся он.

Не удержавшись, Кьяра улыбнулась в ответ.

– По-моему, у нас ничья, – спустя час сказал Лука.

Кьяра смотрела на доску, нахмурив брови. Ей ужасно хотелось выиграть, но и на ничью она, пожалуй, может согласиться.

– Хорошо. Пусть будет ничья.

– С удовольствием сыграю с тобой еще. По-моему, у нас неплохо получается. – Лука был рад увидеть, как заблестели ее глаза. Стало быть, она поняла намек.

Вошел Рико со стопкой книг. Сверху лежала колода карт.

– Ну вот, – сказал Лука, – карты и, – он провел рукой по корешкам, – книги. Боккаччо,

Аретино, Данте, поэзия Микеланджело и Петрарки. Надеюсь, эти книги придутся тебе по вкусу.

Кьяра с жадностью посмотрела на книги.

– Спасибо. – Она погладила темно-вишневый кожаный переплет книги, лежавшей сверху, так, как это сделала бы монахиня, прикасаясь к священной реликвии. – Ты очень добр.

– Что ты! На самом деле я эгоист. Я готов отдать все, только бы ты осталась.

– Так уж и все!

– Все, что в моих силах.

– Не проси меня остаться, – тихо сказала она.

– Почему? – также шепотом спросил он. – Ты боишься саму себя? Ведь ты могла уйти, как только встала с постели. Или что-то тебя удержало?

– У меня есть на то причины.

Причины были. Ей необходимо узнать правду. Надо разобраться, откуда у нее эти противоречивые видения. Да и просто понять, кто он такой. Если он и вправду не тот человек, который изнасиловал Донату, она сможет признаться себе в чувствах, пустивших в ее сердце ростки, подобные крошечным цветочкам, пробивающимся сквозь трещины в скалах. А что, если появление этих образов было лишь испытанием, чтобы заставить ее не верить видениям, а верить своему сердцу? Может ли она доверять этому человеку?

– А у меня тоже есть причины. – Отодвинув шахматную доску, он накрыл ладонью ее руку. – Может, останешься, пока мы их не выясним?

– Не надо! – Кьяра хотела отдернуть руку, но Лука крепче прижал ее к столу.

– Боишься? – тихо, но вызывающе спросил он.

– Не надо, Лука! – крикнула она и сбросила его руку.

– Ты не сможешь увильнуть от ответа до бесконечности.

– Но я могу уйти. Ты обещал.

– Это так. Но не уйдешь. Потому что ты не робкого десятка, верно?

Глава тринадцатая

Кьяра сидела у окна, выходящего на канал, но мысли ее были далеко от спящих по воде барж, груженных разным товаром, и гондол с веселящимися людьми в маскарадных костюмах и масках.

Почему она все время оттягивает момент своего ухода? – думала она. Сидит и только мечтает о свободе. Вот уже почти три недели прошло с тех пор, как дверь в ее комнату оставалась незапертой, а она все сидит у окна, смотрит на мир и притворяется, будто еще не совсем оправилась.

Она приехала в Венецию, чтобы найти своего отца. Теперь она свободна, но даже не пытается его разыскивать. Более того, виновато призналась себе девушка, она ни разу не вспомнила об отце, за исключением того первого вечера, когда заглянула в сердце женщины, переодетой в мужское платье.

Но именно с того вечера все ее помыслы завертелись вокруг Луки. Рассеянным взглядом она обвела комнату, где провела с ним столько часов, где все напоминало о нем.

– Нет, – простонала она и закрыла лицо руками. Как она может питать к нему нежные чувства? Ей следует его презирать и ненавидеть. Если он и вправду человек, который изнасиловал ее сестру.

Но было что-то еще, беспрестанно ее терзавшее с тех пор, как она очнулась после своего долгого забытья. Она была уверена: это что-то важное, но, как ни напрягала память, ничего вспомнить не могла. Это не давало ей покоя, сидело в ней, словно заноза. И каждый раз, когда ей казалось, что она вот-вот вспомнит, мысль ускользала, оставляя неприятное ощущение беспомощности.

Надо одеться, подумала Кьяра. Может, это встряхнет ее память. Девушка встала. У нее все еще немного кружилась голова. Осторожно ступая, она подошла к большому сундуку с одеждой и подняла тяжелую крышку.

Сверху лежали ее вещи – те, которые были на ней, когда она упала с лестницы. Она быстро сняла с себя халат и ночную рубашку и надела нижнюю юбку и блузку. Когда она

вынимала юбку, из складок выпал ее потертый кожаный кошелек. Он упал на пол с громким стуком. Вряд ли несколько монет могли произвести такой звук, удивилась она.

Она развязала шнурок и высыпала содержимое кошелька на стол: несколько серебряных лир, заработанных ею на площади в день приезда в Венецию, золотая монета, которую ей дала женщина в мужском костюме, и... массивное золотое кольцо. Кьяра нахмурилась. Откуда у нее это кольцо?

Она зажала его в кулаке, и тут к ней начала возвращаться память.

Страх. Ужас. Паника. Картинка была четкой, но она была как будто сторонним наблюдателем, а не участницей.

Она видела, что находится в комнате Луки и ищет какую-нибудь принадлежащую ему вещь, чтобы с помощью заговора освободиться от его чар. Вот она протягивает руку к расписной чаше и берет кольцо. И тут стройность воспоминаний нарушилась: она видела такое же кольцо на руке сатаны!

В изнеможении Кьяра опустила на сундук. Вот что мучило ее все эти недели – кольцо!

Как же такое возможно? Не может же кольцо быть в двух разных местах одновременно! Стало быть, их два. А если существует два кольца, не означает ли это, что есть два человека с одинаковыми лицами? Но у одного из них в душе тьма, а у другого – свет!

Разум Кьяры отказывался верить, что могут существовать два человека, похожих друг на друга как две капли воды. Но сердце готово было принять это безо всяких оговорок.

Радостное чувство нахлынуло на Кьяру. Вот ответ на все ее вопросы, объяснение противоречивых видений. Сердце с самого начала знало, что Лука – хороший человек.

В дверь постучали, и Кьяра обернулась навстречу Луке с сияющей улыбкой.

Увидев эту улыбку, Лука остановился как вкопанный. С болью в сердце он признался себе, что отдал бы состояние за то, чтобы эта улыбка предназначалась ему.

Он подошел к Кьяре, опасаясь, что радостное выражение лица сменится обычной ненавистью и недоверием.

– Я вижу, ты чувствуешь себя лучше.

– Да. – Она встретила взглядом с Лукой. Его глаза светились нежностью.

Раскрасневшаяся и возбужденная своим открытием, Кьяра крепко сжала кольцо, не зная, что сказать или сделать.

– Ты собралась... – начал он и остановился, чтобы обвинение не сорвалось у него с языка, – выйти?

– Нет, я решила, что пора выздороветь. Послушай, Лука, – сказала она, но он прервал ее, сев рядом на сундук.

– Кьяра. – Он почувствовал, как что-то шевельнулось в его душе, не понимая, однако, что это боль и одиночество покидают ее. Не в силах сдержаться, он провел пальцем по щеке девушки. – Знаешь, ты в первый раз назвала меня по имени. Это надо отпраздновать. Пойдешь со мной?

– С тобой? – удивилась Кьяра. – Куда?

– Куда-нибудь. – Лука обнял ее за плечи. – Прогуляемся по площади. Нет, для этого ты, пожалуй, еще слаба. Пойдем в театр или прокатимся на гондоле. Да, это лучше всего. Давай, а?

– Не знаю. – У Кьяры голова шла кругом от неожиданно нахлынувших на нее чувств, от мальчишеского энтузиазма Луки. – Меня раньше никто никуда не приглашал.

– Значит, мне придется запомнить, что надо приглашать тебя почаще. Я пришлю кого-нибудь помочь тебе одеться. – (Кьяра покачала головой.) – Я скоро вернусь.

– Подожди. – Кольцо все еще было зажато у нее в кулаке.

– В чем дело?

– Мне... мне надо с тобой поговорить.

– Это так важно? – спросил он весело, но ее посерьезневшее лицо немного омрачило его приподнятое настроение.

– Я хочу тебя спросить...

– Может, потом? – В данный момент у него не было никакого желания выслушивать, что именно она хотела спросить, тем более с такой печалью в глазах. – Давай повеселимся, пока не зашло солнце.

Вечер был не по сезону теплым. Томмазо равномерно греб веслом, и гондола медленно скользила по воде.

Теплый ветерок совсем не походил на те порывы холодного воздуха, которые пробирали Кьяру до костей, когда она сидела на том же самом месте в прошлый раз.

– Не надо.

– Что не надо? – Кьяра обернулась к Луке.

– Не надо вспоминать о том вечере, когда я привез тебя в палаццо Дзани.

– Как ты узнал, что я подумала об этом? – изумилась она. – Ты что, умеешь читать чужие мысли?

– Я вижу это по твоим глазам.

– Это все в прошлом.

– Разве? Ты простила меня? Ведь я был на волосок от того, чтобы насильно затащить тебя в постель! Ведь я оставил синяки на твоих руках!

– Ты уже извинялся за это.

– Это не ответ.

– Какая тебе разница, простила ли тебя женщина, которую ты купил как рабыню?

– Ты прекрасно знаешь, что никогда не была моей рабыней.

– А это не ответ на мой вопрос.

– Почему мы все время спорим? Я взял тебя на прогулку, чтобы доставить тебе удовольствие.

Кьяра не успела ответить. Рядом с их гондолой появилась большая лодка, где под красным тентом был накрыт богатый стол.

– Эй, синьор Маска! – пьяным голосом крикнул человек в костюме мавра. – У нас тут отличное вино и много еды. Мы можем с вами поделиться, если вы поделитесь богатством, которое рядом с вами!

Предложение мавра было поддержано хором сидевших за столом мужчин в маскарадных костюмах, и Кьяра невольно придвинулась ближе к Луке. Хорошо, что Лука настоял на том, чтобы она закрыла лицо хотя бы полумаской.

Лука обнял ее за плечи, успокаивая.

– Вам надо бы поучиться хорошим манерам, синьоры, – сказал он более учтиво, чем если бы был один.

Один из гуляк встал из-за стола и, шатаясь, сделал несколько шагов.

– Это вы невежа. Разве церковь не вразумляет, что надо делиться? Мы все делимся, не так ли, друзья?

– Не смейте покушаться на то, что принадлежит мне, если не хотите остаток жизни, причем довольно короткий, провести инвалидом. – Лука холодно улыбнулся и обратился к гондольеру: – Гребни, Томмазо.

Томмазо заработал веслом, и гондола без труда обогнала тяжелую лодку.

– Именно это я имел в виду, Кьяра, когда говорил об опасностях, подстерегающих девушку в Венеции. Знаешь, что случилось бы, будь ты одна и повстречайся с такой пьяной компанией? Знаешь? Вряд ли их остановил бы твой отказ.

– Я все понимаю, и лучше, чем ты думаешь.

Наступило молчание, нарушавшееся равномерным плеском весла Томмазо и обрывками песен и смеха с проплывавших мимо лодок.

Однако напряжение начало понемногу спадать, и Кьяра стала любоваться зданием, построенным вдоль канала. В тот день, когда она высадилась на площади с баржи, доставившей ее в Венецию из Падуи, у нее не было времени осмотреться. Но сейчас ее заворожили уходящие ввысь каменные кружева дворцов.

Мягкий предвечерний свет выгодно оттенял пастельные краски стен. Морские ветры и соленый воздух превратили красный цвет кирпича в тускло-розовый, янтарный – в бледно-желтый и желтовато-коричневый. Только мрамор устоял против капризов природы и по-прежнему светился перламутром.

– Хочешь сойти на площади Сан-Марко? В кофейне Флориана можно послушать музыку

и выпить кофе, – предложил Лука.

Но взгляд Кьяры был обращен на противоположный берег канала, где ее внимание привлек дворец, фасад которого был украшен синими, окаймленными золотом, медальонами.

– Парадини, – прошептала она.

Лука вздрогнул от неожиданности.

– Откуда ты знаешь, что это палаццо Парадини?

Но Кьяра не ответила. Она даже не слышала его вопроса, потому что на нее вдруг нахлынули воспоминания об отце.

– Кьяра. – Лука повернул ее лицом к себе. Он уже не пугался, когда видел, что ее взгляд становится неподвижным. Надо было только дождаться, когда она вернется к действительности.

– Тебе знакома фамилия Парадини? – дрожащим голосом спросила Кьяра.

– Разумеется. Она записана в Золотой книге, равно как фамилии всех патрициев. А это был их дворец.

Кьяра остановила взгляд на здании и сосредоточилась, пытаясь увидеть тех, кто в нем живет. Но ее внутреннему взору предстала лишь хрупкая фигурка в маске, в облегающих шелковых бриджах, прикрытых широким плащом. Кьяра знала, что под мужским нарядом скрывается женщина. Кроме анфилады комнат, открывавшихся за спиной женщины, она ничего не увидела.

– А семья Парадини все еще живет в этом дворце? – обратилась она к Луке.

– Никто из носящих эту фамилию в нем не живет.

– Как это? Я не понимаю.

– Это очень печальная история, хотя в Венеции таких много. Тот из братьев, которому было разрешено жениться, умер, не оставив наследников. Братьев было много, и некоторые из них, полагая, тоже женились, но все они умерли один за другим, не имея наследников. Такая участь постигла многие венецианские семьи, и однажды так случится и с семьей Дзани.

– Ты хочешь сказать, что никого из Парадини не осталось в живых?

Задавая этот вопрос, Кьяра уже знала, что это неправда. Если бы ее отец умер, она бы это почувствовала. Она попыталась вызвать его образ, но увидела лишь его печальное лицо в проеме двери в тот момент, когда он захлопнул ее перед матерью.

Судьба не может поступить с ней так жестоко – лишить ее возможности отомстить человеку, который выбросил на улицы Рима жену и дочь, лишив их всего, кроме имени.

– Я не совсем уверен, но подозреваю, что кое-кто из бедных Парадини живет в квартале Сан-Барнаба. У любой богатой семьи там есть бедные родственники. Их называют «барнаботти» и все презирают, даже подобные им.

– А почему они живут отдельно? Они совершили какое-нибудь преступление?

– Нет. Их единственное преступление – бедность.

– Как могут люди поступать так с кровными родными? – возмутилась Кьяра, начиная понимать, почему отец с такой легкостью от них избавился.

– Такова традиция. – Лука говорил спокойно, но чувствовалось, как глубоко ему отвратителен этот обычай. – Им отводят жилье, а иногда дают немного денег, но они не имеют права занимать какие-либо должности, не могут наследовать ни денег, ни собственности, но обязаны ходить в шелках, потому что они, несмотря ни на что, патриции.

Возможно, ее отец среди этих патрициев? Если так, то она надеется, что он страдает. А если нет, она заставит его страдать.

– В палаццо Парадини сейчас живет только Лаура Парадини – самая богатая и самая эксцентричная женщина в Венеции. – Лука на мгновение задумался. – Подозреваю, что именно она первой обратилась к тебе с вопросом в тот вечер у Джульетты. Ты тогда распознала в ней женщину.

Да, вспомнила Кьяра, она заглянула в холодное сердце этой женщины. А в нем увидела своего отца.

Лука наблюдал за Кьярой. Она откинулась на резную спинку сиденья и невидящим взглядом уставилась куда-то вдаль. Он мало что знал о семействе Парадини, но вспомнил, что у них всех были глаза необыкновенного синего цвета.

Он молча дал знак Томмазо направить гондолу в боковые каналы, где бы они не сталкивались с веселой публикой, предвкушающей еще одну ночь удовольствий. Кьяра сидела бледная, закрыв глаза, но Лука чувствовал, что она уже не так напряжена.

Солнце село, оставив на воде лишь розоватые блики. Тени постепенно сгущались, пока ночь не поглотила свет.

По знаку Луки Томмазо снова изменил направление. Когда они подплыли к месту назначения, Лука тронул Кьяру за плечо и был удивлен, что она тут же открыла глаза.

– Ты не спала?

– Нет, но я хорошо отдохнула, – улыбнулась Кьяра. – Спасибо.

Она выпрямилась и огляделась, не узнавая узкий, пахнущий сыростью канал без единого факела.

– Где мы?

– Я должен здесь тебя покинуть. Томмазо отвезет тебя домой.

Кьяра схватила его за руку.

– Не уходи.

– Не беспокойся. Томмазо позаботится, чтобы с тобой ничего не случилось.

Кьяра замерла, призвав на помощь свой дар ясновидения.

– Выслушай меня, Лука. – Даже в темноте Лука увидел, что ее взгляд стал неподвижен. – Я тебя предупреждаю. Берегись, – прошептала она, подняв руки, как бы отгоняя зло. – Человек в маске, которого ты сейчас встретишь, погубитель.

Лука подумал о планах заговорщиков и удивился верности ее слов. Да, этот человек собирается нести гибель. Но и он тоже. Ему придется в этом участвовать.

– Иногда приходится разрушать отжившее, чтобы дать место новому.

– А кто окажется в выигрыше после твоей гибели?

– Ты хочешь сказать, что он собирается погубить меня? – Лука рассмеялся. – Я – его остро отточенный меч, зачем же ему уничтожить свое оружие?

– Он навлечет на тебя беду. И на всех остальных. – Кьяра отчаянно пыталась разглядеть лицо, скрывающееся под зловещей черно-золотой маской, но образ поблек, и она увидела лишь лицо Луки.

Взгляд Кьяры снова стал ясным. Она посмотрела на Луку и поняла, что он ей не верит. Он не желает прислушаться к ее предупреждению, подумала она. Может, он и прав, сомневаясь в ней?

Она уже не знала, верны ли ее видения. Возможно, она потеряла свой дар. Может, это наказание за ненависть, которая так долго живет в ее сердце?

– Поступай так, как должен. Больше я не стану тебя предупреждать.

Глава четырнадцатая

Как только Лука появился в своих покоях, его слуга принял плащ и маску.

– Можешь идти спать, Рико, – сказал Лука, развязывая ленту, стягивавшую на затылке его волосы. Он тряхнул головой, и волосы рассыпались по плечам. – Уже поздно.

– Разве не надо помочь вам раздеться? Или принести что-нибудь перекусить?

– Мне ничего не надо, и раздеться я вполне сумею сам. – Луку неприятно резанул собственный грубый тон, и он произнес более мягко: – Все хорошо, Рико. Иди спать.

Старый слуга заметил, что Лука бросил взгляд на дверь, ведущую в комнату Кьяры.

– Девушка у себя, – сказал Рико, – я слышал, как она час тому назад разговаривала с Дзанеттой. – (Лука посмотрел на Рико с удивлением.) – Я думал... я думал, что надо последить за тем, что делает эта молодая цыганка.

– Ты истинный дипломат, Рико. Она может уходить и приходить, когда захочет. Я ведь тебе уже говорил об этом.

– Да, дон Лука. Но вы взглянули на дверь, и я подумал...

– Что меня надо успокоить? – Рико кивнул. Лука рассмеялся и отослал слугу спать.

Лука налил в бокал вина и встал у окна. Темный канал, освещенный полной луной, распростерся внизу, словно спящая женщина в ожидании своего возлюбленного.

Не думай о ней, приказал он себе. Не думай о той, которая спит в соседней комнате.

Лучше подумай о ее предупреждении. Уже несколько часов оно не выходило у него из головы.

Он предполагал, что заговор может оказаться ловушкой. Он думал об этом с первой минуты, той самой, когда к нему на площади Сан-Марко обратился человек в маске. Кругом бурлило веселье, и никто не мог их услышать. Но почему этот человек избрал такой изощренный способ, чтобы прикончить его? Для этого в Венеции было достаточно темных закоулков и дешевых наемных убийц.

К тому же ему необходимо во что-то верить. Он столько лет с болью в сердце наблюдал, как венецианский флот, а с ним и величие Венеции рассыпаются, как древний свиток пергамента. А сейчас появилась надежда. Последняя и, возможно, единственная.

Именно поэтому, пренебрегая предупреждением Кьяры, он, не колеблясь, принял предложение прийти еще на одну встречу.

Всякий раз, как они собирались, человек в маске сообщал им что-то новое. То надо было спрятать еще одну партию оружия, то подготовить еще одно место, где могли бы укрыться люди, ожидая назначенного часа.

Луке не очень нравилось, что все нити заговора тянутся из одних рук – рук человека в маске. Люди, которых он завербовал, явно были всего лишь у него на посылках, что не требовало ни ума, ни смелости. А ему и вовсе не было поручено ни одного задания.

– Зачем мы вообще вам нужны? – спросил сегодня Лука, когда другие заговорщики ушли, растворившись в темноте. – Вы все планируете, устанавливаете связи с нужными людьми. Проще было бы набрать шайку наемных убийц.

– Бандиты мне не нужны. Мне нужны люди, которые верят в наше дело. – Он рассмеялся. – Или вы больше в него не верите?

– Я стараюсь, но это не так-то просто. – У Луки чесались руки от желания сорвать маску, чтобы наконец увидеть его лицо. – Ждать и бездействовать очень нелегко.

– Ваш день еще настанет. – Он похлопал Луку по плечу. – А я тем временем все подготовлю. Я – аноним, человек без лица. Потому и выполняю тайную миссию. А когда настанет день, придет ваша очередь.

– Значит, мне надо просто ждать.

– Вы уязвлены тем, что эта идея принадлежит не вам, Лука Дзани? Что не вы отдаете приказы?

Издавка, прозвучавшая в словах человека в маске, больно задела гордость Луки.

– Я погрешу против истины, если скажу, что не сожалею об этом, однако... я привык подчиняться приказам, а умным приказам – с радостью. Но вы пока ни одного такого не отдали.

– Это не моя задача. Я расчищу путь, другие выполняют роль трутней. А когда придет час, возглавите все именно вы. Глаза всех будут устремлены на вас, а я растворюсь в тени, где я так долго жил.

Какое-то далекое воспоминание шевельнулось в душе Луки от этого полувкрадчивого-полунасмешливого голоса. Маттео. Именно так говорил его покойный брат.

Лука и любил, и ненавидел Маттео. Он был его зеркальным отражением, но с одним отличием – у Маттео руки были по локоть в крови.

В конечном счете, но это ему, Луке, пришлось передать брата в руки правосудия. Он видел, как полицейские уводили его в цепях. Но он рыдал, узнав, что его брата убили где-то в горах за несколько монет, что были у него в кармане.

– Не будьте так нетерпеливы, мой друг, – сказал ему человек в маске. – Когда начнется восстание, у вас уже не будет времени на удовольствия. Так что наслаждайтесь сейчас. Радуйтесь хорошенькому личику девушки, которая живет у вас.

– Откуда вы узнали об этой женщине? – потребовал Лука, неприятно пораженный его словами. Подумать только, за ним шпионили в собственном доме! – Как вы смеете вторгаться в мою личную жизнь!

– Я должен знать все и обо всех. Я владею всеми тайнами и секретами, мне подвластно все. А теперь спокойной ночи, друг мой.

С тихим смешком он прыгнул в гондолу и удалился, оставив Луку одного на освещенной

луной площади.

Лука стоял у окна и большими глотками пил вино, но горький осадок от встречи с человеком в маске оставался.

Может, он просто завидует ему, потому что не сам готовит восстание? Почему у него такое чувство, будто его просто используют? Холодок недоброго предчувствия пробежал у него по спине при мысли о восстании. Неужели он стал таким же робким, как те, кто правит Венецией?

Кьяра заронила в его душу семена сомнения. Она заставила его задуматься об опасности, которой, он уверен, не существует. Это она сделала его таким подозрительным; и сама мысль о том, что кто-то другой может к ней прикоснуться, даже просто заговорить с ней, была невыносима.

Он решил налить себе еще вина, но тут услышал вопль Кьяры, и бокал выпал у него из рук.

* * *

Кьяру душили кошмары.

Смутные образы все приближались, становясь четкими. Две темные фигуры в масках. Она хотела бежать, но ноги ее не слушались. Она упала на колени и смотрела на них широко открытыми, полными ужаса глазами, а они подходили все ближе и ближе.

Встав на четвереньки, она стала медленно уползать.

Человек в черно-золотой маске был так близко, что, протяни он руку, мог бы до нее дотронуться. Рядом стоял другой – в мертвенно-белой маске с клювом. Лука. Она видела, что его фигура окружена светом, а фигура другого – тьмой.

Потом зловоние ада разлилось кругом. Она закрыла лицо руками, но запах, словно густой, удушливый черный дым, забивался ей в ноздри и в рот.

Обе фигуры стояли перед ней, плечом к плечу, и их плащи – светлый и темный – слились, словно две реки, и она уже не могла различить, где какая.

Потом оба они подняли руки и разом сняли маски. Кьяра переводила взгляд с одного лица на другое и с ужасом увидела, что оба они принадлежат Луке.

Она уже не могла сказать, кто из них злодей. Она призвала на помощь свой дар ясновидения, но ужас был настолько велик, что она видела только приближавшиеся к ней фигуры, обе с прекрасным лицом Луки.

Они оба одновременно протянули к ней руки. Из последних сил она отпрянула от обоих.

Больно стукнувшись головой о деревянное изголовье кровати, она вскрикнула и... проснулась.

– Кьяра! Что с тобой? – Лука бросился к ней.

Кьяра скрестила на груди руки и застонала, как раненое животное. Ночной кошмар все еще терзал ее душу, и она не понимала, спит она или уже проснулась.

– Тебе что-то приснилось? – спросил Лука, присаживаясь на край кровати.

Кьяра опустила руки и зажмурилась. Она наконец поняла, что это был сон. Страшный сон.

Кошмарный сон все не отпускал ее и лишал способности поверить в то, в чем всего несколько недель назад она была почти убеждена.

Лука встал, и Кьяра вздохнула с облегчением. Но матрас снова прогнулся, и она невольно открыла глаза.

– На, выпей. – Лука протягивал ей бокал с вином.

Кьяра взяла бокал, стараясь не дотронуться до его руки, и сделала несколько глотков.

– Хочешь рассказать мне о своем сне? – Лука понимал, что ей приснился кошмар, но его все же задевало, что она смотрит на него так, словно он чудовище.

Кьяра покачала головой.

– Можно тебя обнять?

– Нет! – Она так отчаянно замотала головой, что расплескала вино. – Нет.

– Кьяра, я знаю, что обошелся с тобой грубо. Но разве я уже не доказал, что это не

повторится? Почему ты не позволяешь мне обнять тебя, успокоить...

Но Кьяра еще крепче прижалась к резной спинке изголовья.

– Не прикасайся ко мне!

Лука вздрогнул так, будто она его ударила. Острая боль пронзила его сердце. На смену ей пришел гнев, и он был этому рад, потому что знал, гнев лечит даже самую глубокую рану.

– Я никогда не отличался терпеливостью, Кьяра. Ты была тому свидетельницей в первый же вечер нашего знакомства. Но, видит Бог, я старался быть с тобой терпеливым. – Его тон был вкрадчивым, и те, кто его знал, поняли бы, что это не к добру. – Я старался быть нежным, – продолжал Лука, вставая, – а ты смотришь на меня так, будто я исчадие ада. Я вряд ли стану терпеть это и дальше. Возможно, будет разумнее, если ты покинешь этот дом, прежде чем я окажусь виновным в том, в чем ты меня уже обвиняешь.

Комнату освещала одна-единственная свеча возле кровати, но даже при ее тусклом свете Кьяра видела, что боль исказила его черты.

Он направился к двери, а Кьяра поспешно заглянула в себя, чтобы увидеть... Свет или тьма? Но ее дар изменил ей...

Однако вопреки разуму что-то шевельнулось в ее душе.

– Лука.

Он остановился, но не обернулся.

– Не уходи.

– Я не расположен к играм.

– Это не игра.

– Нет? – Лука повернулся, но не тронулся с места. – Если и не игра, моя дорогая, то весьма искусное притворство. – Лицо Луки было скрыто в темноте.

– Мне страшно. – Кьяра удивилась, с какой легкостью эти слова сорвались у нее с языка. Еще ни с кем она не была так откровенна.

– Ты боишься меня?

– Тебя. Себя. Путаницы в своей голове. – Кьяра закрыла лицо руками. – Раньше все было так ясно. Я знала, что должна делать. – Она судорожно всхлипнула. – А теперь все смешалось.

Не совсем так, подумала она. Между ними что-то происходит, что-то глубокое и настоящее. Но ей страшно даже думать об этом.

Лука посмотрел на Кьяру и почувствовал, как переполняется его сердце. Переполняется нежностью, не имеющей ничего общего со страстью, желанием обладать.

– Почему же ты попросила меня остаться, если боишься меня?

– Не знаю.

– Я тебе не верю, Кьяра. – Он присел на краешек кровати, не желая пугать ее своей физической близостью. Она не отвечала, и он наконец решился. – Говори же. Посмотри на меня и скажи, почему попросила меня не уходить.

Медленно подняв голову, Кьяра встретилась с ним взглядом.

– Что-то в твоём взгляде тронуло меня, – сказала она, а потом чуть слышно добавила: – И отозвалось в моей душе подобным чувством.

– Но ты смотрела на меня так, словно я был воплощением зла. Почему? – настаивал он.

Кошмар ночи вдруг побледнел, и ей стало легче. Но по мере того как страшный сон рассеивался, она стала вспоминать, что же случилось днем раньше: она обнаружила, что существуют два кольца!

– Так чего же ты хочешь, Кьяра? – настаивал Лука.

Она встретилась с ним взглядом и поняла, что его обуревают не только желание. Она ему нужна так же, как он нужен ей.

– Обними меня, – прошептала Кьяра, повинувшись новому восхитительному чувству.

– Ты все еще боишься?

– Да.

Луку тронуло ее признание и то, как твердо она встретила его взгляд.

– Не бойся, моя крошка, – нежно отозвался он, глядя ее по волосам.

Потом он прижал ее к себе и, опустив голову, собрался поцеловать, но почувствовал, как она дрожит.

Тогда он прижал ее лицо к груди и легкими, нежными движениями стал гладить ей спину. Постепенно Кьяра расслабилась и перестала дрожать.

– Тебе лучше? – пробормотал он.

– Да.

Ее дыхание прошло сквозь кружево рубашки и обожгло его кожу. Острое желание вспыхнуло так быстро, что он чуть не задохнулся. Неудовлетворенная страсть минувших недель неожиданно пронзила его и разлетелась, словно перетертый канат, который рвется, если его слишком сильно натянуть. Лука понял, что теряет над собой контроль.

Он осторожно опустил ее на подушки.

– Может, ты немного поспишь?

– Нет, – возразила она, приподнявшись на локте. – Я не хочу.

– Допей вино и поспи. – Он поднялся. – Тебе надо отдохнуть.

– Если я усну, мне снова приснится кошмар. Прошу тебя, не уходи.

– Я всего лишь мужчина, Кьяра. И держусь из последних сил. – Он сжал кулаки. – Если я останусь, мы предадимся любви.

Что-то шевельнулось в душе Кьяры. А что, если это заполнит ужасную пустоту внутри нее? Может, уйдет одиночество, которое всю жизнь было ее спутником?

Лука понял: если он сейчас захочет утолить любовную жажду, ему не понадобятся ни сила, ни обольщение. Но и безропотная покорность ему тоже не нужна. И он быстро, не оборачиваясь, направился к двери.

– Лука.

– Что на этот раз?

– Ты не ответил на мой вчерашний вопрос.

– Разве ты меня о чем-то спрашивала?

Она боялась услышать ответ, но все же решилась, хотя ее сердце учащенно забилось.

– Существует ли другой человек с таким же лицом, как у тебя?

– Что? – вырвалось у Луки.

Ее напугал дикий блеск в его глазах, но она продолжила:

– Я вижу человека с твоим лицом. Злого человека.

– В своих видениях?

– Да, в видениях. И наяву тоже...

Лука прервал ее нетерпеливым жестом.

– У меня был брат-близнец. Мы были настолько похожи, насколько это было возможно.

Но он умер.

– Нет! – вскричала Кьяра, вспомнив человека, на руке которого было такое же кольцо, как то, что лежало у нее в кошельке. – Это невозможно!

– Мой брат умер, – с болью в голосе повторил Лука и с этими словами закрыл за собой дверь.

Кьяра еще долго лежала неподвижно, размышляя о том, где же правда.

«Правда в твоём сердце», – шепнул ей внутренний голос.

Да, придется ей это признать.

Но что потом?

Кьяра откинулась на подушки и дала волю слезам.

Глава пятнадцатая

Кьяра очнулась от беспокойного сна, который ее настиг, когда уже занимался день.

Сердце подсказывало ей, что Лука невиновен. Она была готова это принять. Если бы не еще кое-что...

Нет! Если она назовет это нечто, оно станет действительностью. Слова обладают магической силой, превращают иллюзии в реальность.

Надо отсюда уходить. Теперь, когда она признала невиновность Луки, ей надо бежать, иначе она ему уступит. И тогда станет точно такой же, как ее мать, пожертвовавшая своей жизнью ради удовольствия мужчины.

Она никогда не станет для Луки больше, чем любовницей, даже если он в этом не признается. Ей слишком хорошо был известен закон Венеции, по которому патриций не имел права взять в жены простолюдинку.

Из платьев, сшитых ей белошвейкой, Кьяра выбрала наименее яркое. Потом гладко зачесала волосы и завязала их узлом. Взяв кошелек, вспомнила о кольце.

Она вынула его и положила на стол. Затем обвязала шнурок вокруг талии и засунула кошелек за пояс юбки.

Все это время из головы у нее не выходило видение: ее черные волосы рассыпались по красной шелковой подушке, губы чувственно улыбаются...

Именно поэтому она и должна уйти. Если она останется, ему не придется брать ее силой, она сама принесет себя на алтарь любви. Без сомнения.

«Ты увидела будущее, – говорил ей внутренний голос, – и оно свершится. Тебе дано увидеть будущее, но не дано изменить его».

Голос был такой явственный, что Кьяра даже невольно подняла голову, ища говорящего.

«Твоя мать тоже видела, что произойдет, и знала, что не в силах это изменить. Да она и не хотела».

– Нет, – прошептала Кьяра, – я не такая.

«Нет, не такая. Она была слабой, а ты – сильная, и ты сможешь противостоять ударам судьбы. Даже если не сможешь их избежать».

– Нет! – Кьяра прижала ладони к вискам. – Так случится, если я останусь. Но я не собираюсь оставаться. Я уйду и тем самым смогу изменить свое будущее.

«Увидишь. Увидишь».

Голос постепенно стих.

Потрясенная, Кьяра легла на кровать, закрыв глаза. Почему внутренний голос, всегда указывавший ей путь в минуты отчаяния, сейчас старается преградить ей дорогу, которую она для себя выбрала? Почему этот голос убеждает ее, что у нее нет выбора, что она должна безропотно принять то, что в конечном счете ее уничтожит?

Когда она снова открыла глаза, уже занималась заря, окрасившая бледно-голубое небо розоватыми красками и осветившая фасады домов на той стороне канала.

Бросая вызов внутреннему голосу и собственному видению, Кьяра вздернула подбородок: день для путешествия самый подходящий!

Накинув плащ, она последний раз взглянула на дверь, которая вела в комнату Луки. Он просил не уходить, не попрощавшись с ним, вспомнила она.

Она оставит ему записку. Он не может требовать от нее большего.

Присев к столу, она начала писать. Но тут строчки поплыли, и у нее перед глазами отчетливо проявилось лицо Луки.

Собрав всю свою волю, она приказала видению исчезнуть, но оно было слишком ярким. Надо прочесть заклинание. Но для этого нужна какая-нибудь вещь Луки. Не открывая глаз, она нащупала на столе его кольцо и стала шептать слова заклинания. Видение не исчезало.

Лука очнулся от тяжелого сна, потому что явственно различил голос Кьяры, назвавшей его по имени. Он вскочил с постели и, не одеваясь и не обращая внимания на холодный мраморный пол, босиком подошел к двери. Из комнаты Кьяры не доносилось ни звука.

Надев халат и подойдя к окну, он снова услышал голос Кьяры. Лука не выдержал и решительными шагами направился в ее комнату.

Она сидела у стола, прижав ко лбу руку и сжав губы, как будто ей было невыносимо больно. Он бросился было ее утешать, но вдруг заметил, что она полностью одета. Даже плащ уже был накинута на плечи.

В одно мгновение беспокойство сменилось яростью. Она забушевала словно вырвавшееся из-под контроля пламя. Он с трудом подавил в себе желание закричать и вопреки своему обещанию снова запереть дверь. Набрав в легкие побольше воздуха, заставил себя расслабиться и разжать кулаки.

Успокоившись, он подошел к столу и спросил:

– Ты куда-то собралась?

От неожиданности Кьяра вздрогнула и выронила гусиное перо.

Не отступавшее от нее видение внезапно исчезло. Однако ничего не изменилось. Перед ней было все то же лицо.

– Я спросил, куда ты собралась.

Лицо Луки было сердитом, губы сжаты. Но она видела не гнев, а лишь боль и усталость. Она поймала себя на мысли, что ей хочется разгладить морщинки на его лице, стереть боль, притаившуюся в глазах.

– Ухожу.

– Я надеялся, что ты не уйдешь, не предупредив меня.

– Я не давала такого обещания, – спокойно, но с некоторым вызовом ответила она.

– Черт бы тебя побрал! – взорвался он. Его снова обуял гнев, но сейчас к нему примешалось новое чувство – боль. – Что же изменилось?

Кьяра видела, как он страдает, и ее захлестнула волна нежности.

– Я поняла, что ты прав.

– О чем ты? – Его глаза округлились от недоумения.

– Прошлой ночью ты сказал, что будет разумнее, если я покину этот дом.

– Как ты можешь так говорить! – крикнул он и, не давая ей опомниться, схватил ее. – Как ты можешь рассуждать так спокойно, будто мы разыгрываем какое-то театральное представление?

Кьяра окаменела.

– Отвечай! – потребовал он.

– Но ведь это правда. Будет лучше, если я уйду.

– Лучше для кого?

– Для меня, во всяком случае. А может, и для тебя.

– Премного благодарен за заботу. – Его губы исказила насмешливая улыбка. – Однако предупреждаю: я не позволю делать из себя посмешище.

– Я и не собиралась. Я доставляю тебе одни неприятности. Твой старший брат Алвизе хочет, чтобы я ушла. Я нарушила твои планы, посеяв в твоей голове сомнения, которые, может статься, нанесут тебе даже больший вред, чем опасность, которую я ясно вижу. Если ты поразмыслишь, то поймешь, что мне лучше уйти.

– Нет! – крикнул он. Все эти причины смешны. В его силах удерживать ее столько, сколько он захочет. – Я тебя не отпущу.

Почувствовав его решимость, Кьяра испугалась.

– Ты обещал, – напомнила она.

– Это была минутная слабость.

– Все равно это было обещание, – не сдавалась она, положив руку ему на сердце.

Это движение смягчило Луку. Если бы она попыталась оттолкнуть его, он снова бы ее запер. А если бы стала вырываться, он, возможно, овладел бы ею. Но ее нежное прикосновение и тихий голос нанесли ему сокрушительное поражение.

– Ты права. Ну вот, я опять оставил отметины у тебя на плечах, – вздохнул он, разжимая пальцы. – Не уходи, Кьяра. Ты мне нужна.

– Не говори так.

– Почему? Ведь это правда.

– Нет. Может быть, ты и хочешь меня, но я тебе не нужна. – Она старалась убедить в этом себя, а не его.

– Откуда тебе знать? Употреби свой дар, Кьяра, загляни мне в душу. Если ты посмеешь это сделать, то увидишь истину.

– Не в этом дело, Лука.

– А в чем же? Может, в твоих желаниях? – Что-то промелькнуло в ее взгляде и заставило Луку насторожиться. – Так чего ты хочешь, Кьяра?

– Сейчас мы говорим не о моих желаниях.

– А вчера?

– То, что было вчера, прошло.

– Разве? Скажи, глядя мне прямо в глаза, что ничего не чувствуешь!

– Мои чувства здесь ни при чем. Сдержи свое обещание и позволь мне уйти. – Помолчав, она спросила: – Или ты сделал опрометчивое заявление, решив, что я умираю и тебе не придется выполнять обещание?

Он мог бы запереть ее. Но сознавал, что Кьяра никогда его за это не простит. Да и он сам себя тоже.

– Нет. Я действительно собирался отпустить тебя.

Лука не видел ее лица, но услышал, как она вздохнула с облегчением, и этот вздох ранил его сильнее, чем удар кинжала.

– Скажи хотя бы, почему ты уходишь.

– Потому что, если останусь... – Она прикусила губу. Что ему сказать? Что, если останется, вручит ему себя? Не только тело, но и сердце и тем себя погубит?

Внезапно она почувствовала, что страшно устала бороться и с ним, и с собой. Ведь он и так почти завладел ее сердцем, притом помимо ее воли.

– Если я останусь, – снова начала она, – это не принесет счастья ни мне, ни тебе. – Столько печали и усталости было в ее словах, что Лука смягчился.

– Не понимаю, почему? Ты можешь объяснить?

– Ты все равно не поймешь, – покачала она головой.

Лука уже не сердился. Он подошел к Кьяре и положил ей руки на плечи.

– Ну что ж, иди, раз решила.

Кьяра знала, как мало иногда значат слова, но теперь, когда она почувствовала, что Лука и вправду ее отпускает, ее решимость испарилась, как облачко дыма.

Лука понял, что в ней произошла какая-то перемена. Повинуясь инстинкту, он наклонил голову и прижался губами к ее шее.

От этого прикосновения Кьяра вдруг затихла в ожидании и предвкушении ласки. Где-то в глубине сознания она уловила еле слышное напоминание о том, что она не в силах изменить свою судьбу. И Кьяра поняла, что пропала.

Ее вкус, ее запах ударили Луке в голову, как крепкое вино. Он, наверно, мог бы побороть собственное желание, но как противостоять тому, что она тает в его объятиях, как воск от пламени свечи?

Губы скользнули вверх, в ямку ниже уха. Кьяра вздрогнула, и Лука чуть было не потерял голову.

Кьяра чувствовала, что слабеет. Желание поддаться соблазну боролось в ней со страхом, и она прошептала:

– Остановись.

Она услышала свой голос, но не переставала дрожать от удовольствия, которое испытывала от прикосновения его языка к своей коже. Разве он может верить словам, если тело с такой очевидностью принимает его ласки?

Лука развязал шнурок плаща, и тот упал на пол.

Опустив руки, он обхватил пальцами ее груди, ощутив, как Кьяра подалась вперед, навстречу этой ласке. Одновременно Лука обводил кончиком языка нежную раковину ее уха.

И хотя Кьяра была вся во власти его губ, его языка, его умелых рук, она постаралась собрать остатки сил, чтобы всему этому воспротивиться.

– Пожалуйста, не надо. – Кьяра услышала свой шепот, и он был ей ненавистен, но она знала, что скоро ускользающие остатки разума не смогут вступить единоборство с призывами плоти.

На этот раз ее слова дошли до еще не совсем затуманенного сознания Луки.

– Ты и вправду этого хочешь?

– Да. – Она поняла, что опасность миновала, и ей стало легче.

– Почему? – Лука был скорее удивлен, чем рассержен. – Ведь тебе было приятно, ты просто таяла от удовольствия. Даже сейчас глаза выдают тебя.

– Прошу тебя.

– Нет ничего зазорного в том, что происходит между мужчиной и женщиной. Особенно если они оба этого хотят. – Он провел большим пальцем по ее губам. – Не отрицай!

– Я и не отрицаю. Но прошу тебя остановиться.

– Не понимаю.

– Если я поддамся твоему соблазну, то предам себя.

– Моему соблазну? Да твое тело так же стремится к соблазну, как мое. – Опустив руки, он прижал к себе ее бедра так крепко, что его твердая плоть оказалась прижатой к ее животу.

А потом он ее отпустил. Испугался, что еще минута, и он уже не сможет справиться с собой.

– Никогда в жизни я столько не разговаривал с женщиной, – полунасмешливо-полураздраженно признался он.

Оказавшись в безопасности – хотя, может быть, только на время, – Кьяра позволила себе улыбнуться.

– И полагаю, тебе еще никогда не было так скучно.

– Не старайся меня утешить. Если собралась уходить, иди, да поскорее!

Кьяра нагнулась, чтобы поднять плащ. Завязывая шнурок, она взглянула на Луку. Она не вызвала видение – оно явилось непрощеным: Лука снова предстал в ореоле света, а в его душе она увидела сложное переплетение чувств и желаний, созвучных ее собственным.

– Остайся. Ты мне нужна.

Кьяра ясно слышала эти слова, хотя видела, что губы Луки не шевелились.

Она прижала к груди руки под плащом и хотела закрыть глаза, но не смогла, и все смотрела на Луку, на того, кто когда-то был для нее воплощением ненависти, зла, опасности, страха.

Да, ненависть и зло пропали, призналась она. Но оставались опасность и страх. Но то, что ей было от него нужно и что он мог ей дать, перекрывало и опасность, и страх.

Лука точно уловил, в какой момент она решила остаться. Яркая голубизна ее глаз потемнела, как море на заходе солнца. Что-то, не имевшее ничего общего с желанием, минуту назад сжигавшим его тело, и чему он не мог найти названия, шевельнулось в его душе.

– Что еще я должен обещать?

– Только если ты сам этого хочешь. И готов выполнить свои обещания.

– Говори.

– Прими меня такой, какая я есть.

– Разве я это уже не сделал?

– Сегодня ты меня понял. А что будет завтра? Мне опять придется с тобой спорить?

– Не знаю. Прежде всего тебе надо перестать спорить с собой. Сама прими себя такой, какая ты есть, и пойми, чего ты хочешь.

Слова Луки секли как удары хлыста. Лука заметил, какое впечатление они произвели на Кьяру. Ее глаза наполнились слезами и стали похожи на два чистых голубых озера. Смотреть, как слезы катятся по щекам Кьяры, было невыносимо, но Лука не стал их утирать.

– Настанет день, Кьяра, и мы станем любовниками. Но не потому, что ты подчинишься моей силе, и не потому, что поддашься моему обольщению, а потому, что ты этого хочешь так же, как и я. – Лука говорил тихо, без всякого чванства, будто разговаривал сам с собой. – Потому что с самой первой минуты нашей встречи мы знали, что предназначены друг для друга. К твоему сведению, Кьяра, я не говорил такого ни одной женщине.

С этими словами он вышел из комнаты.

А Кьяра еще долго стояла не шевелясь.

«Это твоя судьба, – услышала она внутренний голос. – Судьба».

Кьяра упала на колени и, зарывшись лицом в складки плаща, разрыдалась.

Глава шестнадцатая

Уже целый час Лука и Кьяра были погружены в шахматы.

В течение последних недель Лука делал все, чтобы жизнь Кьяры в его доме стала приятной, обращаясь с ней, как с гостьей. Он по-прежнему иногда обнимал ее и даже целовал, но делал это так ненавязчиво, что у нее не было повода думать, будто что-то в их отношениях изменилось. Он не ухаживал за ней, иначе она заподозрила бы в этом единственную цель –

заманить ее к себе в постель.

И Кьяра позволила себе окунуться в спокойное течение венецианской жизни, которая была похожа на зыбучий песок. Три месяца в доме Дзани прошли незаметно. Кьяра забыла даже о своем долге перед сестрой. О своем решении разыскать отца.

Да, подумала она, делая ход королевой, этому пора положить конец.

– Мне надо поехать в Падую, – сказала она.

– В Падую? – Лука поднял глаза от шахматной доски. – Зачем?

– У меня там кое-какие дела, – ответила она, протянув руку за алебастровой фигуркой коня.

– Опять секреты?

Кьяра посмотрела на Луку, но в его взгляде не было издевки. Ей вдруг стало невыносимо трудно одной тащить на плечах весь этот тяжелый груз.

– Там живет моя сестра.

Лука, забыв об игре, откинулся на спинку стула. Кьяра в первый раз заговорила о своей семье, если не считать признания, что ее отцом был венецианский патриций. И в этот момент Лука понял, насколько важно для него узнать что-либо о Кьяре.

– Значит, ты из Падуи? – осторожно спросил он, будучи почти уверен, что она не ответит. – По-моему, под Падуей стоит цыганский табор, ведь так?

– Я родилась в Риме.

– А потом кочевала с табором?

– Нет. Моя мать стала любовницей чужака, – с горечью сказала она, понимая, что такая судьба ожидает и ее. – Она не смогла вернуться к своим даже после того, как он вышвырнул ее из дому словно ненужную тряпку.

– И ты приехала в Венецию, чтобы найти этого человека?

– Да.

– А почему ты не взяла с собой сестру?

– Она... она нездорова. Мне надо убедиться, что семья, на попечении которой я ее оставила, заботится о ней.

Кьяра вдруг почувствовала себя неловко оттого, что говорит о Донате с Лукой, который так похож лицом на человека, виновного в ее страданиях.

– Твой ход, – сказала она, показав глазами на доску.

– Ты разрешишь мне сопровождать тебя в Падую?

– Будет лучше, если я поеду одна.

– Кьяра, будь благоразумна. Кругом слишком много мужчин, охочих до легкой добычи.

– В самом деле? – съязвила Кьяра.

– Ладно. Я прикажу приготовить лодку и можешь отправляться, когда захочешь, – проворчал Лука и встал. – Уж от этого ты, надеюсь, не откажешься?

Кьяра кивнула в знак согласия, а потом спросила:

– А как же наша партия?

– Она закончена. Шах и мат, моя дорогая.

– Ты смошенничал.

– Нет. Просто я был более внимателен. – Он постучал пальцем по фигуре королевы, которой пожертвовал. – Все дозволено в любви и на войне, не так ли? А шахматы не что иное, как цивилизованная война. – Он взял ее руку и поднес к губам, улыбаясь.

От этого прикосновения сердце Кьяры забилося сильнее, и она улыбнулась ему в ответ.

Лука выигрывает все сражения, подумала она, а чувство, заполнившее ее сердце, мешает отражать его атаки.

Дзанетта, склонившаяся над шитьем, взглянула украдкой на сидевшую у окна Кьяру. Интересно, думала служанка, почему у этой смуглой цыганки такое странное выражение лица? Наверное, потому, что дон Лука с ней не спит. Дзанетта точно знала, что это так, потому что каждое утро, перестилая постель, проверяла, нет ли предательских следов на простынях.

Слуги уже научились не судачить о доне Луке и его цыганке, если где-то поблизости находилась синьора Эмилия: у той был отличный слух, к тому же она была скоро на расправу.

Но в отсутствие синьоры Эмилии ничто не мешало слугам чесать языки.

– Дзанетта!

Девушка торопливо опустила глаза, испугавшись, что Кьяра заметит ее взгляд, но цыганка все еще смотрела в окно.

– Что тебе известно о синьоре Лауре Парадини?

– Она очень богата... – Дзанетта хихикнула, – а ее проделки приводят в смущение даже венецианских патрициев. – Дзанетта была явно в восторге, что может поделиться своей осведомленностью. – Половина патрицианок Венеции вынуждена уходить в монастырь из-за нехватки мужей, ведь, согласно традиции, только один брат в семье имеет право жениться. А синьора Парадини уже похоронила троих. И... – голос Дзанетты понизился до шепота, – и говорят, что у нее было столько любовников, что она составила целый список, чтобы не забыть. Этот список называют Золотой книгой Лауры.

Кьяра вспомнила черные души гостей Джульетты и удивилась, что поведение Лауры смущало общество. Видимо, причина в том, что та ничего не скрывала.

– Она была замужем за двумя братьями, последними из Парадини.

– Что ты сказала? – Кьяра так крепко схватила Дзанетту за руку, что та испугалась. – Как их звали?

– Антонио и Марко.

– Марко?

– Да. Ей стукнуло почти сорок, когда она увидела Марко Парадини, примчавшегося в Венецию на похороны брата. Антонио едва успел остыть, а Марко уже женился на его вдове.

Марко Парадини. Кьяра закрыла глаза. Не может быть, чтобы он умер. Это был кто-то другой. Не мог он так легко ускользнуть от ее суда.

– Что с вами?

– Нет, ничего.

– Вы так побледнели. Принести вам воды?

Кьяра покачала головой и стала ходить по комнате, стараясь привести в порядок свои мысли.

Может, в этом причина, почему она оттягивала поиски отца? Видимо, что-то ей подсказывало, что он уже умер. Нет, убеждала она себя, не мог он умереть. А если умер, что тогда? Кьяра остановилась, Да, что тогда?

Прижав ладони к вискам, Кьяра призвала на помощь свой дар, чтобы узнать, жив ли человек, которого она когда-то любила, а сейчас ненавидит. Но видения не было. Лишь мелькнул неясный образ.

Может быть, было два человека с таким именем? Надежда была призрачной, но она ухватилась за нее: ведь целых три года она лелеяла мысль о мести. Эта мысль поддерживала ее, когда она смотрела, как умирает ее мать, как безумие губит ее сестру. Не может она сейчас отступить.

– Я хочу выйти.

– Могу я вас сопровождать?

– Нет, я пойду одна.

– Но...

– Я пойду одна, Дзанетта.

– Но Рико велел... – Девушка начала плакать.

Завязав шнур плаща, Кьяра обернулась к Дзанетте:

– Напомни Рико, что сказал дон Лука: я могу уходить и приходить, когда захочу.

– Значит, вы вернетесь? – Дзанетта утерла слезы.

– Вернусь.

Помоги мне, Господи, вернуться.

В столь ранний час улицы были пустыньны. Лишь спешили на рынок слуги, да одетые в длинные мантии сенаторы направлялись на заседание во Дворец дождей.

Единственным напоминанием о венецианском карнавале были одинокие бледные гуляки, которые, спотыкаясь на каждом шагу, брели домой после вечеринки или ночи в казино.

Возле палаццо Парадини царило оживление, и Кьяра подумала было, что сказывается близость площади Сан-Марко. Но, подойдя к боковому входу, увидела толпящихся возле него людей.

Ей не терпелось войти, но все же она решила подождать и посмотреть, что будет. Встав в сторонке, Кьяра принялась рассматривать пеструю толпу.

Старая женщина, устало прислонившаяся к каменному цоколю, держала в руках ведро с поздними цветами. В ногах у человека в засаленном платье стояла корзинка с крохотными щенками. У другого в руках было несколько клеток с певчими птицами. Женщина с размаляванным лицом обмахивалась, словно веером, листьями нот. Немного поодаль стоял худощавый человек в камзоле из дорогой материи, истертой на локтях почти до дыр, и рубашке с потрепанными кружевами.

– Дорогу!

Кьяра обернулась на голос и звон колокольчика.

– Дорогу парикмахеру, синьоры!

Высокий мальчик в темной ливрее шагал по переулку, звоня в колокольчик. Толпа расступилась и пропустила вперед человека в узком камзоле из канареечно-желтой парчи. В одной руке он нес перед собой напудренный парик с таким торжественным видом, с каким священник держит церковную чашу. В другой руке у него был кружевной носовой платок, который он прижимал к носу. Когда он поравнялся с Кьярой, она почувствовала тяжелый запах жира, которым покрывают парики и который никакая пудра не может заглушить. Процессию замыкал мальчик с корзинкой, полной гребенок, щеток, щипцов для завивки волос и шпилек.

Дверь отворилась, и дворецкий в черной, отделанной серебряными галунами ливрее пригласил парикмахера и его помощников войти. Потом он с надменным видом оглядел толпу и изрек:

– А вам, голодранцы, придется подождать.

Время шло, и к толпе присоединились еще несколько человек: краснолицый купец с рулонами парчи и шелка под мышкой, пожилой аббат в ветхой сутане и высокомерный молодой человек в модном платье.

Последний медленно прошелся вдоль очереди и остановился возле Кьяры. Она отвернулась, но юноша не отходил.

– А что ты продаешь, красавица? – спросил он. – Доверься мне, и я подскажу, как сделать это с выгодой для тебя.

– Отстаньте. Я ничего не продаю. И мне нечего вам сказать.

– Ах, красавица, ты ранишь меня в самое сердце. – Он прижал руку к груди. – Позволь мне догадаться. Ты сбежала из дому с любовником, и тебе нужны деньги.

– Оставьте меня в покое.

– А может, наоборот, он тебя покинул? – Молодой человек пальцем поднял ее лицо за подбородок.

– Прочь руки!

Ничуть, казалось бы, не обидевшись, юноша продолжал:

– Нет, никто в здравом уме не бросил бы такую женщину.

Кьяра глянула в ярко-голубые глаза юноши, и ей померещилось что-то знакомое, хотя она была уверена, что никогда прежде его не встречала. Внезапно перед ее внутренним взором возник образ отца. У него было более молодое, чем она помнила, лицо без морщин, и он улыбался.

– Расскажи, зачем ты сюда пришла. Поговори со мной, красавица. – Засунув большие пальцы за пояс бледно-голубых бриджей, молодой человек грациозно облокотился о серый камень. – Нас еще не скоро впустят. Ей сейчас требуется гораздо больше времени, чтобы удалить следы бурной ночи.

Кьяре вдруг стало интересно, и она обратилась к юноше:

– А что делают здесь все эти люди?

– Они все что-нибудь продают. Щенков, цветы, песню. Поскольку она упивается своей властью, такой парад бывает здесь ежедневно. Ей доставляет удовольствие сознавать, что в ее воле подарить или нет им пару цехинов, на которые они надеются.

– А вы зачем пришли? Непохоже, что вам нужны жалкие подачки. На вас посмотреть, так вы скорее плюнете ей в глаза, чем возьмете деньги.

– Да ты, оказывается, не только красива, но и умна. Я прихожу сюда, когда мне нечего делать, и наслаждаюсь зрелищем.

– Мне кажется, вы лукавите. – Кьяра тоже прислонилась к стене, и из-под плаща выглянула ее цветастая юбка.

– Так ты цыганка. Ты прочитала мои мысли?

– В этом нет необходимости. У вас все написано на лице.

Юноша на мгновение нахмурился, а потом снова улыбнулся:

– Ты пришла предсказать Лауре ее судьбу? Это очень легко. – Он рассмеялся, но как-то невесело. – Если ты ей предскажешь, что ночью она окажется в постели по крайней мере с одним мужчиной, ты наверняка не промахнешься.

Кьяра не успела ответить. Дверь открылась, и на пороге снова появился дворецкий.

– Эй, вы, отребье, входите. Но как только вы надоедите синьоре, я вас вышвырну.

Толкаясь и переругиваясь, люди протиснулись в узкую дверь. Но когда подошли Кьяра и молодой человек, дворецкий загородил им дорогу.

– А вам нельзя.

– Хотел бы я посмотреть, кто меня остановит, – взорвался юноша. – Ты?

Не успел лакей опомниться, как молодой человек схватил его за лацканы и прижал к стене. Потом, не говоря ни слова, отпустил дворецкого и, поправив кружевные манжеты, жестом велел Кьяре следовать за ним.

Они поднялись вверх по узким каменным ступеням, миновали строй ливрейных лакеев и оказались в большой, похожей на зал, комнате Лауры Парадини. Из другой двери в комнату хлынула толпа торговцев.

Лаура Парадини, облаченная в пеньюар из розового шелка и кружев, лежала на кушетке посередине комнаты.

Парикмахер все еще колдовал над ее прической. Три элегантно одетых господина сидели рядом, тщетно пытаясь привлечь внимание дамы.

Толпа просителей остановилась поодаль. Хозяйка подзывала одного за другим томным движением руки, и те предлагали свой товар. Лаура либо отсылала их, либо приказывала дворецкому дать им несколько монет из объемистого кожаного кошелька.

Раскрашенная девица только начала петь, как взгляд Лауры упал на стоявшего рядом с Кьярой молодого человека.

– А он как сюда попал? – прервала Лаура певицу. – Я же приказала больше его не пускать. Выведите его.

Выражение лица Лауры было холодным, надменным, но Кьяра почувствовала слабые, как бы идущие издалека, из давнего времени, токи. Она сосредоточилась, и какой-то образ уже начал складываться, но тут ее кто-то толкнул, и видение исчезло.

Двое лакеев подошли к молодому человеку, но он с улыбкой сбросил их руки и сделал шаг в сторону кушетки.

Кьяра снова почувствовала, что в воздухе витают какие-то эмоции, но не понимала, от кого они исходят.

Лаура встала и приблизилась к молодому человеку, оказавшись с ним лицом к лицу.

Отец. Кьяра так явственно ощущала его присутствие, что даже оглянулась, почти веря в то, что отец стоит у нее за спиной.

– Зачем ты пришел? – Голос Лауры немного дрожал, она не сразу овладела собой.

– Чтобы напомнить о себе. Всем известно, что у вас плохая память, синьора.

– Ошибаешься, Ренцо. Я ничего не забыла.

Кьяра так остро чувствовала настроения этих двух людей, как будто они были ее собственными. Она хотела отойти, но обнаружила, что ее отец все еще незримо присутствует за ее спиной и словно цепью приковал ее к ним.

Сложив на груди руки ладонями вверх, она пробормотала заклинание на цыганском языке, не сознавая, что говорит вслух. Открыв глаза, Кьяра увидела, что Лаура и Ренцо смотрят

на нее в недоумении.

– Смотрите-ка. Да это та самая цыганка. Что ты здесь делаешь? – прищурился черные, как шоколад, глаза, изумилась Лаура. – Ты с ними? Что тебе надо?

– Я пришла спросить вас о вашем муже.

– О котором?

– О Марко Парадини. – Кьяра смотрела на Лауру в упор и не заметила, что Ренцо глядит на нее с удивлением.

– А что ты хотела о нем узнать?

– Верно ли, что он умер?

– Да. Но разве твой дар не позволяет тебе это увидеть? В прошлый раз ты все прекрасно увидела.

– Я не все вижу. И не любое видение могу вызвать, – с некоторой холодностью ответила Кьяра. – Но мне надо знать, синьора. Он был сыном Джакомо и родился в первый день февраля 1713 года?

– Кажется, он родился именно в этот день. Да.

У Кьяры будто земля ушла из-под ног.

– Ну, конечно! Как я могла не заметить? У тебя его глаза.

– Не может быть, что он умер, – прошептала Кьяра.

– Тебе нужны деньги? – Лаура жестом подозвала дворецкого и взяла у него кошелек.

– Деньги? – не поняла Кьяра.

– Вот, возьми.

– Мне не нужны ваши деньги. Я хотела отомстить ему за то, что он сделал с моей матерью, с моей сестрой. Разве вы не понимаете? Он отнял у меня все, а теперь... теперь еще и это. – Слезы навернулись ей на глаза.

– Ты отомстила, сама того не зная. Если ты и вправду прорицательница, а не шарлатанка, то увидишь, что он страдал.

– Ничто не может сравниться со страданиями моей матери и моей сестры! – Всхлипнув, Кьяра бросилась вон из комнаты.

Ослепленная слезами, Кьяра прислонилась к каменной стене дворца. Если бы у нее хватило сил, она завывала бы от ярости и разочарования.

– Тебе нехорошо?

Кьяра узнала голос молодого человека, но не могла собраться с силами и ответить.

– Давай я тебе помогу.

Не успела она опомниться, как он поднял ее на руки и отнес к низкой каменной кладке, служившей основанием для высокой железной ограды небольшого сада. Усадив ее, он присел перед ней на корточки и стал растирать ее холодные как лед руки.

Кьяра откинулась на ограду и закрыла глаза. Три года она жила мыслью о мести. Эта мысль для нее была как глоток воды для умирающего от жажды человека. И вот теперь...

И вдруг ее точно пронзило: ведь именно потому, что она лелеяла мечту о мести, они с сестрой оказались два года назад на окраине захолустного городка в Тоскане по пути в Венецию.

Нет, она не будет об этом думать! Не должна. Иначе сойдет с ума.

Чтобы обмануть память и забыть о своей вине, она открыла глаза. Но не вышло. Стоило ей увидеть сидевшего перед ней молодого человека, как она тут же ощутила присутствие отца.

– Нет! – воскликнула она, закрыв лицо руками, но ощущение не исчезало.

– В чем дело?

– Я схожу с ума, – прошептала Кьяра. – Кто ты?

– Лоренцо Санмарко. Люди зовут меня Ренцо.

– Почему я ощущаю присутствие своего отца, когда смотрю на тебя?

– Потому что я тоже сын Марко Парадини. Его сын и... – он кивнул в сторону дворца, – и ее.

– Не понимаю.

– Это длинная история.

Кьяра была в смятении и страшно устала, но она услышала боль в его голосе и попросила:

– Расскажи.

Но в это мгновение чьи-то сильные руки схватили Ренцо и прижали к ограде.

Кьяра увидела разъяренного Луку.

– Черт возьми! Что ты здесь делаешь?

Глава семнадцатая

– Прекрати! – закричала Кьяра и схватила Луку за руки. – Что ты себе позволяешь!

Но Лука был настолько ослеплен яростью при виде того, как Кьяра протянула молодому человеку руки и с какой нежностью на него смотрела, что ничего не видел и не слышал. Не остановил его и треск разорвавшихся кружев, когда он во второй раз с силой швырнул Ренцо о прутья ограды.

– Тебя мало убить за то, что ты коснулся ее своими грязными руками! – Лука собрался повторить свой натиск, но от удара кулака Ренцо отлетел назад на несколько шагов.

Глаза Луки налились кровью. Он снова бросился на Ренцо, но Кьяра успела встать между ними и схватить Луку за плечи.

– Прочь с дороги, Кьяра! – взревел Лука.

– Нет. Послушай меня, Лука!

– Пусти меня! – Он посмотрел в сторону, чтобы убедиться, что его враг не скрылся, а потом снова взглянул на Кьяру и немного смягчился. – Отойди в сторону.

– Лука, прошу тебя. – Она почти прижалась к нему. – Он мой брат.

– Твой брат? – не сразу понял Лука.

Ренцо между тем поправлял разодранные кружева рубашки. Чертами лица они с Кьярой были не очень похожи, но у обоих были глаза цвета морской волны.

– Каким образом он оказался твоим братом? Да он картежник и гоняется за каждой юбкой, как Джакомо Казанова.

Ренцо отвесил Луке поклон и представился с дерзкой улыбкой:

– Лоренцо Санмарко, к вашим услугам.

– Марко Парадини был его отцом, – пояснила Кьяра. – И моим тоже.

– Я думал, ты не знаешь, как зовут твоего отца. – Луке доставило удовольствие увидеть, как Кьяра в замешательстве опустила глаза. – И ты еще уверяла меня, что никогда не лжешь. Если бы вы доверились мне, синьорина, я бы в первый же вечер рассказал вам все о вашем отце.

– Я тебя боялась. Боялась, что используешь это против меня.

– Поверь мне, имя твоего отца не раскрыло бы шире мои двери для тебя.

– Разрешите предложить, – вмешался Ренцо, – пойти в какую-нибудь кофейню и продолжить нашу беседу в более приятной обстановке. – Он усмехнулся. – Если только вы не предпочитаете удовлетворить любопытство зрителей. – Поодаль действительно уже собралась небольшая толпа.

– Мне не о чем с вами беседовать, синьор, ни в кофейне, ни где бы то ни было еще. Пойдем, Кьяра. Я отведу тебя домой.

– А мне есть о чем поговорить с братом.

– Кьяра. – Лука взял ее за локоть.

– Мне что, напомнить тебе об обещании, которое ты мне дал?

Вздыхнув, Лука отпустил руку Кьяры.

Ренцо не без удовольствия наблюдал за этой сценой. Хотя сам он умудрялся держаться в границах легких увлечений, не затрагивавших его сердце, юноша без особого труда распознал в Луке человека безнадежно влюбленного.

– Мы выпьем кофе у Флориана и поговорим. А потом я провожу ее до самого вашего порога. Если, конечно, она пожелает вернуться в палаццо Дзани, – добавил Ренцо с лукавой улыбкой.

– Вы знаете, кто я? – удивленно спросил Лука.

– Как я мог не узнать одного из героев, оберегающих Венецию, чтобы такие люди, как я,

могли жить в свое удовольствие.

Кьяра увидела, как потемнели глаза Луки и сжались его губы. Она тронула его за рукав и сказала:

– Не надо.

– Но ты вернешься домой? – тихо спросил он, ужаснувшись тому, как ему стало больно при мысли, что она может не вернуться. Он провел пальцем по ее щеке. – Вернешься?

– Да. Я вернусь.

Она взяла под руку Ренцо, и тот повел ее сквозь толпу зевак по направлению к площади Сан-Марко. Лука долго смотрел им вслед.

День уже клонился к вечеру. Кьяра вошла к себе и прислонилась к закрытой двери. Она была без сил. Слезы подступали к горлу. Все кончено, думала она. Все, ради чего она жила три года, рухнуло. Ее мать умерла в нищете и страданиях, а она отправилась в полный тягот путь из Рима в Венецию, не гнушаясь никакой работой. Она лгала, попрошайничала и воровала. Она пожертвовала бедняжкой Донатой. Все ради мести.

И что же?

Ее отец умер. А пока она добиралась до него, успела отдать сердце человеку, которому было нужно только ее тело.

– Приятно провела время?

При звуке любимого голоса Кьяра открыла глаза, и слезы градом покатались по ее лицу. Она попыталась их унять, но они все лились, словно внутри у нее был скрыт неиссякаемый источник.

– Ну! – потребовал он. Оказывается, он сидел, сгорбившись, за столом у нее в комнате.

– Да, очень. Спасибо, – ответила она сквозь слезы.

Ее рыдания наконец побились в его затуманенную вином голову. Он выпрямился и со стуком поставил бокал на стол.

– Кьяра!

Та молчала, и он подошел к ней. При виде ее залитого слезами лица Лука неожиданно протрезвел.

– Что он тебе сделал? Я убью мерзавца, будь он проклят! – Откинув с лица волосы, он стал неуклюже утирать ей слезы. – Не надо, девочка, не плачь.

Кьяра хотела сказать, что Ренцо никак не повинен в ее слезах, но Лука продолжал размазывать пальцами слезы по ее лицу, шепча ласковые слова.

Рыдания сотрясали ее, и она уже не пыталась сдерживать их.

Лука поднял ее на руки и, опустившись на стул у камина, усадил ее себе на колени. Баюкая словно ребенка, он стал ждать, пока она успокоится.

Постепенно рыдания стали утихать, но не потому, что прошла боль, а потому, что силы ее истощились. Она еще долго лежала в его объятиях. В комнате уже сгустились сумерки, когда она наконец пошевелилась.

– Можешь рассказать мне, что случилось?

– Все оказалось напрасным, – прошептала она.

– Что? – не понял он.

– Я приехала в Венецию, чтобы отомстить, а он умер.

– А-а. – Лука откинул пряди волос с ее лица. – Марко Парадини? – Он уже забыл, что сердился на нее за скрытность.

Она кивнула, и ее глаза снова наполнились слезами.

– А твоя мать?

– Она была его любовницей. Она всем пожертвовала ради него, переживания преждевременно состарили ее, и тогда он всех нас выкинул на улицу. Я все еще вижу, как она стоит на коленях среди грязной улицы, умоляя сжалиться хотя бы над детьми, которых она ему родила. А он сказал, что уже достаточно заботился о потаскушке и ее отродьях, прижитых вообще неизвестно от кого. Спустя неделю моя мать заболела, и я пошла туда, откуда нас выгнали, в надежде на помощь. Но он уехал. Служанка сказала, что он вернулся на родину – в Венецию. Тогда я поклялась, что разыщу его. И я его нашла, – горько улыбнулась она. – Но

мертвецу не отомстишь.

– Ты поэтому плакала?

Кьяра кивнула.

– А Санмарко? Он тебя не обидел?

– Зачем ему обижать меня?

– А зачем мужчины обижают женщин?

– Он мой брат, – сказала Кьяра, помолчав. – Пусть только по отцу, но у него доброе сердце, и с ним тоже поступили несправедливо. Может быть, даже хуже, чем со мной. Моя мать по крайней мере меня любила.

Лука нежно гладил ее волосы, и девушке было приятно ощущать его тепло. Как просто отдать сейчас Луке то, что в душе уже и так принадлежало ему. Но слишком свежо воспоминание о судьбе ее матери.

– Мне надо идти, – заявила она, вставая.

– Куда?

– Куда-нибудь. Я приехала в Венецию, чтобы найти отца. Его нет, и больше мне здесь делать нечего, – с горечью в голосе сказала она. – Поеду в Падую, заберу сестру, а потом...

– И куда потом? – В душе Луки бушевала буря, но он старался говорить спокойно.

– Неважно куда. Куда-нибудь. Цыгане от рождения обречены кочевать, не так ли?

– Могу я предложить тебе немного отдохнуть, прежде чем ты отправишься кочевать? –

Лука засунул руки в карманы, чтобы не поддаваться искушению хорошенечко ее встряхнуть и напомнить об опасностях, которые подстерегают на дорогах. Ему захотелось запереть ее, чтобы она осталась с ним навсегда, и утешать ее. А еще, да простит его Господь, он хотел даровать и себе, и ей наслаждение любовью.

Кьяра сделала шаг и покачнулась. В ту же секунду Лука был возле и подхватил ее на руки.

Его лицо было напряжено, и Кьяра поняла, что он в крайней степени возбуждения, и впервые призналась себе: как приятно сознавать, что тебя желают с такой страстью. И тут, наконец, она постигла, что происходит в ее сердце с того памятного вечера.

Те же чувства, по всей вероятности, испытывала ее мать. Она следовала велению своего сердца и уступила страсти своего избранника. Она верила, что эта страсть продлится вечно.

Когда Лука опустил Кьяру на кровать, она почувствовала, что устала бороться с собой и отказывать Луке в том, чего и сама хотела. Пришло время уступить.

Лука ощутил, как обмякло ее тело. И не только это. Что-то внутри нее покорилося, и он понял, что она позволит ему овладеть ею.

Однако теперь, когда она была готова ему подчиниться, Лука осознал, что не этого он хотел. Он не хотел, чтобы эта гордая девушка, так долго ему сопротивлявшаяся, сдалась, устав от борьбы. Он сможет торжествовать, но радости ему эта победа не принесет.

– Спи, – шепнул он и чуть коснулся ее губ. – Спи.

Вот и в этом ей отказано, подумала Кьяра. Может, все к лучшему. Она молча повернулась и зарылась лицом в подушку.

Томмазо доставил Кьяру к причалу у площади Сан-Марко, где ее ожидала лодка Луки.

После долгой, без сновидений ночи Кьяра чувствовала себя лучше, хотя душевная боль осталась.

Лодка, покачивавшаяся на волнах, была совсем не похожа на ту крытую рваной парусиной лодочку, на которой Кьяра приплыла в Венецию. В центре лодки была оборудована большая каюта – вся из полированного дерева с инкрустацией.

Когда она с помощью Томмазо уже собралась спуститься в лодку, то услышала за спиной голос Луки, окликавший ее. Кьяра обернулась и увидела Луку: черный плащ резко выделялся на фоне белого мрамора стены, на лице застыло напряженное выражение.

Их взгляды встретились, и Кьяра снова услышала свое имя, хотя губы Луки оставались неподвижными.

Сердце Кьяры переполнилось нежностью. Она подошла к Луке и, улыбнувшись, протянула ему руку.

– Поедем со мной.

Вот чего не хватало прошлой ночью, понял Лука. Ее внутренней силы. Чувства захлестнули его – желание, радость, облегчение! А если бы он заглянул в себя поглубже, может быть, увидел бы и еще одно – любовь.

Так, рука об руку, они пошли к лодке.

Глава восемнадцатая

Они молча стояли рядом, пока лодка пересекала лагуну.

Свежий солоноватый бриз дул им в лицо.

– Ты не замерзла? – наконец спросил Лука.

– Немного.

Он хотел спросить, не от страха ли она дрожит, но Кьяра опередила его, сказав:

– И это тоже.

– Ты читаешь мои мысли, Кьяра?

– Вообще-то нет. Но иногда я слышу твои мысли так явственно, будто ты произнес их вслух.

– Тогда слушай. – Он наклонился и прижался лбом к ее лбу.

– Не бойся.

– А еще?

– Дорогая, – прошептала Кьяра.

– Да, дорогая. – Впервые в жизни Луки это ласковое слово не показалось ему пустым звуком.

– Пойдем в каюту. Там теплее.

В каюте было уютно. На железной жаровне тлели горячие угли, распространяя тепло и запах фимиама. Стены, обитые желтым шелком, отражали свет масляных ламп, так что создавалось впечатление солнечного света.

В убранстве каюты присутствовал восточный дух: единственной мебелью были два длинных низких стола темного дерева, инкрустированных лазуритом, яшмой и кораллами. Вдоль стен лежали большие бархатные подушки, по которым были разбросаны разноцветные подушечки.

Кьяра оглядела все это великолепие и заметила в дальнем углу каюты широкое ложе, застеленное красным шелковым покрывалом.

На мгновение Кьяру охватила паника. Именно это место не раз появлялось в ее видениях как символ ее судьбы.

Но ведь она не сдалась в минуту слабости, напомнила себе девушка. Не дала соблазнить себя ни словами, ни вином, ни ласками. И силой никто не заставил. Решение принято ею сознательно. Она сама выбрала момент и пройдет этот путь до конца.

Ее руки почти не дрожали, когда она развязывала шнурок плаща.

Кьяра села на подушку, скрестив ноги под цыганской юбкой. Лука последовал за нею, ему хотелось немедленно заключить ее в объятия, но он сдержался. Сбросив плащ, Лука остался в простой белой рубашке без кружев и темных бриджах.

Оглядев подносы с яствами и графины с вином, которыми были заставлены столы, Кьяра заметила:

– По-моему, для одного человека еды здесь слишком много. – Она посмотрела на Луку с подозрением. – Или ты с самого начала решил, что поедешь со мной, не дожидаясь моего приглашения?

Лука сел с ней рядом и, прежде чем ответить, взял со стола гроздь крупного черного винограда и откинулся на подушки.

– Мне нравилось думать, что я могу отпустить тебя одну, но ведь никогда не знаешь, как именно поступишь, когда настанет момент. Тебе это знакомо?

Ей понравилась его откровенность, но захотелось задать еще кое-какие вопросы.

– В тот день, когда я чуть было не ушла из твоего дворца, ты сказал, что не отпустишь меня. Что с тех пор изменилось?

– Какая разница? Зачем тебе об этом знать? Тем более что тебе известно о моих намерениях больше, чем мне.

– Я уже говорила, что мой дар – не главное в моей жизни. Я не хочу от него зависеть. Это было бы слабостью.

– Кьяра! – Лука отбросил виноград, почти к нему не притронувшись.

– Что?

– Сделай исключение. Загляни в меня. Ты увидишь, что тебе нечего бояться.

Кьяра покачала головой. Она знала, что его переполняет желание. Что она ему нужна для какой-то неизвестной цели. Но боялась, что не увидит в его душе ни малейшей искорки чувства, созвучного ее собственному.

– Нет, я не хочу.

– Когда ты лежала без сознания, я обещал, что больше никогда не посажу тебя в клетку. Я этого не сделаю, как бы сильно ни хотел.

Его слова немного успокоили Кьяру. Он дал ей шанс. Если она его использует, то останется свободной.

– Кьяра, можешь мне сказать, чего ты хочешь?

Он поднял руку, но тут же опустил. Он не дотронется до нее. Первый шаг должна сделать она.

В его взгляде не было коварства. Напротив, его глаза светились нежностью, и Кьяра, лучше кого бы то ни было знавшая Луку, осознававшая страстность и противоречивость его натуры, поняла, что на большее она пока и не может рассчитывать.

Она встала и протянула ему руку.

Лука ощутил, как сердце перевернулось у него в груди. Он тоже встал и пошел вслед за нею к ложу в углу каюты.

– Почему? – тихо спросил он. – Почему сейчас?

– Не надо вопросов, Лука. – Кьяра приложила палец к его губам. Как она объяснит ему, что подчиняется своей судьбе? Она не в силах ее изменить, потому что судьба так же неизбежна, как утренний восход солнца.

Ее глаза были печальны, взгляд – отстраненный, и Лука, немного обеспокоенный, не стал больше задавать вопросов.

А потом он понял. Кьяра решила отдаться ему сегодня, а когда они придут в Падую, она от него уйдет. Боль острым ножом вонзилась в сердце. Нет, она не может его покинуть. Ведь она так ему нужна!

Он будет любить ее и доставит ей такое наслаждение, что она останется с ним навеки.

Лука стал медленно целовать ее пальцы, один за другим. Потом кончиком языка провел по ладони и выше – по запястью, до того места, где билась голубая жилка.

– Ты позволишь мне любить тебя, Кьяра?

Она не ответила, а лишь кивнула.

Он крепко прижал ее к себе. Это мгновенное, острое удовольствие от соприкосновения тел было ему знакомо. Но он понимал, что на сей раз все будет по-другому. Он знал это с самого начала, когда возжелал ее, даже к ней не прикоснувшись.

– Кьяра, любовь моя!..

Кьяра застыла. Она почувствовала, что слова Луки шли от сердца.

От внимания Луки не ускользнуло ее напряжение.

– Все хорошо, – прошептал он и провел руками по ее телу, успокаивая. – Открой глаза и посмотри на меня.

Кьяра повиновалась, а Лука стал медленно, одну за другой, вынимать шпильки из ее волос. Когда была вынута последняя шпилька, ее волосы темным каскадом упали на спину. Их аромат еще больше возбудил Луку. Он уже еле сдерживал свою страсть.

– Есть у тебя, Кьяра, какое-нибудь цыганское заклинание, которое остудило бы мое желание? – Но его тело молило о другом: он с такой силой прижался к ней бедрами, что она почувствовала, как тверда его плоть. – Я уже достаточно причинил тебе боли. Больше не хочу, – прошептал он, целуя ее.

– Сегодня ты не причинишь мне боли, – сказала она, тронутая его словами, и, безмятежно

улыбнувшись, добавила: – Настал мой черед.

Она развязала черную ленту, которая держала его волосы, и стала перебирать пряди, в свете ламп казавшиеся золотыми.

Вожделение, как волна во время прилива, снова окатило Луку. Он стал ласкать ее губы дразнящими прикосновениями и покусываниями.

Кьяра отдалась этим ласкам, ее губы раскрылись навстречу. У нее закружилась голова, мысли затуманились, словно она выпила слишком много вина.

– Кьяра. – Его дыхание было прерывистым. – Я знаю, что не должен торопиться. Но мне трудно сдерживаться. – Его руки скользнули к ее груди.

Кьяра замерла. Но как только он коснулся сосков, она всхлипнула. А когда он стал обводить пальцем затвердевшие бугорки, она застонала.

А Лука между тем расшнуровал блузку и спустил ее немного вниз.

В свете ламп ее кожа была как золотистый персик. Он принялся поцелуями ласкать ей плечи. Но страсть все разгоралась. Развязав тесемки нижней рубашки, Лука стянул ее вместе с блузкой, сковав тем самым руки Кьяры.

От вида ее роскошной груди с розовыми бутонами сосков кровь сильнее забурлила в его жилах. Он поднял Кьяру, а потом уложил на подушки. Его ноздри трепетали от страсти, а руки слегка дрожали. А когда он сжал пальцами затвердевший сосок, Кьяра выгнула спину и вскрикнула.

Он смотрел на Кьяру потемневшими глазами и знал, что может одним движением сорвать с нее одежду и зарыться лицом в благословенную теплоту ее тела.

Он улыбнулся ей, но она увидела голодный блеск его глаз. Она поняла, что настал момент, когда он овладеет ею, овладеет со страстью и неистовством, которые живут в нем, и ей стало немного страшно.

Но потом что-то изменилось, что-то неуловимое, и он спрятал лицо у нее на груди.

Кьяра ощущала на своей коже его дыхание, чувствовала, как подрагивают мышцы от сдерживаемого желания. Он медлит ради нее, поняла она.

Нежность переполнила ее сердце. Если бы любовь уже не настигла ее, то Кьяра полюбила бы именно в этот момент. Его желание не утихло, мышцы были болезненно напряжены. Он поднял голову и взглянул Кьяре в глаза.

Они были такие же синие, как море, и такие же бездонные. Она так улыбнулась ему, что у него появилось странное ощущение, будто он наконец пришел домой после долгого пути.

Голосом, полным страсти, он прохрипел:

– Я хочу видеть и ласкать тебя всю.

Страх покинул ее. Осталось только желание. Желание снова испытать наслаждение, которое она испытывала от прикосновения его рук. Желание отдать себя и погасить пламя, сжигавшее ее изнутри.

– Да, – шепнула она. – Да.

Глава девятнадцатая

Лука стал медленно раздевать Кьяру. Он пожирал глазами ее красивое лицо, вдыхал аромат ее волос, ощущал вкус ее губ и кожи.

И вот она совсем обнажена, и Лука позволил себе несколько мгновений любоваться ею. Она была хрупкой, но с полной грудью и округлыми бедрами. Ее тело, казалось, самой природой было предназначено для любви и материнства. На какую-то долю секунды он представил ее носящей под сердцем его ребенка, но потом страсть захлестнула его и он уже ни о чем не мог думать.

Он начал целовать ее грудь. На вкус ее кожа была словно молодое вино.

Лука не помнил, чтобы когда-либо так желал женщину.

Его язык проделывает совершенно невероятные вещи – это была последняя четкая мысль Кьяры, а потом вызванные его поцелуями ощущения отозвались чем-то незнакомым внизу живота, и она невольно приподняла бедра и закрыла глаза. Но Лука велел их открыть, и она повиновалась. Он задержал ее взгляд, опустив руку к неведомому источнику наслаждения.

Ее бедра вздрогнули и раскрылись, словно врата крепости по требованию победителя. Его пальцы медленно скользнули вниз и прикоснулись к влажной, теплой плоти.

Кьяра вскрикнула и схватила Луку за руку.

– Лука, пожалуйста.

– Что?

– Пожалуйста, – молила она, не понимая, о чем просит.

– Что ты хочешь? – прошептал он. – Так? – Он стал водить пальцем по чувствительной плоти. – Или так? – И он просунул палец внутрь.

Кьяра снова вскрикнула, и от движения ее бедер палец Луки вошел еще глубже.

Напряжение, с каким ее естество сомкнулось вокруг его пальца, подвинуло Луку на грань безумия. Если он сейчас же не овладеет ею, то сойдет с ума.

Оторвавшись от Кьяры, он быстро сбросил с себя одежду, но не сразу обернулся к девушке.

Сколько недель – с того самого вечера, когда увидел ее в толпе гостей, – ждал он этого момента! А теперь, когда он настал, Лука вдруг почувствовал, что боится. Не так давно она смотрела на него с ненавистью. Что, если, когда пройдет любовный угар, она возненавидит его за то, что уступила? Он этого не вынесет.

Кьяра чувствовала свою связь с Лукой. Она не могла прочесть его мысли – их было слишком много, и они путались, словно клубок разноцветных ниток. Но она поняла, что он чего-то ждет от нее – какого-то знака. Она подняла руку и дотронулась до его спины.

Он глянул через плечо, не понимая, что означает это прикосновение.

Она улыбалась. Ее глаза сияли. Тогда он повернулся и, опустившись, накрыл ее тело своим.

Когда их тела соприкоснулись, у обоих вырвался стон. Но если Кьяра плыла на волнах удовольствия, Лука очертя голову окунулся в мучительное, не терпящее отлагательства отчаяние мужчины, сжигаемого страстью.

То, как Кьяра полностью отдалась его власти, влажный жар ее естества, готового его принять, почти лишили Луку разума. Но он заставил себя помедлить еще секунду.

– Кьяра, посмотри на меня, – потребовал он.

Хриплые нотки пьянили ее, как вино. Она слышала его голос, но он доносился до нее откуда-то издалека.

– Посмотри на меня, – повторил он. – Я хочу, чтобы ты смотрела мне в глаза, когда все случится!

Кьяра открыла глаза, готовясь увидеть над собой лицо победителя в минуту триумфа. Но в его взгляде были лишь смятение и вопрос.

– Да, – прошептала она, инстинктивно чувствуя, что нужно им обоим. Подняв руки, она обняла его за бедра.

Он ждал именно этого. Ему нужен был этот знак, чтобы удостовериться: она не просто подчиняется его силе, а отдается ему как любящая женщина, как равный партнер. И он понял, что любит эту женщину.

Эта мысль поразила его, и он на мгновение замер, но потом жар в крови заставил его закончить то, что он начал.

Он вошел в нее медленно, так что барьер невинности был сокрушен почти безболезненно.

Желание, которое Луке удалось на время обуздать, вдруг вспыхнуло в нем с новой силой.

– Кьяра, прости меня. – Он судорожно вздохнул. – Я больше не могу ждать.

– Я тоже.

Тогда он начал двигаться, сначала медленно, но постепенно ритм становился все быстрее и настойчивее. Повинуясь ему, Кьяра почувствовала, как вместе с Лукой поднимается к той загадочной вершине, которая зовется наслаждением.

Они лежали обнявшись, медленно приходя в себя.

Кьяра слышала, как за бортом плещет вода, вдыхала аромат фимиама, смешанный с запахом их тел. Ее уже посещали видения, предсказывавшие, что Лука овладеет ее телом. Чего не было в ее видениях, так это того, что она отдаст ему и свое сердце.

Однако она знала, что развития их отношения не получат. Что к концу дня она уйдет от него, потому что иначе он ее погубит.

Сегодня, в этот час, он ее любовник, и они равны. Но если она перейдет в ранг любовницы, которую он будет содержать для своего удовольствия и скрывать от посторонних глаз, то ей конец.

Но не погибнет ли она, если оставит его? Она крепко зажмурилась, чтобы не позволить пролиться слезам.

Лука тоже постепенно освобождался из плена страсти. Он чувствовал биение ее сердца, вдыхал запах ее кожи. Он знал, что они станут любовниками, но что он полюбит ее...

Любовь. Он и раньше влюблялся, но все его увлечения были лишь жалкой тенью любви к Кьяре. Он был весь переполнен этим чувством. Подняв голову, он глянул на нее и увидел, как из-под ее ресниц выкатилась слеза.

– Почему ты плачешь, дорогая?

Кьяра молча покачала головой.

– Посмотри на меня. Ответь. Умоляю.

Кьяра открыла глаза и улыбнулась сквозь слезы.

– Ты не понимаешь, почему женщины плачут после того, как побывали на вершине блаженства?

– Не лги мне, Кьяра. Хоть сейчас не лги...

Она прикрыла ладонью его губы, и он ощутил, как в нем снова пробуждается желание.

– Лука...

– Чего ты боишься, Кьяра? Сейчас, когда я...

– Не надо спрашивать, любовь моя.

Улыбка на ее устах противоречила страху, застывшему в глазах, и это заставило Луку замолчать. Он встал, достал из сундука шелковый халат и надел его. Потом достал еще один – цвета морской волны – и протянул его Кьяре.

– Он того же цвета, что твои глаза. – Он помог ей встать и подвел к столу. – А теперь давай поедим. Или ты имеешь что-либо против?

– Лука, как много ты не понимаешь.

– Думаю, я понимаю больше, чем тебе кажется, – нахмурился он.

Они кормили друг друга кусочками сыра и копченой ветчины, пили вино из бокалов синего стекла, целовались и ласкали друг друга, не выпуская на волю слова, переполнявшие их сердца.

Когда Лука снова занялся с Кьярой любовью, он почувствовал, что страх не оставлял ее даже в минуты страсти. Ему хотелось высказать ей все, что накопилось у него на душе, но он промолчал. Только баюкал ее, пока она не уснула.

Услышав, как лодка ткнулась в берег, он вышел наружу, чтобы осмотреться. Какие-то люди торговались с лодочниками. У пристани стояли корзины с провизией, которая была выставлена на продажу. Бродячие торговцы разложили свои товары прямо на земле.

– Найди мне карету с возницей, – приказал Лука лодочнику.

– Хорошо, дон Лука. Мы вернемся сегодня?

– Я еще не решил. Но будьте готовы.

Вернувшись в каюту, Лука застал Кьяру уже одетой.

– Ты встала, – разочарованно протянул он. – А я хотел сам тебя разбудить.

Он хотел ее обнять, но она увернулась. Она лишь притворялась спящей, боясь, что во сне прорвется плотина тех сильных чувств, которые грозили полностью ее затопить.

– Прошу тебя, Лука, отпусти меня, как обещал.

Лука отпрянул, словно она его ударила. Может, и лучше, если она уйдет, подумал он. Не безумие ли это – удерживать женщину, которая способна с такой легкостью причинить ему боль? Но без нее – и Лука это знал – он не сможет жить.

– Я думал, что немного тебя провожу.

– Нет, Лука, не надо.

Сердце отчаянно билось у нее в груди. Беги, сказала она себе. Беги. Сейчас он тебя не

остановит. Он обещал. Но она застыла словно пригвожденная к месту.

– Кьяра, – услышала она тихий голос. – Посмотри мне в глаза и скажи, что ничего не чувствуешь. Что мы просто утолили физический голод. Если ты это скажешь, клянусь Богом, я отпущу тебя.

Этого она сказать не может. А надо бы. Если она останется, то приговорит себя к тому, чтобы повторить судьбу матери.

Она подняла на него глаза. Он молча смотрел на нее, но она услышала его слова так же явственно, будто он их произнес. Глухой, протяжный стон неожиданно вырвался из ее груди. Закрыв руками уши, она упала на колени и низко опустила голову.

Ее стон, похожий на стон раненого зверя, словно кинжалом пронзил сердце Луки. Он опустился рядом с нею, отвел ее руки и прошептал как можно нежнее:

– Ты уже слышала слова моего сердца. Если ты согласишься мне в глаза, я произнесу их вслух.

Я пропала, подумала Кьяра. Хотя ничего еще не было сказано, она уже все слышала. Страх не отступил, но радость была сильнее. Она снова посмотрела на Луку и встретила с ним взглядом.

Глава двадцатая

Когда их карета въехала во двор, жена фермера, кормившая цыплят, высыпала корм из передника на землю и всплеснула руками.

– Синьорина! – воскликнула она. – А мы уже стали беспокоиться.

– Что-нибудь с Донатой? – Кьяра выпрыгнула из кареты и схватила хозяйку за руку.

– Нет, у нее все хорошо. – Но потом тень промелькнула в глазах женщины. – Но она все еще не проронила ни слова.

– А она здорова?

– Да, да, – закивала фермерша, украдкой взглянув на стоявшего поодаль Луку. – У вас, вижу, тоже все хорошо.

– Где она?

– В доме. Сидит у окна. И так часами. Пойдемте.

Доната действительно сидела у небольшого оконца, выходящего в поле.

Кьяра подошла к сестре и, опустившись на колени, осторожно взяла ее за руку, боясь напугать.

– Доната, сестричка. – Кьяра повернула сестру лицом к себе. – Ты здорова, дорогая?

Затаив дыхание, Кьяра всматривалась в лицо Донаты, надеясь обнаружить хоть какой-нибудь знак, что та ее узнала, что понимает, о чем ее спрашивают. Но Доната взглянула на сестру отсутствующим взглядом и отвернулась к окну. Доната находилась в таком состоянии уже два года.

Слезы навернулись на глаза Кьяры, и она уткнулась в колени Донаты.

Это мое наказание, подумала Кьяра.

Она вздрогнула, почувствовав, что ее гладят по голове. Но это был Лука. Доната все так же сидела отвернувшись.

– Тебе не нужно было приезжать, Лука. Твое присутствие может ее расстроить.

– Но почему? – тихо спросил он. – Что с ней такое?

– Пожалуйста, уйди. Я потом тебе все объясню.

Доната неожиданно повернулась и склонила набок голову, будто к чему-то прислушиваясь, а потом посмотрела на Луку.

В первый раз за все время пребывания Донаты на грани помешательства ее взгляд принял осмысленное выражение. Кьяра в ужасе замерла. Но Доната приветливо улыбнулась Луке.

Возможно ли, что она узнала его лицо? И, несмотря на свое безумие, поняла, что это не он ее изнасиловал?

Кьяра тихо заговорила с Донатой на их языке. Но ответа не последовало, взгляд Донаты снова стал бессмысленным, и она отвернулась.

Лука поднял Кьяру с колен и ласково сказал:

– Пойдем, дорогая. Тебе здесь больше нечего делать.

Кьяра позволила Луке увести себя.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить, синьорина? – предложила Кьяре жена фермера.

Рука Кьяры потянулась за кошельком, однако Лука остановил ее.

– погоди. Мы могли бы взять ее с собой.

– Мы? Куда?

– В город.

Они не обсуждали этот вопрос, но он, видимо, считал само собой разумеющимся, что Кьяра вернется с ним в Венецию. Девушка вздохнула: оба знали, что она останется с ним столько, сколько он пожелает.

– За ней будет хороший уход.

– Нет. – Вдруг присутствие Луки напомнит сестре, что с ней случилось, и вызовет у нее новый приступ безумства? Может быть, ей лучше оставаться в теперешнем состоянии? – Синьора присмотрит за ней.

Лука положил на стол пригоршню монет.

– Зачем ты это сделал? Я отвечаю за Донату.

– А ты – моя.

– Ах, да. – Вот оно и начинается, подумала она, закрыв лицо руками.

– В чем дело? – Лука схватил ее за плечи. – Что плохого в том, что я сделал это для нее?

Для тебя?

– Я думала, что мы будем любовниками всего один день. Что мы на равных. Но теперь, судя по всему, я стала твоей содержанкой.

– Ты очень невысокого мнения о моих чувствах к тебе. – Он не ожидал, что ее слова так глубоко ранят его. – Ты все еще не можешь поверить своему внутреннему голосу?

– Прости меня. Я не собираюсь взваливать на тебя вину за решение, которое приняла. Это мой выбор.

На самом деле она в это не верила.

К лодке они вернулись затемно. На корме уже горел факел.

– Слишком поздно возвращаться в Венецию, – сказал Лука. – Мы остановимся по пути на моей вилле в Доло.

Жаровня была засыпана свежими углями, масляные лампы зажжены, стол заново накрыт. Но Кьяра ни на что не обращала внимания. Закутавшись в плащ, она села на подушки.

Ее память все время возвращала улыбку, которой Доната одарила Луку. Она знала. Знала, несмотря на свое состояние. Это может означать лишь одно: брат Луки, которого он считал погибшим, жив.

Кьяра начала перебирать в уме свои видения: Луку в ореоле света, зловещую черную тень позади. Она вспомнила человека с лицом Луки, которого видела в тот день, когда упала с лестницы. А теперь еще и странное поведение Донаты.

– Расскажи мне о своем брате, – неожиданно обратилась она к Луке, который сидел, уставившись на бокал с вином. – О том, который умер.

– Я никогда не говорю о Маттео.

– Ну пожалуйста. – Она под села к нему ближе. – Поговори о нем со мной. Это важно.

– Почему?

– Я думаю, он жив.

– Мой брат умер. И какое он имеет отношение к тому, что происходит с нами, черт возьми!

– Помнишь, какую ненависть я к тебе почувствовала в первый вечер?

– Разве это можно забыть? У меня до сих пор кровь стынет в жилах, когда я вспоминаю твой взгляд.

– Так вот. Два года назад мы с Донатой кочевали с одним табором. Табор расположился на окраине городка в южной Тоскане, а я отправилась в город гадать и попрошайничать. А когда вернулась в нашу кибитку... – голос Кьяры изменил ей, и она запнулась, – обнаружила мужчину, насильовавшего мою сестру. Я набросилась на него и ударила кинжалом, но было уже

поздно. Этот человек был как две капли воды похож на тебя.

Пораженный, Лука молча смотрел на Кьяру.

– Ты меня слышишь? – закричала она. – У него было твое лицо!

Воспоминания о том, что случилось в тот день и во все последующие, вдруг нахлынули на Кьяру, и она разрыдалась.

Лука хотел обнять ее, но она его оттолкнула.

Бог мой, думал он. Сколько же я причинил ей зла? А если ее рассказ – правда, что она подумала о нем, когда он перекупил ее у Манелли? Что она чувствовала, когда он запер ее словно дикого зверя в клетке, целовал, грозился соблазнить и чуть ли не изнасиловал?

А каковы были ее чувства сегодня днем, когда он занимался с ней любовью? Думала ли она в это время об изнасиловании сестры?

Лука сам не знал, сколько он просидел так, мучительно размышляя о своих отношениях с Кьярой. Но вдруг до него дошло, что она перестала рыдать и смотрит на него.

Кьяра между тем выплакала все слезы и почувствовала странное облегчение: будто гора свалилась с плеч. А ведь ничего не изменилось!

– Если хочешь, – глухим голосом произнес он, – я готов поговорить о Маттео. – И он начал свой рассказ об их с братом жизни, о том, как с самого рождения их судьбы были переплетены, как две виноградных лозы, но плоды одной оказались сладкими, а другой – горькими. – Так было всегда, но моя любовь к нему была сильнее ненависти. А вот Маттео ненавидел меня все больше и больше. Потом я влюбился. Ее звали Антония. Однажды Маттео пришел в дом к Антонии, выдав себя за меня. Сначала он ее изнасиловал, а потом зарезал. Когда я пришел, его руки были в крови. Во мне так вскипела кровь, что я даже почувствовал ее вкус у себя на губах. – Лука помолчал. – Я чуть не убил его.

– Но не убил, – тихо сказала Кьяра, понимая, как велика может быть жажда мести.

– Нет. Его посадили под замок. На суде я выступил против него, хотя Алвизе умолял меня промолчать, убеждая, что жизнь дочери какого-то купца не идет в сравнение с честью семьи Дзани. – Горький смех слетел с губ Луки. – Его посадили в камеру под Дворцом дождей, но он каким-то образом сумел подкупить тюремщика и сбежал. – Дрожащими руками Лука налил себе еще вина. – Через два года к нам пришел человек и сказал, что видел умирающего Маттео, на которого напали грабители где-то в Апеннинах. Последними словами Маттео была просьба передать мне, что я наконец-то от него освободился. – Лука залпом выпил вино. – Когда пришел этот человек, – продолжал Лука, – я почувствовал себя так, будто сам убил Маттео. Признаюсь, вкус мести не очень-то сладок.

В голосе Луки слышалась такая боль, что Кьяра была больше не в силах сдерживаться. Она придвинулась к Луке и положила руку ему на плечо. Лука вздрогнул как от удара, и она отдернула руку.

– Как ты можешь ко мне прикасаться? – шепотом прохрипел он. – Как ты могла, после всего, что я тебе сделал, позволить мне любить тебя?

– Да, временами ты был груб со мной, что правда, то правда. Но ты был и добр, даже в тот первый вечер.

– Когда я представляю себе, что ты должна была чувствовать, то содрогаюсь от ужаса.

– Теперь ты понимаешь, почему мне все казалось таким странным? Мои глаза уверяли меня, что ты – черный человек, убивший разум моей сестры, а в видениях ты представал в ореоле света. Я думала, что это помешательство. – Она тихо рассмеялась. – Или наказание за то, что ты меня волновал.

– Я волновал тебя?

– Ты разве не помнишь?

– Помню, и притом совершенно отчетливо. Господи, Кьяра, я редко кого просил о прощении, а тебя прощу. – Лука все еще не смел прикоснуться к ней.

Но Кьяра сама его обняла. Он прижался лицом к ее груди, а она, откинувшись на подушки, стала гладить его светлые волосы. Любовь переполняла ее сердце.

Почему так случается, думала она, что пути судьбы приводят тебя именно в то место, где тебе предначертано быть? Именно поэтому она вышла тогда из укрытия в ту ночь, когда убежала из своей комнаты. Она вспомнила, какое сильное чувство удержало ее тогда от побега.

Вдруг ее сердце сжалось. Какое зло исходило от человека в маске, который был в гондоле с Лукой! Он излучал то же зло, что и человек с лицом Луки, напавший на нее.

Если он жив, значит, это тот же человек, который втянул Луку в тайный заговор, грозящий ему опасностью.

Но поверит ли ей Лука? Он ведь еще сомневается в том, что его брат жив. Как он отнесется к тому, что она ему скажет?

Лука почувствовал, как дрогнуло сердце Кьяры, и поднял на нее взгляд. Но не успел задать ей вопроса, потому что в этот момент лодка причалила к берегу.

Лакеи встречали их с факелами у пристани.

Рука об руку Лука и Кьяра подошли к чугунным воротам, за которыми была видна небольшая вилла.

– Я давно купил этот дом, потому что хотел, чтобы хоть что-нибудь принадлежало мне одному, а не всем Дзани, – пояснил Лука. – Наверно, глупость и тщеславие, но...

– Мы не ждали, что вы так скоро вернетесь, дон Лука, – сказал дворецкий с глубоким поклоном.

Бедный старый Паоло стал забывчив, улыбнулся про себя Лука. Надо заменить его кем-нибудь помоложе.

– Желаете пообедать, дон Лука?

– Принеси чего-нибудь ко мне в комнату, Паоло. Как твоё здоровье? Ты все еще разводишь рыб в пруду?

– Я думал, вы позабыли, дон Лука. В прошлый раз вы о них не спрашивали.

Лука похлопал старика по плечу и повел Кьяру в свои апартаменты. Старик засеменял впереди со свечой и с поклонами распахнул перед ними высокую, с позолоченными лепными украшениями дверь.

Кьяра переступила порог и шарахнулась назад: в нос ей ударило уже знакомое зловоние!

– Нет. Не могу.

– В чем дело, Кьяра? – спросил Лука, озабоченный ее внезапной бледностью. – Что-то не так?

– Уведи меня отсюда.

Слишком уж много сегодня произошло, подумал он и поднял Кьяру на руки, ужаснувшись тому, что ее бьет дрожь.

– Посвети мне, Паоло. Мы пойдем в комнату для гостей.

Лука сидел в кресле у зажженного камина. Кьяра все еще полулежала у него на коленях. Она перестала дрожать, и Лука подумал, что она уснула.

Но она не спала, а думала о том, как объяснить ему свое поведение. Она и так о многом ему сегодня поведала и просила ей поверить. Поверит ли он в то, что ему еще предстоит услышать?

– Лука?

– Я думал, ты уснула. Можешь рассказать мне, что случилось?

– В тот день, когда я упала с лестницы, я видела его – человека с твоим лицом.

– Где?

– В твоих апартаментах. Он вошел и говорил со мной. И... – голос Кьяры снизился до шепота, – потом неожиданно исчез. А когда я увидела тебя на лестнице, то решила, что это он вернулся. Поэтому так сопротивлялась.

– Я пытаюсь понять, поверить, но...

– Теперь я знаю, что существуют два человека с одинаковыми лицами. – Она достала из кошелька кольцо. – Я украли его из твоей комнаты, чтобы прочесть заклинание и освободиться от тебя. У того человека было такое же кольцо, но я лишь потом поняла, что два кольца могут принадлежать двум разным людям. И зловоние, которое я чувствовала в тот день, такое же, какое сейчас в твоей комнате. Он был здесь. Ты понимаешь это, Лука? И он затаил против тебя злобу. Ты мне веришь?

Лука долго молчал. Неожиданно он понял, что имел в виду Паоло, удивившийся

появлению Луки. Похоже, Кьяра говорит правду.

- Верю! И вижу, что Маттео снова сыграл со мной злую шутку.
- Это еще не все.
- Нет, на сегодня хватит.
- Но это важно.
- Прошу тебя, Кьяра!

Лука встал с кресла и осторожно опустил Кьяру на широкую кровать с пологом.

– Мне надо поспать. А утром, при дневном свете, может, все прояснится. Спокойной ночи.

Кьяра стала раздеваться, прислушиваясь к каждому движению Луки. Но тот не обращал на нее внимания, и она подумала, что он, возможно, презирает ее за нелепые, как ему кажется, выдумки.

Она долго не могла уснуть.

Глава двадцать первая

Кьяра проснулась на рассвете и сразу вспомнила вчерашнее. На мгновение ее охватил испуг, но он прошел, как только она почувствовала у себя за спиной размеренное дыхание спящего Луки.

Значит, он все же лег рядом, улыбнулась она. Может быть, она всего-навсего его любовница, но все равно она ему нужна, раз он провел ночь в ее постели. Завтра – будь что будет, а пока у нее еще есть время. Подвинувшись, она прижалась к Луке.

Лука просыпался медленно, но, как только почувствовал ее близость, тут же очнулся.

– Доброе утро. – Он уткнулся носом ей в шею, а потом языком проложил путь к ее уху.

Эти прикосновения вызвали в Кьяре чувственную дрожь. Он, почувствовав это, застонал и прикусил ей мочку уха.

– Лука! – шепнула она.

– Да, любовь моя? В чем дело? – спросил он и стал гладить ей грудь. Кьяра непроизвольно раздвинула бедра, и его твердая плоть скользнула между ними.

Оба замерли. Лука оттого, что боялся напугать Кьяру, а она – потому, что вождение пронзило ее словно молния.

– Кьяра, – прошептал Лука, – скажи, чего ты так боишься?

– Тебе кажется, что я испугалась?

Она прильнула к Луке всем телом, и он рассмеялся.

– Просто прошлой ночью... Расскажу об этом как-нибудь потом. – Сейчас ему не хотелось отвлекаться, он стянул с нее нижнюю рубашку.

Кьяра хотела повернуться к нему лицом, но Лука обнял ее обеими руками. Он не хотел уходить из теплого гнездышка, образовавшегося у нее между бедрами.

А Кьяра приходила в еще большее возбуждение. Он снова прижался ртом к ее шее и прошептал:

– Покажи мне.

– Что показать?

– Покажи, где ты хочешь, чтобы я тебя ласкал.

Ее сжигала страсть, и она поддалась искушению.

Она положила его руки себе на грудь, и он стал ее гладить.

– Так? Или так? – И он стал пальцем водить по соскам.

– Да. – Голова ее была уже как в тумане.

– А потом?

Она заколебалась, но сжигавшая ее страсть сделала ее смелой. Она опустила его руки себе на живот.

От его первых дразнящих движений она сначала замерла, но лишь на мгновение, а потом начала двигаться все быстрее и настойчивее.

В своем желании получить еще больше, она протянула руку и непроизвольно дотронулась до его плоти. Лука застонал, но когда она отдернула руку, то вернул ее обратно.

– Еще. Пожалуйста.

Она повиновалась, удивившись, что доставляет наслаждение не только ему, но и себе.

Чувствуя, что приближается к вершине, Лука откинулся на спину и опрокинул Кьяру на себя. Потом просунул руки ей под колени и усадил верхом. При этом Лука еле удержался от того, чтобы не войти в нее. Но он лишь обхватил ее бедра и опустил их по обе стороны своего тела.

Кьяра поняла, что он предоставляет ей право дарить и брать. Она наклонилась и, глядя ему в глаза, позволила ему войти в нее.

Утомленные, они еще долго лежали рядом.

Неожиданно Лука с удивлением поймал себя на мысли, что ему хочется дать Кьяре обещание. Всю свою жизнь он считал обычай, запрещавший ему жениться, поскольку один из братьев уже был выбран для продолжения рода Дзани, подарком судьбы, залогом свободы. Сейчас он впервые понял, что хочет связать свою жизнь с женщиной. С Кьярой.

Но что он может ей предложить, если не знает, что ему самому уготовано в будущем? Через несколько дней или недель он может умереть либо оказаться в казематах Дворца дождей.

Его дальнейшая жизнь после того, о чем ему вчера поведала Кьяра, предстала перед ним в новом свете. Если правда, что Маттео жив, что Кьяра именно его видела в венецианском палаццо, если он был здесь под видом Луки... Он вспомнил, как зловещий смехок человека в черно-золотой маске напомнил ему смех Маттео. Что, если это и вправду Маттео? Нет, этого не может быть.

Лежа рядом с Лукой, Кьяра слушала, как ровно бьется его сердце. Он лежал не шевелясь и уставившись в полог кровати.

– Кьяра, ты уверена?

Она сразу догадалась, о чем он спрашивает.

– Уверена. – Она понимала, какая у него в голове путаница, но ничем не могла ему помочь. В ее силах было лишь предостеречь его и надеяться, что он ее послушает. – Лука, помнишь, что я говорила тебе о человеке в черно-золотой маске? Он несет с собой смерть.

Возможно, она права и Маттео жив. Возможно, это он в этой маске. Но даже если это так, Лука не верил, что Маттео намеренно причинит ему вред. Какое бы соперничество ни было между ними в юности, как бы велика ни была их ненависть, любовь значила для них больше. В этом Лука был убежден.

Они стояли рядом, рука об руку, пока буксир тянул их лодку через лагуну к городу. Туман был такой густой, что очертания Дворца дождей и краски площади Сан-Марко были едва различимы, а фигуры прохожих казались призраками.

Кьяра чувствовала, как с приближением берега Лука все больше от нее отдаляется.

Их встретил Томмазо, не сумевший скрыть лукавой улыбки.

На берегу их ждал еще один человек, в плаще и белой маске с длинным клювом. Едва перекинувшись с незнакомцем несколькими словами, Лука вернулся к лодке.

– Томмазо отвезет тебя домой, – сказал он, чуть коснувшись ее щеки губами, и она увидела, что глаза его блестят от возбуждения.

– Лука...

– Позже поговорим, дорогая.

Кьяра смотрела ему вслед, и ее сердце переполняло страх. Он слушал ее, но не слышал, это было ясно.

– Не беспокойтесь, синьорина. – Томмазо тронул ее за рукав. – Он еще никогда не смотрел на женщин так, как смотрит на вас. – (Странно, подумала Кьяра, гондольер явно ее не осуждает.) – Поехали. Я сберегу вас для него.

Лука шел за человеком в белой маске и старался не думать о предостережении Кьяры. В конце концов, он мужчина и не позволит, чтобы слова женщины превратили его в труса.

– Каковы планы? – потребовал он. – Скоро начнется?

– Я ничего не знаю. Меня просто послали за вами. Он был недоволен тем, что вы уехали из города.

– Я ему не слуга, – раздраженно отрезал Лука. – Он хочет, чтобы мы ему подчинялись, но не посвящает в свои планы.

– Мы даже не его слуги, мы всего лишь орудие в его руках, и в его власти использовать это орудие или выбросить за ненадобностью. – Голос незнакомца немного дрожал.

Они перебрались на другой берег канала на пароме, затем миновали переулки квартала Сан-Барнаба и очутились в каком-то дворе. Незнакомец постучал три раза в дверь ветхой лачуги.

Дверь открыли, и Лука вошел, не заметив, что его провожатый куда-то скрылся и он остался один.

Когда глаза Луки привыкли к темноте, он увидел, что единственным, кто находился, кроме него, в комнате, был человек в черно-золотой маске.

– Где вы пропадали?

Лука сосредоточился на голосе, но он был приглушен маской и почти неузнаваем.

– Это мое личное дело, – не сдерживая раздражения, ответил Лука. – Я ни перед кем не отчитываюсь.

– Вы передумали? – после долгой паузы спросил человек в маске. – Вы уже не с нами? – Он потрогал кинжал на боку. Не хотел бы он им воспользоваться, но если придется...

– Я же пришел, не так ли? К тому же если вы знаете меня так хорошо, как уверяли, то вам известно, что я человек слова.

– Приятно это слышать, Лука Дзани. Завтра к вечеру начнется. Все уже получили свои задания.

– А что делать мне?

– Мы встретимся с вами на улице Рива деи Скьявони.

– И что дальше?

– Не пройдет и двух часов, как Дворец дождей будет нашим.

– А зачем вам понадобился я? – вскипел Лука.

– Я уже вам говорил. Ваш черед наступит завтра. – Он помолчал и добавил: – И потом. – Он тихо засмеялся.

От этого смеха мурашки пробежали по спине Луки. Он и раньше смущал его, а теперь...

– Кто вы?

– Я уже говорил. Я тот, кто сделает вас знаменитым венецианцем.

– Черт побери, кто вы? – закричал Лука и сдернул с незнакомца черно-золотую маску.

Кьяра испытывала смешанные чувства, увидев, как открываются ворота в палаццо Дзани. Сейчас она заходит в клетку по собственной воле.

Она знала, что Лука к ней равнодушен. Но насколько глубоко его чувство? Насколько долговечно? Ее чувства глубоки и вечны, как море. А это главное, убеждала она себя.

Охранник у ворот загородил ей дорогу.

– Вам нельзя входить.

– Это почему? – Томмазо оттолкнул охранника. – Дон Лука попросил меня привезти синьорину сюда.

– Я выполняю распоряжение дона Алвизе и синьоры Эмилии.

– Ты с ума сошел? Дон Лука тебе башку оторвет!

– Здесь я распоряжаюсь, – раздался с порога голос дона Алвизе. – Ее присутствие оскорбляет меня и мою жену.

– Да, – взвизгнула из-за его спины синьора Эмилия. – Я приглашала священника окропить святой водой комнаты, которые осквернила эта цыганка своим присутствием.

Кьяра содрогнулась так, словно ее ударили. Она однажды видела, что сделали с цыганкой, которую обвинили в колдовстве: ее тело было покрыто шрамами и рубцами от ожогов. Она не позволит, чтобы подобным образом обошлись с ее ребенком.

Она прижала руки к животу, как только неожиданная мысль о ребенке пришла ей в голову. Несмотря на охватившую ее панику, она обрадовалась. Они зачали ребенка! Что бы ни случилось, она всегда будет знать, что ее ребенок – плод любви.

– Дон Лука не позволит, – возразил Томмазо, – чтобы вы так обошлись с синьориной.

Кьяра потянула Томмазо за рукав.

– Пойдем, Томмазо. Я не унижусь до склоки на пороге его дома.

– Как ты смеешь, цыганское отродье? – прошипела Эмилия.

– Да, я цыганка и незаконнорожденная, – тихо ответила Кьяра, но в ее голосе не было смирения. – Но моей матерью была дочь цыганского барона, а моим отцом – Марко Парадини. – Гордо подняв голову, она посмотрела сначала на Эмилию, а потом на Алвизо. – Даже среди князей есть люди менее благородных кровей.

Она повернулась и, осторожно ступая, вошла в гондолу.

Томмазо смотрел на нее преданно и почтительно.

– Куда вас отвезти, синьорина? – осведомился он.

– Надо найти дону Луку, Томмазо.

Гондольер кивнул и стал грести в сторону квартала Сан-Барнаба.

Маска разлетелась на куски, и Лука увидел лицо брата.

– Маттео, – еле слышно прошептал он.

– Он самый, – скрывая свой страх, с вызовом произнес тот.

– Стало быть, она права. Она сказала мне, что ты не умер. – Ком подступил к горлу Луки.

Может, и остальное правда?

– Кто? Это цыганское отродье?

– Не смей ее оскорблять! – Лука поднял кулак.

Надо было ее убить, подумал Маттео, перерезать кинжалом ее нежное горлышко.

– Значит, так обстоят дела. Ты нашел кого-то, кем увлекся сильнее, чем когда-то бедняжкой Антонией, – с ухмылкой сказал Маттео.

При упоминании Антонии у Луки кровь застыла в жилах. Кьяра! Ей угрожает опасность, и он должен ее защитить!

– Зачем ты вернулся после стольких лет? После того, как заставил нас поверить в твою смерть?

Маттео заметил, что в глазах брата мелькнул страх и чуть было не улыбнулся. С ним легко будет расправиться, подумал он, потому что все его мысли будут заняты только тем, как защитить свою цыганку. Даже слишком легко.

– Чтобы расплатиться с тобой.

– Значит, месть, Маттео? Но поверь, вина, которая до сих пор меня гложет, хуже любой мести.

– Ошибаешься, Лука. Мне нелегко пришлось, но я стал совсем другим человеком. – Он протянул Луке руку. – Я приехал, чтобы отплатить тебе, а не мстить.

Лука смотрел на улыбающееся лицо Маттео, и все предостережения Кьяры вылетели у него из головы. Он забыл о ненависти. Все, что он помнил, была любовь.

И он пожал протянутую руку.

Глава двадцать вторая

– Лука! – Кьяра выпрыгнула из гондолы и выбежала на площадь.

Лука сначала остановился, а потом бросился ей навстречу.

– В чем дело? – Он схватил ее за плечи. – Что случилось? Что ты здесь делаешь? Отвечай!

– Ты цел? – потребовала она, задыхаясь, потому что чувствовала присутствие черной магии, окутывавшей фигуру Луки. – Я тебя искала.

Глаза Луки светились радостью, но это ее не обрадовало. Такие глаза бывают у человека, узревшего чудо, подумала она. Теперь ей не удастся убедить его в своей правоте.

– Зачем?

– Ваш брат и его жена, – сказал подошедший Томмазо, – не пустили синьорину даже на порог дома.

– Вот как! Я этого не потерплю!

Страшное видение вдруг предстало перед глазами Кьяры: мерцающий отсвет факелов на воде, Лука в окружении людей, в руках которых поблескивает оружие. А демон со зловещей

улыбкой на губах растворяется в темноте.

Лука видел, как на мгновение взгляд Кьяры остановился.

– Что ты видишь? – спросил он.

Она тряхнула головой. Скоро это случится. Слишком скоро.

– Ничего особенного.

– Тогда пошли. Я отвезу тебя домой. Они не посмеют открыто бросить мне вызов.

– Нет! – в отчаянии крикнула она. Она понимала, что сейчас ни к чему тратить силы на ссору с родственниками. Как бы сильно он ее ни любил, каким бы сильным ни было ее влияние, он уже не свернет с выбранного им пути. – Мой брат предлагал остановиться в его доме. Поедем туда.

– Если ты не хочешь возвращаться в палаццо Дзани, – нахмурился он, – есть много других мест, куда бы мы могли поехать.

– Прошу тебя. – Как объяснить ему, что, когда он пойдет навстречу своей судьбе, ей необходимо быть с кем-то, кто ее не презирает?

– Ладно, – согласился он, но по выражению его лица было видно, что он недоволен. – Сделаем так, как ты хочешь.

Дом Ренцо был небольшим, но вопреки ожиданиям Луки вполне respectable.

Дверь им открыла веселая толстушка, проводившая их в комнаты на втором этаже. Узкая деревянная лестница была обшарпанной, но безупречно чистой.

– Синьорина уже не первая, кто называется сестрой синьора Ренцо. Но вы первая, кому я поверила, потому что у вас те же глаза, что и у него. – Толстуха хихикнула и постучала в дверь. – К вам пришли, синьор Ренцо.

– Оставь меня, Маддалена. Дай поспать, – раздался из-за двери приглушенный голос.

– К вам пришла ваша сестра. Настоящая сестра.

За дверью послышалось какое-то движение, а потом она открылась.

Ренцо был одет в простую полотняную рубашку и облегающие бриджи. Его длинные волосы были взлохмачены.

– Мы можем войти? – спросила Кьяра.

Ренцо жестом пригласил их в комнату.

– Маддалена, сокровище мое, буду тебе бесконечно благодарен, если ты принесешь нам кофе.

– Как может пожилая женщина отказать такому очаровательному юному негоднику? – снова хихикнула толстушка.

– Именно на это я и рассчитываю, – ответил Ренцо и закрыл дверь. – Должно было случиться что-то очень плохое, если такой человек, как вы, дон Лука, решились переступить порог моего дома.

– Это Кьяра попросила привести ее сюда.

– У меня есть причины не оставаться в доме у Дзани. Могу я побыть здесь до того времени... – она глянула на Луку. – До какого времени, Лука?

Она знает, подумал Лука. Это видно по ее печальным, полным слез глазам. Каким-то образом она узнала, что его час настал.

– До завтрашнего дня, – ответил он, не спуская с нее глаз.

Ренцо наблюдал за ними с интересом заядлого игрока. Что бы здесь ни происходило, он понял, что им обоим трудно.

– Мое убогое жилище в твоём распоряжении, Кьяра. Можешь оставаться здесь, сколько тебе будет угодно.

Постучавшись, вошла Маддалена с кофе и печеньем.

– Моя сестра и ее... спутник побудут у меня еще немного, а ты, Маддалена, пока поменяй белье и приберись здесь.

– Сейчас же пойду и принесу белье, синьор. Как только Маддалена вышла, Лука набросился на Ренцо:

– Вам не интересно, почему Кьяра здесь? Она же ваша сестра!

– Он мне не сторож, Лука, как, впрочем, и ты, – вскипела Кьяра. – Кроме того, мы едва

знакомы, чтобы расспрашивать.

– Но, несмотря на это, ты настояла, чтобы мы пришли именно сюда.

– Возможно, это потому, что кровь – не водица. Думаю, тебе это хорошо известно, ведь так? – Слезы так быстро подступили к глазам, что она не успела их сдержать.

Обстановка явно накалялась, и Ренцо решил оставить их одних.

– Как ты не понимаешь, Кьяра, – Лука обнял ее. – В каком-то смысле ты оказалась права – Маттео жив, но он совсем не такой, как ты говорила.

– Я сужу о твоём брате не по тому, что мне позволил увидеть дар ясновидения, а по тому, что видели мои глаза.

– Он изменился.

– Ты видел, что он сделал с Донатой. Похоже это на поступок человека, который ступил на стезю добродетели? – вскипела она, позабыв на мгновение, что у нее нет шансов переубедить его.

– Может, ты все-таки ошибаешься, любовь моя? А если и нет, то, говорю тебе, сейчас он изменился. Он верит в любовь.

Кьяра вздохнула и приложила палец к его губам. Может быть, у нее осталось всего двадцать четыре часа, чтобы побыть с ним? Она не будет омрачать их бессмысленными спорами.

Ренцо появился из соседней комнаты, модно одетый, с плащом через плечо и маской в руке.

– До свидания. – Он шутливо отсалютовал им треуголкой. – Оставляю птичкам любовное гнездышко.

– Мне надо сегодня кое-что сделать, – прервал его Лука. – Вы бы не могли остаться с Кьярой до моего возвращения?

– Куда ты собрался? – испугалась Кьяра. – Не уходи.

– У меня кое-какие дела. Это касается тебя, любовь моя.

– Тогда останься.

– Я вернусь через час. – (Она ухватила за его рукав, не отпуская.) – Прошу тебя.

Он не из тех, кто привык просить. Нежность давалась ему с трудом, но таков уж он. И она его отпустила.

Через час Лука вернулся.

– Хочу попросить вас еще об одном одолжении, – обратился он к Ренцо, перед тем как войти в дом. – У меня на завтрашний вечер назначена встреча. Не могли бы вы остаться дома с Кьярой?

– Хорошо, – кивнул тот.

– Вот деньги. – Он протянул Ренцо кошелек. – На всякий случай.

– Я позабочусь о ней.

Когда дверь за Ренцо закрылась, Лука поднялся наверх и сел на диван, в углу которого, свернувшись калачиком, лежала Кьяра.

– Не хочешь спросить меня, где я был? – Лука постарался придать голосу веселость, но взгляд Кьяры был так печален, что вопрос прозвучал скорее грустно.

– Мне ни о чем не хочется говорить. – Она придвинулась к Луке. – Ни о чем.

– Ты уверена? – Он посадил ее себе на колени. – Разве ты не хочешь, чтобы я сказал, что люблю тебя?

Слезы градом покатались из глаз Кьяры, но она не стала их утирать.

– Не плачь, любовь моя. Все будет хорошо, можешь мне поверить.

Он хотел ее утешить, а она заплакала еще сильнее.

– Иначе и быть не может, потому что за все это время, что меня не было, я подготовил все к нашей свадьбе.

– Что? – От удивления у Кьяры высохли слезы. – Тебе же нельзя жениться. Отец мне рассказывал о законах Венеции.

– Он нам и поможет. Его имя записано в Золотую книгу, значит, со временем мы получим разрешение на брак. Я уже дал наставления своему адвокату подготовить все необходимые

бумаги.

– А как же твой брат?

– Я предупредил Алвизе. Пора признать, что его жена бесплодна. Мы поженимся, любовь моя, и у нас будут дети. И род Дзани продолжится.

Может, он никуда не пойдет завтра? – обрадовалась Кьяра. Если она скажет, что скоро у него родится сын, он останется с ней?

Но она не проронила ни слова.

Лука, конечно, останется, но она его потеряет. Ибо он никогда не простит ее за то, что она удержала его от исполнения долга чести.

Следующий день был серым и туманным, и сумерки наступили рано. Лука собрался уходить. Внешне он был спокоен, хотя на самом деле его нервы были напряжены. Он немало участвовал в сражениях, но на сей раз отправлялся на битву вслепую, не имея никакого плана, не зная стратегии. Впервые в жизни он вверил свою судьбу другому человеку. И этим человеком был Маттео.

Также впервые в жизни он оставлял дома любимую женщину, что, против его ожиданий, оказалось самым трудным.

Влюбленные ни о чем не говорили, но, когда настал момент расставания, попрощались так легко, словно должны были снова встретиться через час. Лука лишь слегка коснулся губами ее рта, а она даже не обняла его. Как будто такое прощание было залогом скорой встречи.

Лука сбежал по узкой лестнице, но внизу остановился. Он должен еще раз сказать, как сильно ее любит, что будет любить всегда и сделает все, чтобы она забыла, как грубо он обошелся с ней в первый день их знакомства.

Обернувшись, он увидел, что Кьяра стоит на пороге, вытянув вперед скрещенные ладонями вверх руки.

– Не возвращайся, это плохая примета. Я слышала все, что ты хотел мне сказать.

Он ушел, больше не оглянувшись.

– Как ты? – спросил Ренцо, стоявший у нее за спиной.

Она молча его оттолкнула и, вбежав в комнату, схватила плащ и засунула за пояс юбки кинжал.

– Что ты делаешь? Куда ты собралась? – потребовал Ренцо, схватив ее за руку.

– Отпусти меня! – крикнула Кьяра, стараясь вырваться. – Отпусти или пойдем со мной!

– Никуда ты не пойдешь. Я тебя не отпущу.

– Я должна уйти. – Отчаяние прибавило ей сил: она выдернула руку и выбежала за дверь. Ренцо бросился за ней.

Глава двадцать третья

Лука шел быстрым шагом по узким улочкам. Повинуясь какому-то безотчетному тревожному чувству, он пошел кружным путем, который привел его к докам.

Маттео говорил, что они привлекут к заговору докеров Венеции, которые в одном лице представляли в Венеции и пожарников, и армию, и полицию. Без них, по мнению Луки, успех заговора был немислим.

Лука проскользнул мимо двух каменных львов, охранявших вход. Здесь сильно пахло сыростью, а издали слышны были стук молотков и визг пил. Группа докеров прошла мимо Луки, громко обсуждая предстоящую игру в очко. Это показалось Луке странным.

И у колоннады, где обычно смолили канаты, тоже не было никаких признаков того, что люда, собираются бунтовать.

Какой-то шум за спиной привлек внимание Луки. Он обернулся и увидел, как двое в плащах скрылись за колоннами.

Лука хотел было последовать за ним и тут услышал женский шепот. Но это была всего-навсего влюбленная парочка, притаившаяся в укромном уголке. Лука повернул в сторону набережной.

С самого раннего детства, когда отец Луки решил, что мальчик больше подходит для

службы в венецианском флоте, чем для семейного предприятия – торговли пряностями, Лука никогда не давал повода сомневаться в его храбрости. Но сейчас его одолевали сомнения.

Лука ждал, когда же будет дан сигнал действовать, но его не было.

Это Кьяра посеяла в его душе сомнение, думал Лука. Нет, неправда. Он сам сомневался с самого начала, с того первого раза, когда заговорщики собрались на площади Барнаба. Но гнал эти сомнения прочь, потому что чувствовал, что перемены необходимы. А еще потому, что человек в маске... Маттео был так настойчив и убедителен.

Однако сейчас ему будет труднее выполнить обещание, данное Маттео, еще и из-за Кьяры.

Хотя она и не пыталась отговорить его, он видел, какими печальными были ее глаза. Ему было бы легче, если бы она умоляла его остаться. Но она не стала.

Не думай о ней, приказал он себе. Это сделает тебя слабым и нерешительным.

Остановившись на мосту, он бросил взгляд вниз, на набережную, и в толпе гуляк увидел группу неподвижно стоявших мужчин. Он узнал в них людей, с которыми встречался несколько раз в темных переулках Венеции. Никаких докеров, готовых начать волнения, ни солдат, ни даже наемников.

Что происходит? – размышлял Лука. Неужели Маттео задумал весь этот фарс с заговором, чтобы посмеяться над ним? Или чтобы унижить? А может – в первый раз Луку осенила эта мысль, – чтобы убить его?

Лука всегда делал то, что было должно, не задумываясь о последствиях по отношению к себе самому. Но сейчас жизнь вдруг показалась ему бесконечно дорогой. Он никуда не пойдет...

Но в это мгновение какая-то тень отделилась от стены дома, и, хотя человек был в такой же маске, как все, Лука узнал в нем Маттео.

Что-то перевернулось в сердце Луки. Он сошел с моста и направился к брату.

Кьяра спряталась в тени балюстрады при входе на мост. Ренцо был рядом. Ее магическая связь с Лукой была сильна, и Кьяра чувствовала его сомнения. Забыв о своем решении не мешать Луке, она пробормотала цыганское заклинание, чтобы отвратить его от избранного им пути. Но заклинание не подействовало – слишком велика была его решимость.

– Почему ты так уверена, что брат предаст его? – шепотом спросил Ренцо. – Ты сама сказала, что кровь – не водица.

– Ты знаешь, что такое зло, Ренцо? Не то слабое подобие злобности нашего отца или жестокости твоей матери. А настоящее зло, рожденное силами тьмы? Я его видела. – Кьяра содрогнулась. – Я видела его в глазах брата Луки.

Заметив, что Лука идет по направлению к набережной, она ступила на мост.

Спускаясь по ступенькам моста, Лука заметил, что Маттео остановился в круге света от уличного фонаря и снял перчатку, так что был виден шрам на руке. В то же мгновение люди, стоявшие на набережной и, очевидно, ждавшие этого сигнала, окружили Маттео полукругом и замерли, как хорошо выдрессированные псы. Это насторожило Луку, но он и не думал отступать.

Время для сомнений прошло, подумал он. Настала пора действовать.

Лука и Маттео пожали друг другу руки.

– Где же люди, о которых ты говорил? – тихо спросил Лука. – Или ты собираешься захватить власть с помощью жалкой кучки этих людей?

– Чем, ты думаешь, я занимался все эти недели? – Маттео шутливо толкнул Луку локтем в бок. – Все подготовлено.

– Что именно? Мне нравится открытый бой, я не хочу стать жертвенным ягненок.

– Сомнения, братец? – Маттео рассмеялся. – Или страх? – Это уже был вызов.

– Осторожность. Что-то мне не хочется сегодня умирать. И в будущем – тоже.

Маттео увидел, что Лука улыбается, и прежняя зависть захлестнула его. Однако он быстро опомнился. Ему больше незачем завидовать брату. Сегодня его день.

– Не бойся. – Маттео похлопал Луку по плечу. – Охрана Дворца дождей – наши люди. Сегодня никто не умрет.

Маттео жестом приказал окружавшим его людям следовать за ним.

– Что ты собираешься делать? – Ренцо схватил Кьяру за руку. – Неужели пойдешь за ними?

– Непременно. – Обрывки видений преследовали ее. – Если есть хоть один шанс спасти его, я им воспользуюсь.

– Это безумие. Я этого не допущу. Всю жизнь мечтал о том, чтобы у меня была семья, и совсем не хочу тебя терять, – в отчаянии умолял ее Ренцо.

– Я люблю его. Он – моя судьба. Можешь не ходить со мной, Ренцо.

Группа во главе с Маттео направлялась в сторону Дворца дождей. Кьяра пошла за ними. Ренцо не отставал от нее ни на шаг.

Неожиданно Кьяра споткнулась и упала на одно колено.

Ренцо наклонился, чтобы помочь ей встать, но она вдруг прислонилась к нему всем телом, потому что силы покинули ее.

– Свершилось, – прошептала она.

– Что?

Ответ Ренцо увидел сам. Люди на набережной бросились врассыпную, а по мосту с оружием на изготовку бежали гвардейцы в бронзовых касках и коротких красных плащах.

Завидев приближающихся гвардейцев, Лука замер. Не было ни страха, ни отчаяния – так сильно его поразило предательство.

– Теперь я с тобой рассчитался, – прошипел ему на ухо Маттео. – Я выполнил свое обещание сделать тебя знаменитым. – И он так толкнул Луку в спину, что тот чуть было не упал.

– Добро пожаловать, изменник, – сказал капитан гвардейцев и сорвал с Луки маску.

Луке потребовалась только секунда, чтобы обнажить свою шпагу и вступить в бой.

Именно это видение промелькнуло в голове Кьяры: отблеск факелов на воде и Лука, оказавшийся один на один против вооруженных людей.

Она видела, как Маттео толкнул Луку в спину, а сам стал незаметно отступать в темноту.

Кьяра сунула руку под плащ и достала кинжал.

Черная магия окутала ее, веревкой обвилась вокруг ее горла, так что она чуть было не потеряла сознание. Но у нее есть оружие, напомнила она себе.

Черная сила в своем сердце, переполненном любовью, она двинулась наперерез Маттео, и когда тот сделал последний шаг назад перед тем, как улизнуть, его спина уперлась в кинжал Кьяры.

– Вот и конец, – сказала она. Не убирая кинжала, она повернула его к себе лицом.

– Ну и ну, спасти Луку явилась его потаскушка, – насмешливо сказал Маттео. – И что ты сделаешь? Убьешь меня?

– Если придется.

– Не смей меня!

– Мне уже приходилось проливать твою кровь. – Ненависть, жажда мести всколыхнулись в ней. – Я не колеблясь пролью ее снова.

– О чем ты говоришь?

Кьяра сорвала маску. Зло все еще душило ее. Но постепенно оно стало отступать, а вместе с ним и ненависть, которую она так долго лелеяла в своем сердце, хотя не сразу это осознала.

– Шрам на твоей руке – след моего ножа. Но это уже не имеет значения. Сейчас важно спасти жизнь Луке. Ты дашь ему умереть только потому, что он слишком тебе доверял? Слишком тебя любил?

– Любил? – зло выкрикнул Маттео. – Знаешь, что он со мной сделал? Он получал все, а я – ничего. А когда я взял себе то, что принадлежало ему, он упрятал меня в тюрьму! – Маттео бился в истерике.

Да он безумен, поняла Кьяра. Неужели ненависть затмила его разум?

– Сейчас я опять возьму себе то, что принадлежит Луке, – вдруг засмеялся Маттео и ударил ребром ладони по руке Кьяры, державшей кинжал.

Кьяра вскрикнула от боли и, хотя ей удалось не выронить кинжал, поняла, что шанс упущен.

Лука отражал натиск гвардейцев с отчаянием человека, сражающегося за свою жизнь.

Люди из окружения Маттео разбежались.

Вдруг среди звона сабель и шума боя Лука услышал женский голос. Кьяра! Он отвлекся на мгновение и оказался распростертым на мокрых камнях. В шею ему упирался конец шпаги.

Торжествующий клич заставил и Кьяру, и Маттео обернуться. Они увидели Луку, лежащего на мостовой.

– Молю вас, – отчаянно зашептала Кьяра. – Не дайте ему умереть.

– Я столько лет ждал этого момента! Ни за что!

– Умоляю, Маттео, пусть он увидит своего сына.

Что-то – может быть, ее синие, полные слез глаза, может, любовь, окружавшая ее светлым ореолом, а может быть, то, что она так тихо, так нежно назвала его по имени, – тронуло его, рассеяв тьму, поглотившую его душу и разум.

Он долго молчал, а потом подошел к капитану гвардейцев.

– Остановитесь. Он невиновен.

– Кто вы? – потребовал капитан.

Маттео снял маску и поднял руку ладонью наружу.

– Что? – побледнел капитан. – Кто?

– Маттео Дзани, к вашим услугам.

– Но Маттео Дзани умер.

– Мне было на руку, чтобы в это поверили. Я хотел отомстить брату и устроил этот фарс. Ему ничего не ведомо. Это я заманил его сюда.

– Я вам не верю. Инквизиция располагает сведениями, что...

– ...что человек, называющий себя Лукой Дзани, замышляет восстание. Это я предоставил такие сведения. Отпустите брата.

– А кто эти люди? Как быть с ними?

– Все они платные наемники. – Маттео сделал презрительный жест рукой.

– Маттео Дзани! – Голос капитана звучал почти торжественно. – Сенаторы ждут ваших объяснений.

Маттео будто не слышал слов капитана. Он подал Луке руку и поднял его. Они молча стояли друг против друга, будто никого вокруг не было.

– Всю свою жизнь, – начал наконец Маттео, – я хотел быть похожим на тебя, а на деле был полной твоей противоположностью. Я всегда тебя любил и всегда ненавидел, но ненависть была сильнее любви. – Тень улыбки мелькнула на губах Маттео. – Сейчас, пусть на мгновение, любовь взяла верх над ненавистью. – Он слегка подтолкнул Луку. – Иди. – Маттео посмотрел поверх толпы, туда, где стояла Кьяра. – Живи за нас обоих.

– Маттео, – начал Лука, но брат прервал его.

– Если можешь, прости меня, а если не можешь... – с прежней насмешливостью добавил он, – если не можешь, то и не надо. Я все равно буду гореть в аду и с твоим прощением.

Его схватили и увели.

Кьяра подошла к Луке и взяла его за руку.

Набережная опустела. Гуляки, попрятавшиеся по углам, выходили из своих укрытий, странно притихшие.

– Как тебе это удалось? – полюбопытствовал Лука. – Прочла заклинание?

– Да. Но не такое, как ты думаешь.

Лука посмотрел на Кьяру вопросительно.

– Мое сердце было так переполнено любовью, что в нем не осталось места для ненависти. Он это почувствовал. И вспомнил, что в его сердце тоже жила когда-то любовь.

Эпилог

Раздев женщину, служанка удалилась, прикрыв за собой дверь.

Кьяра, в рубашке из тончайшего полотна, откинулась на подушки, ожидая, когда к ней войдет муж. Ее муж.

Она тихо произнесла это слово, эхом отозвавшееся в тишине комнаты. Ей все еще не верилось, что это правда. Сначала она не поверила, когда Лука сообщил ей: власти Венеции готовы признать ее дочерью патриция, чтобы она могла стать его женой. Даже увидев бумагу, подписанную и скрепленную печатью, она все еще сомневалась. И когда они сегодня стояли перед алтарем, происходящее казалось ей нереальным. Она вообще сомневалась, что когда-нибудь сможет поверить в это до конца.

Кьяра устало – в эти дни она быстро уставала – опустила на подушки и закрыла глаза, не замечая, как погружается в сон.

Лука вошел в спальню и, остановившись у края кровати, посмотрел на жену. Свою жену.

Он тихо произнес это слово, эхом отозвавшееся в тишине комнаты. Ему все еще не верилось, что это правда, настолько он был убежден, что никогда не женится.

Но он так страстно хотел, чтобы Кьяра стала его женой, что пошел и против традиций, и против старшего брата. Разрешению на брак он радовался даже больше, чем известию о том, что Сенат принял решение выделить корабли и матросов, которых он просил.

Они проживут вместе всю жизнь. У них будут дети – законные наследники.

Она устала, с нежностью подумал он. Она так бледна, что отчетливо видны тени под глазами. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он лег рядом.

Но как только кровать прогнулась под тяжестью его тела, Кьяра проснулась. Она посмотрела на него с улыбкой.

– Прости, я не хотел тебя будить.

– Я ни за что не пропущу свою первую брачную ночь.

– Тебе надо спать. Ты устала. – Лука провел пальцем по темной, будто воспаленной коже под глазами Кьяры.

– Совсем немножко. – Она схватила его руку и прижала к губам.

– Кьяра... – начал он, но она придвинулась ближе и поцелуем заставила его замолчать.

Желание захлестнуло Луку. Он стянул с нее ночную рубашку и в немом восторге уставился на ее обнаженное тело.

В последние месяцы оно стало еще более роскошным: груди налились, а бедра округлились. Лука стал гладить ее живот.

– Как ты думаешь, – решил он, – мы сможем зачать ребенка сегодня ночью?

– Нет, любовь моя, – покачала головой Кьяра – Мы это уже сделали. – И она прижала его руку к своему животу.

– О чем ты говоришь?

– Я говорю, что мы уже зачали ребенка – в тот самый первый раз, когда любили друг друга. – Лукавая улыбка озарила лицо Кьяры.

– А давно ты это поняла?

– Тогда и поняла.

– Почему же ты мне ничего не сказала?

– Не хотела отвлекать тебя от главного.

– Ты должна была мне сказать. Если бы все обернулось иначе, я никогда бы об этом не узнал.

– Если бы все обернулось иначе, а ты бы знал, тебе было бы еще труднее. – Кьяра притянула его к себе. – Так что, мы будем препираться в нашу первую брачную ночь?

Но Лука все еще не мог успокоиться.

– Если ты знала, то как могла подвергать себя такой опасности?

– Я ведь люблю тебя.

– Несмотря ни на что?

– Лука, что было, то было. Прошлого не изменить. Можешь мучить себя, а можешь и забыть. Я забыла.

- Я люблю тебя, Кьяра, и клянусь, что всю жизнь буду это тебе доказывать.
- Начнешь сейчас?
- В этот же миг.

www.megabook.do.am